

Введение

Так случилось, что одна из страниц истории российско-греческих отношений — все возмужавшей активности посещения русскими военно-морскими кораблями и моряками единой Греции — совпала с историей возрождения Российского флота при императорах Александре II, Александре III и Николае II после трагического поражения России в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг.

Первые годы после Крымской войны положение России на море было весьма тяжелым, так как она оказалась практически лишенной военного флота. По условиям Парижского мирного договора от 18 (30) марта 1856 г. страна, в частности, лишалась права содержать сильный военный флот, военные арсеналы и крепости на Черном море, что усложняло защиту южных областей и южнорусской торговли, ставило под вопрос историческое стремление России к обеспечению свободного выхода в Средиземное море. Результат Крымской войны изменил расстановку международных сил, давая преимущество Франции и Англии, а на море — их флотам.

Тотчас по заключении мира перед Российским государством встала необходимость постепенного возрождения военно-морского флота. В это время в мировом кораблестроении наступала эпоха металлического броненосного кораблестроения, и Россия не имела права отставать от этого процесса. После Крымской войны начал бурно развиваться паровой флот; в 1860-х и 1870-х годах была проведена реформа военно-морских сил, заключающаяся как в полном техническом перевооружении флота, так и в изменении условий службы офицеров и нижних чинов; в течение второй половины XIX в. Россия создала современный по тому времени броненосный флот¹.

¹ Военно-морской флот России середины XIX — начала XX века // <http://istoriirossii.ru> (Дата обращения: 18.11.2016); История Российского флота. М., 2015.

Развитие Российского императорского флота традиционно зависело от личного отношения к нему как самого императора, так и членов большой семьи Романовых. Петр I, Екатерина II, Александр III, великие князья Константин Николаевич и Александр Михайлович сделали многое для развития российского военно-морского флота. В 1855 г. Александр II, вступивший на российский престол в связи со смертью отца, Николая I, «призвал к управлению флотом и Морским ведомством на правах министра» своего младшего 28-летнего брата, генерал-адмирала Константина Николаевича².

*Великий князь
Константин Николаевич*

С детства великий князь полюбил флот и море и произошло это, скорее всего, благодаря его воспитателю с 1832 г., известному русскому мореплавателю, адмиралу флота графу Ф.П. Литке³.

Делу воспитания великого князя адмирал Литке отдал 16 лет. И не зря! Константин Николаевич, на всю жизнь искренне полюбивший флот и моряков, сделал немало для возрождения и значительных изменений в российском флоте. В этом ему помогало прекрасное морское образование, получен-

² Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) — сын императора Николая I (1796–1855), генерал-адмирал, долгие годы — морской министр, родной брат и соратник царя «Освободителя» Александра II. Был женат на великой княгине Александре Иосифовне, принцессе Саксен-Альтенбургской (1830–1911), отец греческой королевы Ольги, великой княжны Ольги Константиновны.

³ Литке (Лютке) Федор Петрович (1797–1882) — граф, географ, исследователь Арктики, генерал-адъютант, адмирал (1855), президент Императорской академии наук (1864–1882).

ное, по указанию отца дома, по программе Морского кадетского корпуса, в котором участвовали опытные русские флотоводцы. Высокое положение не освобождало великого князя от постоянных проверок его знаний и строгих экзаменов⁴.

К огорчению Константина Николаевича его искреннюю любовь к флоту из всех его детей (четырёх сыновей и двух дочерей) унаследовала лишь дочь, великая княжна Ольга Константиновна, ставшая в 16 лет королевой эллинов. Ее отношения с флотом были настолько крепкими, что Ольгу называли «королева-мать русского флота», и об этом речь пойдет ниже.

Великие князья в ту пору делали «карьеру» стремительно: в четыре года в 1831 г. великий князь был назначен почетным генерал-адмиралом и шефом гвардейского экипажа; в 1834 г. — произведен в мичманы, в 1844 г. — в капитаны, получив в командование первое судно — бриг «Улисс». В 1850 г. Константин Николаевич был назначен председателем комиссии по пересмотру и дополнению общего свода морских уставов и членом Государственного совета. При Александре II в 1855 г. он занял высший пост управляющего флотом и Морским ведомством на правах министра с чином вице-адмирала, а в 1860 г. получил назначение на пост председателя Адмиралтейств-совета⁵.

*Граф
Ф.П. Литке*

⁴ Зуев Г.И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701–1925. М., 2005. С. 219.

⁵ Александр II находил в родном брате Константине Николаевиче поддержку также по вопросу об освобождении крестьянства.

«Великий князь был выдающимся человеком, администратором и государственным деятелем, — писал в воспоминаниях капитан 2-го ранга (в эмиграции контр-адмирал) Г.К. Граф, — под его руководством произошел переход от парусного флота к паровому и бронированному. Он принес флоту неизмеримую пользу и искренне его любил»⁶. Молодой и честолюбивый руководитель Морского ведомства активно включился в планы по преобразованию и постройке нового российского военно-морского флота: с этой целью были привлечены лучшие морские инженерные кадры и руководители: братья Бутаковы, И.А. Шестаков, и первый среди них — талантливый судостроитель и моряк А.А. Попов, построивший новые типы судов, и многие другие. Морское ведомство России понимало необходимость кардинальных изменений в строительстве флота, но приходилось учитывать финансовые трудности страны и отсталость ее промышленности. На первых порах пришлось ограничиться заграничными заказами и посылкой своих инженеров за рубеж для изучения новых технологий⁷.

В 1862 г. великий князь был назначен наместником Царства Польского и на время отвлекся от флотских дел, однако уже через три года он вновь вернулся к ним, поскольку его примирительная либеральная политика не привела к желаемым результатам в Польше. В Петербурге в 1865–1881 гг. он успешно занимался государственными делами, став председателем Государственного совета и главой морского ведомства. Проводимые под его руководством военно-морские реформы заключались в полном техническом переоснащении флота, т.е. замена парусного флота паровым броненосным. При нем были приняты все меры для создания собственной судостроительной и механической промышленности, что способствовало большей независимос-

⁶ *Граф Г.К.* Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914 гг. М., 2013. С. 168.

⁷ *Скрицкий Н.В.* Адмиралы России. Гордость императорского флота. Ростов-на-Дону, 2013. С. 186–187.

ти России от заграничных судостроительных заводов. Так, в конце 1860-х — начале 1870-х годов были основаны Ново-Адмиралтейский, Балтийский судостроительный и Механический, а также Обуховский оружейный, Ижорский и другие заводы, возобновилась работа на верфях Николаевского адмиралтейства. Паровые машины, котлы и материалы для их корпусов были изготовлены под общим руководством чиновника особых поручений кораблестроительного департамента Н.И. Путилова в петербургских механических мастерских. Механиками на вводимые в строй винтовые военные корабли назначались русские мастера. За первое десятилетие, прошедшее с момента окончания Крымской войны, для военно-морских сил России на основе как отечественного, так и зарубежного опыта были разработаны крейсера (винтовые фрегаты, корветы и легкие клиперы), ни в чем не уступавшие зарубежным аналогам. К началу 1870-х годов было официально объявлено, что создание оборонительного флота на Балтике можно считать завершенным. В 1869 г. был заложен первый броненосец, предназначенный для плавания в открытом море — «Петр Великий».

Константину Николаевичу принадлежит также заслуга в поддержке идеи Н.А. Аркаса о создании частного акционерного общества Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ) «в самых больших размерах». По сути это была попытка обойти запрет держать большой флот на Черном море по Парижскому мирному договору. Его XI статья ставила Россию в неравноправное положение с Османской империей, которая полностью сохранила свои военно-морские силы, просто разместив их в Мраморном и Средиземном морях, откуда их можно было быстро переместить в Черное через контролируемые ею Босфор и Дарданеллы. Поэтому перед РОПиТ, помимо развития торгового судоходства, была негласно поставлена и другая задача — строить такие торговые суда, которые в случае войны могли бы выполнять боевые задачи, а также создать и поддерживать базу (экипажи, порты и ремонтные предприятия), необходимые для

быстрого воссоздания Черноморского флота. Император дал свое согласие на создание на юге России большого торгового флота, который строился в основном за казенные деньги. Директором РОПиТ был назначен Н.А. Аркас, а сам Константин Николаевич стал одним из главных акционеров⁸. Общество получило от правительства огромный кредит и ежегодные субсидии на двадцать лет. Быстрым созданием РОПиТ решался и вопрос о трудоустройстве множества прекрасных морских офицеров, оставшихся без кораблей после Крымской войны: по приказу главы Морского ведомства в РОПиТ было направлено 126 морских офицеров и несколько сотен матросов из состава Черноморского флота⁹. РОПиТ быстро превратилось в одну из крупнейших судоходных компаний Причерноморья.

После франко-прусской войны 1871 г. Россия, воспользовавшись поражением Франции, отказалась от выполнения некоторых статей унизительного Парижского трактата 1856 г., в частности лишаящих ее права иметь сильный военный флот на Черном море (Лондонская конвенция 1871 г.). Теперь российское руководство могло приступить к постройке кораблей для Черноморского флота. Ветхость деревянных крейсеров, необходимость военно-морского присутствия на Дальнем Востоке и в Средиземном море привели к решению о приоритетном развитии броненосных крейсерских сил.

Однако, из-за тяжелого экономического положения, возрождение военно-морского флота подвигалось крайне медленно¹⁰, хотя работы на судовой верфях шли часто даже ночью при электрическом освещении¹¹, только входившем тогда в обиход. В 1870-х годах была даже организована подписка по всей империи и на российских военно-морских кораблях, на-

⁸ Врубель В.А. Адмиралы Бутаковы. Флотская слава России. М., 2014. С. 188.

⁹ Там же. С. 195.

¹⁰ Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902) / Сост. С.Ф. Огородниковым. СПб, 1902.

¹¹ Зуев Г.И. Историческая хроника Морского корпуса. С. 221.

ходившихся в заграничном плавании, на помощь в постройке флота. Патриотический порыв русских, выразившийся в огромных жертвованиях на дело возрождения Черноморского флота, был необыкновенно велик и затронул суда, находившиеся также в греческих водах. Моряки с русских судов, стоявших в Греции, жертвовали большие деньги на его возрождение. Королева эллинов Ольга сообщала отцу, что только на клипере «Яхонт», входившем в «Отдельный отряд судов в греческих водах», которым командовал контр-адмирал И.И. Бутаков (1867–1878), пожертвовали 16 000 франков¹². Император незамедлительно прислал морякам благодарность, и, конечно, они были этим весьма тронуты¹³.

Броненосные корабли с момента появления и на протяжении следующих ста лет (середина XIX — середина XX в.) являлись основной ударной силой или «главным боевым элементом флота»¹⁴. Кроме того, этот класс боевых судов «не только обеспечивал оборону морских берегов, но и позволял вести активную внешнюю политику», и прежде всего на важнейшем стратегическом направлении — на Черном и Средиземном морях.

При великом князе Константине Николаевиче произошли также большие перемены в подготовке рядового и командного составов флота, улучшение старых и создание новых учебных заведений, были пересмотрены программы, значительно увеличено время на практическую подготовку будущих офицеров, введены ежегодные дальние учебные плавания кораблей из Балтийского моря в Средиземное и на Дальний Восток. Великий князь следил за качеством воспитания в Российской империи поколения опытных и преданных своему делу моряков, понимая, что воплощение в жизнь его инициатив по военно-морскому строительству невозможно без хорошо образованных морских офицеров.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 722. Д. 809. Афины. 28 ноября (10 декабря) 1870 г.

¹³ ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Афины. 9 (21 января) 1871 г.

¹⁴ Шталь А.В. Вопросы морской стратегии // Морской Сборник. 1897. № 11. С. 16.

Главной кузницей кадровых флотских офицеров во второй половине XIX в. по-прежнему был Морской кадетский корпус. Он являлся преемником учрежденной в 1701 г. в Москве «Школы математических и навигацких наук», основанной еще императором Петром I¹⁵. В 1867 г. Морской корпус был отнесен к высшим учебным заведениям России. Ежегодно 60 выпускников получали звание гардемарина. Для производства в чин мичмана они должны были совершить годичное плавание на военных судах, входивших в состав учебного отряда, состоявшего из винтовых корветов и клиперов, но с дополнительным парусным снаряжением.

Русские моряки были фактически закрытым сословием, которое за многие десятилетия выработало свои особые законы, традиции и обычаи, как пишут многие российские историки флота — Г.К. Граф, Н.А. Кузнецов, Н.В. Манвелов, Г.И. Зуев и др. Н.И. Кузнецов отмечает, что «офицерский корпус Российского императорского флота являлся истинной элитой вооруженных сил России». Во-первых, в силу его естественной малочисленности по отношению к числу сухопутных офицеров; во-вторых, из-за более высокой общей и технической подготовки офицеров флота; в-третьих, в силу определенного рода «кастовости», поскольку абсолютное большинство выпускников Морского корпуса были потомственными дворянами¹⁶. В Морском корпусе кадетам внушались особая почетная роль моряка в государстве, а также преданность царю и династии¹⁷.

В Российском военно-морском флоте офицеры служили часто на протяжении нескольких поколений. Были семьи, где единственно возможной профессией для мужчин стала

¹⁵ Морской корпус неоднократно менял название. Морским корпусом он назывался в 1762–1867 гг. и в 1906–1915 гг. В 1891–1906 гг. — Морским кадетским корпусом, в 1867–1891 гг. и 1915–1918 гг. — Морским училищем. В наши дни это старейшее высшее учебное заведение называется «Морской корпус Петра Великого — Санкт-Петербургский военно-морской институт.

¹⁶ Манвелов Н.В. Обычаи и традиции Российского императорского флота. М., 2008. С. 162.

¹⁷ Г.И. Зуев в книге «Историческая хроника Морского корпуса» пишет, что в основу новой системы образования «были заложены принципиальные требования и качества, необходимые морскому офицеру: умение терпеливо переносить трудности и лишения, развивать в себе профессиональную реакцию и находчивость, готовность четко и добросовестно выполнять распоряжения и приказы, уважать дисциплину и морские обычаи» (С. 207).

морская служба, и при наборе в Морской корпус предпочтение отдавалось сыновьям и внукам морских офицеров. Проанализировав списки морских офицеров, служивших в период между окончанием Крымской войны и Февральской революцией 1917 г., Н.В. Манвелов выделил свыше 200 морских династий, не менее пяти представителей которых потомственно служили, как на боевых кораблях, так и в береговых учреждениях флота. Самым плодовитым для флота был род Зеленых — десять человек. Фамилию Давыдов носило восемь адмиралов и генералов. Лишь на одну ступеньку отстали Бутаковы — семь человек с «орлами» на погонах, а вообще Бутаковы дали флоту более 120 морских офицеров. Среди них — один из основателей тактики паровых и броненосных флотов адмирал Г.И. Бутаков (контр-адмиралом он стал в 35 лет, получив должность губернатора и заведующего морской частью Николаева и Севастополя) и его братья — адмирал А. И. Бутаков (1816–1869) и вице-адмирал И.И. Бутаков (1822–1882)¹⁸.

По шесть адмиралов и генералов дали Воеводские, Левицкие, Никоновы, Римские-Корсаковы, Рыковы и Тыртовы. «Учитывая тот факт, что история русского флота к 1917 г. насчитывала лишь чуть более 200 лет — более чем завидный результат», — заключает Н.В. Манвелов¹⁹.

Так, первый известный моряк с фамилией Римский-Корсаков — вице-адмирал Воин Яковлевич — поступил в Морскую академию еще в 1715 г., а трое его потомков командовали Морским кадетским корпусом — Николай Римский-Корсаков (1793–1848), Воин (Иван) Римский-Корсаков (1822–1871) и Николай Римский-Корсаков (1852–1907). Впрочем, куда больше, чем Воин (Иван) Римский-Корсаков, известен его брат — Николай Римский-Корсаков (1844–1908), выдающийся русский композитор, ушедший из строевого состава флота в чине лейтенанта, некоторое время занимавший должность инспектора духовых оркестров Морского ведомства.

¹⁸ См.: Врубель В.А. Адмиралы Бутаковы.

¹⁹ Манвелов Н.В. Обычаи и традиции Российского императорского флота. С. 165.

Не менее был известен и род морских офицеров Тыртовых. Наибольших высот среди них достиг адмирал Павел Тыртов (1836–1903), занимавший в 1896–1903 годах пост управляющего Морским министерством (по сути — Морского министра)²⁰.

Немало родов дали флоту по три высших офицера. Среди них — Беклемишевы, Бурачки, Вальронды, Врангели, Житковы, Ивковы, Ильины, Колчаки, Кумани, Лазаревы, Назимовы, Небольсины, Повалишины, Рудневы, Стеценко, Федоровичи, Хомутовы, Чайковские, Шмидты и Штапельберги.

Как и во флотах любого другого монархического государства, служба в рядах Российского императорского флота была весьма престижна для представителей аристократии. Н.В. Манвелову удалось обнаружить в списках личного состава около 50 выходцев из баронских родов. Со времен создания Российского флота Петром Великим большое количество морских офицеров носили нерусские фамилии, поскольку многие кадеты Морского корпуса происходили из прибалтийских губерний Российской империи. Кроме того, немало было и потомков разного рода эмигрантов, нашедших в России свое новое отечество, в том числе греческого происхождения²¹.

Большинство офицеров флота времени царствования императоров Александра II, Александра III и Николая II были православного вероисповедания. Так, из 128 выпускников Морского кадетского корпуса 1904 г. (так называемый «царский выпуск» накануне войны, который напутствовал сам император) православных было 117 человек. На втором месте с огромным отрывом шли лютеране — семь человек.

К середине XIX в. первым офицерским званием на флоте был чин мичмана. Гардемарины являлись стажерами, служившими перед производством в офицеры на кораблях или в береговых учреждениях Морского ведомства. Лейте-

²⁰ Манвелов Н.В. Обычаи и традиции Российского императорского флота. С. 167, 168.

²¹ Там же. С. 179.

нанты командовали вахтами, а также небольшими судами — тендерами и бригантинами, а позже — миноносцами и бригами. Штаб-офицерские чины капитанов II-го и I-го рангов присваивались в 1713–1732 гг. и в 1751–1917 гг. На суше им соответствовали звания подполковника и полковника. Еще с 1699 г. в Российском военно-морском флоте существовали чины контр-адмирала, вице-адмирала и адмирала (полного адмирала), которые соответствовали званиям генерал-майора, генерал-лейтенанта и генерала рода войск (генерала от инфантерии или генерала от кавалерии)²². Во второй половине XIX — начале XX вв. генерал-адмиралами императорского флота были великие князья — Константин Николаевич и Алексей Александрович, родной брат императора Александра III, кузен греческой королевы Ольги.

Русская морская школа, несмотря на суровые нравы, царившие в Морском корпусе, воспитала большое число умных, храбрых, добросовестных морских офицеров, преданных своей родине, которые стали лучшими представителями элиты российского общества. Даже Великая война (Первая мировая. — *О.С.*) не очень повлияла на «кастовость» офицерского корпуса флота», пишет историк Н.А. Кузнецов. Он подчеркивает, что одним из основных моментов, характеризующих русское морское офицерство, являлось то, что они оставались вне политики, служили государству, а соответственно престолу, и эти два понятия в их глазах были неразрывно связаны между собой. Вопросы долга, службы, военной науки представлялись для них главными²³. Таими были братья Бутаковы; таким был в юности и адмирал А.В. Колчак (1874–1920), ставший главой Белого движения в годы Гражданской войны в России. На допросе его членами Чрезвычайной следственной комиссии в 1920 г. о своих юношеских годах он сказал: «О вопросах политического и социального порядка, сколько я припоминаю, у меня вооб-

²² Манвелов Н.В. Обычаи и традиции Российского императорского флота. С. 240.

²³ См.: Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009.

ще никаких воспоминаний не осталось. В моей семье этими вопросами никто не интересовался и не занимался»²⁴. Вполне естественно, что греческая королева Ольга, урожденная великая княжна Ольга Константиновна, о взаимоотношениях которой с флотом мы подробнее расскажем ниже, говорила с морскими офицерами на одном языке, а те изначально с почтением относились к представительнице Дома Романовых.

Конечно, были исключения из правил: так, двое кадет Морского корпуса были казнены после убийства Александра II в 1881 г. за связь с народовольцами. В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. выпускник Морского корпуса лейтенант П.П. Шмидт, возглавивший восстание на крейсере «Очаков», был приговорен к расстрелу, и по иронии судьбы его палачом оказался его однокашник лейтенант М. Ставраки, нарушивший «закон братства». Даже офицеры, не разделявшие убеждений П.П. Шмидта, не подавали Ставраки руки. Уже в советское время в 1922 г. он был арестован и приговорен к расстрелу, а на суде признался, что все эти годы мучился из-за своей минутной слабости и не просил снисхождения²⁵. В Морском корпусе была и небольшая прослойка разночинной молодежи (недворянской).

Офицеры, служившие на одном корабле или в одном флотском экипаже, обращались друг к другу по имени-отчеству, причем, это правило распространялось и на высший командный состав в ряде неформальных случаев. Несмотря на запрещение в Морском уставе конфликтов, тем более драк между офицерами, за что предусматривалось суровое наказание, все-таки жизнь оказывалась сложнее.

Г.К. Граф в книге «На “Новике”», содержащей общий обзор истории флота в 1914–1917 гг., пишет, что и в этот период «среда морских офицеров была очень однородной. Большинство из них были кадровые офицеры, вышедшие

²⁴ См.: Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009.

²⁵ Зуев Г.И. Историческая хроника Морского корпуса. С. 211, 266.

из Морского корпуса. Первая мировая война не повлияла на такую однородность, так как за все время потерь было очень мало. Таким образом, все главные должности, как, например, начальников бригад, дивизий, отрядов, командиров судов, старших офицеров и специалистов, были заняты кадровыми офицерами. Только младший состав на кораблях был частью из мичманов «военного времени»²⁶. Из этого следовало, что «в общей массе офицерство было «монархично» и не сочувствовало февральскому перевороту 1917 г.»²⁷. Большинство офицеров флота, как профессионалы военного дела, больше всего стремились исполнить свой воинский долг перед Родиной, а морской министр, великий князь Константин Николаевич, всеми мерами способствовал подъему патриотического духа и улучшению быта офицерского и матросского составов.

Денежное содержание флотских офицеров во второй половине XIX в. было весьма высоким; оно состояло из собственно жалованья, столовых денег и морского довольствия. При этом жалованье и столовые деньги выплачивались на протяжении всего времени нахождения в должности, а морское довольствие — только во время похода. Так, контр-адмирал по первому разряду получал 2300 руб. в год (здесь и далее указана сумма с учетом ряда вычетов — в пенсионный, инвалидный капитал, при награждении орденами и др.); столовые деньги при этом составляли от 2000 до 3000 руб., в зависимости от занимаемой должности. Морское довольствие предусматривалось в размере от 500 до 576 руб., и его сумма также зависела от должности. от того, в каком — внутреннем или заграничном — плавании находился офицер. Нередко еще при адмиралах М.П. Лазареве и В.А. Корнилове хороших офицеров, отцов больших семейств, поощряли заграничными плаваниями, чтобы они могли поправить материальное положение. Традиция сохранилась и в конце

²⁶ Граф Г.К. «На «Новике»». Мюнхен, 1922. (Переиздана в России в 1997 г.)

²⁷ Манвелов Н.В. Обычаи и традиции Российского императорского флота. С. 4.

XIX в. При получении морского довольствия сумма остальных выплат несколько уменьшалась. Мичман получал денежное довольствие в сумме от 920 до 1244 руб. в год. Пропорциональными этим суммам были и остальные выплаты. Уровень жизни российского офицерства, в том числе флотского, того времени, ярко иллюстрирует «Прейскурант № 41 Гвардейского экономического общества», изданный накануне Первой мировой войны. Это общество снабжало офицеров, в том числе флотских, буквально всем: от одежды, снаряжения и оружия до детских игрушек, лекарств, напитков и еды. Например, бутылка молока стоила 10 коп., зернистая осетровая икра, 1 фунт (0,409 кг) — 10 руб.; ветчина обыкновенная окороками, 1 фунт — 38 коп.; водка английская горькая № 20 белая завода П. Смирнова в Москве 1 бутылка (0,6 л) — 1 руб. 15 коп.; пиво завода «Бавария» столовое, 1 бутылка — 14 коп. Однако офицерам приходилось за собственный счет полностью нести расходы по покупке достаточно недешевой формы; им предписывалось посещать только первоклассные рестораны и другие заведения (список которых определялся приказами морского министра), ездить в вагонах 1-го класса, вести жизнь на уровне, достойном высокого звания офицера Русского флота. Как видно, государство стремилось обеспечить им такие возможности. Хотя, конечно, молодым мичманам и лейтенантам приходилось испытывать определенные затруднения. Поэтому семьи морские офицеры, создавали довольно поздно. Как вспоминал в эмиграции капитан 2-го ранга Н.А. Монастырев, «30 рублей [...] каждый из нас вносил ежемесячно на питание. Вино, постоянно попиваемое вечерами в кают-компаниях, конечно, в эти 30 рублей не входило, не считая “чарки” водки по воскресеньям. Кроме того, вне службы можно было заказать кофе с коньяком, фрукты и пирожные в каюту, но за дополнительную плату. То же касалось пива и прохладительных напитков. В общем, когда приходила пора получать жалование, молодые мичмана после вычета за «стол» почти ничего на руки не получали и залезали в долги. Почти все должны

были портным и сапожникам. Конечно, надо признать, что наши кредиторы не были жестоки и часто ждали сколько придется, отлично зная, что морской офицер, в конце концов, долг погасит»²⁸. Офицеры флота имели определенные льготы: право на проезд по железным дорогам с частичной оплатой стоимости билета, посещение императорских театров в Москве и Санкт-Петербурге с 50-процентной скидкой (такая же льгота была и у «нижних чинов»).

Внешний облик флотских офицеров в XIX — начале XX вв. был весьма привлекательным, чему во многом способствовала новая флотская форма, введенная по инициативе великого князя Константина Николаевича. Если раньше, как пишет историк флота В.А. Врубель, форма была «настолько неудобна, что возникает подозрение, что ее придумали люди, сами не служившие на море»²⁹, то теперь она являлась предметом гордости и одним из внешних символов чести и достоинства офицеров Российского военно-морского флота. Греческая королева Ольга писала отцу из Афин: «Поздравляю с новой формой; она мне очень нравится [...] Я помню, что ты всегда мечтал о перемене в морской форме, и радуюсь, что это желание исполнилось»³⁰. Ольга писала также, что контр-адмирал И.И. Бутаков, возглавлявший Отдельный отряд судов в греческих водах и другие моряки просят прислать им карточки (фотографии) великого князя Константина Николаевича в новой форме.

Флотская офицерская форма была еще более усовершенствована приказом морского министра от 3 августа 1911 г. Повседневная форма состояла из синего (летом белого) сюртука или кителя с погонами и орденами. При сюртуке по желанию носили белый или черный жилет. При этой форме носились фуражка (летом с белым верхом), кортик, белые или серые перчатки, пальто или плащ-накидка (зи-

²⁸ См.: Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004; Ширинская А. Бизерта. Последняя стоянка. М., 1999.

²⁹ Врубель В.А. Адмиралы Бутаковы. Флотская слава России. М., 2014. С. 116.

³⁰ ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Афины. 28 ноября (10 декабря) 1870 г.

мой шинель) и короткие сапоги. Основными предметами обмундирования адмиралов, штаб- и обер-офицеров русского флота накануне Первой мировой войны являлись: шинель, пальто, плащ-накидка, мундир, синий и белый китель, сюртук, шляпа и фуражка, белые и серые перчатки, короткие и высокие сапоги. При соответствующих формах одежды носили эполеты, погоны, аксельбанты, ордена, ленты, знаки, саблю или кортик. Всего предусматривалось около 100 вариантов ношения формы при различных случаях (от участия в крестинах до высадки десанта). Наиболее популярным видом формы одежды стал суконный китель темно-синего цвета со стоячим воротником, который с минимальными изменениями использовался и в советском флоте, вплоть до начала 1990-х годов³¹.

Образ русского матроса, который был так любим и дорог для греческой королевы, для каждого десятилетия и, тем более, царствования был разным. При Петре I это был бессрочно служащий человек, «мускульная сила, которая выхаживает снасти, поднимает паруса». Выживали лишь наиболее крепкие люди³². Затем русский матрос — это, как правило, рекрут, которого либо избирали жребием, либо «забривали голову» по приказу помещика, а с конца царствования Александра II, введшего всеобщую воинскую повинность, матрос-призывник.

Все «низшие чины» Российского императорского флота разделялись на три категории: матросы и рядовые, унтер-офицеры и кондукторы. Термин «нижний чин», который в дальнейшем заменили словом «матрос», относился не только собственно к матросскому составу, но также и к гардемаринам, проходившим обучение в различных учебных заведениях флота. Матрос — одно из флотских званий в Российской империи, в отличие от офицеров, получавших чины. Унтер-офицерские звания имели: старшие гардемарины учебных заведений, боцманы, боцманматы, рулевые,

³¹ Манвелов Н.В. Обычаи и традиции Российского Императорского флота.

³² Врубель В.А. Адмиралы Бутаковы. С. 117.

сигнальные и сигнально-дальномерные боцманматы, марсовые, водолазы, строевые инструкторы, строевые инструкторы-оружейники и т.д. К кондукторам флота причислялись: старшие боцманы, старшие береговые боцманы, артиллерийские, минные, рулевые, сигнальные и т.д.³³

Призыв граждан на военную службу в Российской империи проходил, согласно закону от 1 января 1874 г., на основе всеобщей воинской повинности (последние изменения в него были внесены в 1912 г.). К отбытию воинской повинности на флоте призывались ежегодно молодые люди, которым исполнился 21 год к 1 января того года, в котором производился призыв. Так как население могло дать, согласно закону, значительно большее число призывников, чем требовалось в мирное время, лишние новобранцы освобождались от военной службы. В первую очередь освобождались совершенно неспособные к военной службе, затем пользующиеся установленными законом льготами; если оставшееся число превышало потребность флота, новобранцы тянули жребий — кому идти, а кому нет. В среднем это было около 450 тыс. человек в год. Призыв происходил раз в год и зависел от сроков уборки урожая — с 15 сентября до 1 октября или с 1 по 15 ноября. Срок службы на флоте составлял десять лет — пять лет действительной службы (до 1906 г. — семь лет) и пять лет в запасе.

Каждый флот комплектовался новобранцами, призываемыми из территориально близких ему районов. Так, Балтийский флот получал призывников из Архангельской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Вольнской, Вятской, Гродненской, Казанской, Калужской, Костромской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Пензенской, Пермской, Петербургской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тверской,

³³ Манвелов Н.В. На вахте и на гауптвахте. Русский матрос от Петра Великого до Николая Второго. М., 2014. С. 7.

*«Свистать к вину!»
(на клипере «Крейсер»)*

Тульской, Черниговской, Эстляндской, Ярославской губерний. Черноморский флот пополнялся личным составом из Астраханской, Бессарабской, Воронежской, Донской, Киевской, Курской, Кубанской, Полтавской, Подольской, Самарской, Ставропольской, Тамбовской, Харьковской, Херсонской, Черниговской губерний. В национальном отношении преобладали русские, украинцы и белорусы.

Питание «нижних чинов» на кораблях было весьма разнообразным. В день полагалось 300 г. свежего или соленого мяса; от 136 до 300 граммов крупы (в зависимости от дня недели); 43 г. сливочного масла; 170 г. квашеной капусты или свежей зелени; 780 г. сухарей или 1 кг 205 г. хлеба; чарка (примерно 120 г.) винной порции (водки), а также уксус, соль, чай, сахар, табак и мыло. Впрочем, взамен табака нижние чины получали деньги на его приобретение,

как и не желающие пить водку. С началом войны приказом по флоту и Морскому ведомству от 10 сентября 1914 г. выдачу чарки отменили. В целом на питание матроса в день отпускалось 40 коп., тогда как ежедневный рацион солдата обходился в 15 коп.

Форма одежды нижних чинов, просуществовавшая до 1917 г., а во многом сохранившаяся до настоящего времени, была также разработана при Александре II. 7 января 1863 г. было введено подразделение формы одежды на парадную, обыкновенную и рабочую, а также на летнюю и зимнюю, береговую и судовую. Во время службы на кораблях матросы носили синюю и белую рубахи с синим воротником, темно-зеленые и белые брюки, фуражку и рабочее «платье». В 1872 г. для нижних чинов, по указанию генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, ввели рубаху с синим воротником (с двумя белыми полосами), а для белых рубах дополнительно установили синие обшлага с одной белой полосой. В том же году в русском флоте появились тельник — тельняшка (от современной она отличалась более широкими полосами) — и бескозырка, на

*Проба еды
(на клипере «Крейсер»)*

околыше которой прикреплялась черная шелковая лента с названием корабля или команды. 21 февраля 1881 г. был изменен покрой синих фланелевых и белых полотняных матросских рубах. На синих воротниках и обшлагах белых рубах появились три белые полосы, сохранившиеся до настоящего времени³⁴. Таким образом, государство стремилось создать для нижних чинов и унтер-офицеров максимум благоприятных условий для прохождения службы и старалось обеспечить им высокую социальную защищенность.

При Константине Николаевиче произошли коренные преобразования в социальной сфере — условиях службы офицеров и нижних чинов. Дальние океанские плавания, улучшение материального положения моряков (пособия личному составу в трудных случаях жизни, суммы на воспитание детей) и многое другое — все это входило в круг его забот. По указанию великого князя был сокращен личный состав береговых команд, упрощено делопроизводство, затем численность личного состава флота в 1857 г. была постепенно сокращена до 27 тыс. (в 1878 г.), а срок службы на кораблях уменьшился с 25 до 7 лет действительной службы и 3-х лет запаса. Были отменены телесные наказания, особенно для тех, кто имел отличия за беспорочную службу, ограничены служебные обязанности младших чинов, улучшилось медицинское обслуживание, что привело к значительному снижению смертности на флоте. Сокращение сроков службы и наличие на паровых кораблях сложной техники привело к увеличению призыва на флот более подготовленных людей из числа фабрично-заводских рабочих, что существенно изменило его социальный состав. Открылись также морские библиотеки, пополнялись литературой старые (например, «Лазаревская» в Севастополе), читались публичные лекции, поддерживались издания по морским вопросам. Особенно

³⁴ При Александре III, в 1891 г., на левый рукав формы нижних чинов-специалистов сталишивать знаки специальности (штаты), вышитые красной нитью: штурвал — у рулевых, два беседочных узла — у марсовых, два флага — у сигнальщиков и др. Позже были введены аналогичные по рисунку, но изготовленные из металла знаки, размещавшиеся на воротниках мундиров и пальто кондукторов флота.

популярным был во второй половине XIX столетия «Морской сборник» — ежемесячный журнал, основанный еще в 1848 г., когда там стали печататься произведения известных писателей: А.Н. Островского, К.М. Станюковича, И.А. Гончарова, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, статьи по истории и проблемам флота А.П. Соколова, С.И. Елагина, Ф.Ф. Веселаго, Г.И. Бутакова, С.О. Макарова и других, которыми зачитывалась вся мыслящая Россия. Самой популярной на флоте стала основанная в 1861 г. газета «Кронштадтский вестник».

К началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия обладала уже довольно приемлемыми военно-морскими силами, которых, по мнению многих историков флота, вполне бы хватило для крейсерской войны в Средиземном море³⁵. Однако Александр II считал, что морские силы России были еще совершенно недостаточны для закрепления успеха в войне с турками. В целом, военно-морской флот Российской империи медленно, но верно возрождался...

³⁵ См.: *Аренс Е.И.* Роль флота в войну 1877–1878 гг. СПб, 1903.

Глава 1.

Российские интересы в Греции и русско-греческий союз — Георг I и Ольга. Визиты военных кораблей в Грецию (1867–1881 гг.)

Интересы России в Восточном Средиземноморье делались особенно привлекательной Грецию с ее великолепными морскими стоянками, что оценил еще адмирал Л.П. Гейден¹, по совету которого императорское правительство купило накануне русско-турецкой войны 1828–1829 гг. (в 1827 г.) большой участок земли на острове Порос (старое название — Калаврия)², в очень удобной для больших кораблей бухте, названной «Русской». Гейдену удалось превратить эту бухту в морскую базу русской эскадры, принявшей на себя основную тяжесть Наваринского сражения в октябре 1827 г.³ Затем на долгие годы о ней забыли.

Со второй половины XIX в. важность Средиземноморских путей и Греции для внешней политике России постоянно возрастала, а серьезным конкурентом в изучаемый период была Великобритания, которая не хотела мириться с постоянно возрастающей мощностью российского военно-морского флота, что не совпадало с ее геополитическими задачами. Как пишет в статье «Флот России в Средиземноморье» капитан I-го ранга С. Горбачев⁴: «С 1857 по 1907 год Сре-

¹ Граф Логин Петрович Гейден (1773–1850) — русский адмирал (1833) голландского происхождения, который командовал русскими кораблями в знаменитом Наваринском сражении.

² Соколовская О.В. Остров Порос как военно-морская база России // Славяноведение. 2015. № 3. С. 65–66.

³ Наваринское сражение произошло 8 (20) октября 1827 г. в Наваринской бухте Ионического моря. Морское сражение соединенных эскадр России, Англии и Франции, с одной стороны, и турецко-египетским флотом — с другой, было одним из эпизодов Греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг., способствовало разгрому турецкого флота и успеху греческого национально-освободительного движения, результатом которого стало создание независимого греческого государства.

⁴ С. Горбачев — кандидат политических наук, ученый секретарь Военно-научного общества ЧФ, участник 11 дальних походов в Атлантический и Индийский океаны, Средиземное море.

диземное море было полем противостояния Англии и России. [...] Происходившее в те времена вполне можно было бы назвать первой холодной войной — глобальным противостоянием двух великих империй. И Русский флот, в том числе действовавший в Средиземноморье, а также в других районах Мирового океана, играл одну из ключевых ролей в отстаивании державных интересов России и воплощении в жизнь геополитических замыслов ее государственного руководства»⁵. Безусловно Англия не могла с этим мириться. Британский историк и публицист, автор бестселлера «Взлет и падение Британской империи» Лоуренс Джеймстезис: «Со времен Нельсона британцы воспринимали Средиземное море как британское озеро и не готовы были терпеть присутствие кого бы то ни было еще на этом озере. Они с трудом мирились с присутствием французов, но появление там Русского флота, хорошо обученного и оснащенного, угрожало британским линиям коммуникаций с Индией. Британские государственные деятели очень опасались за эту линию, которую, как это продемонстрировал Наполеон в 1798 году, так легко разорвать»⁶.

Королем эллинов, с подачи англичан, в 1863 г. стал еще совсем молодой датский принц, Кристиан Вильгельм Фердинанд Адольф Георг. Он родился 25 декабря 1845 г. в Копенгагене, происходил из знаменитого королевского дома Шлезвиг-Голштейн-Зонденбург-Глюгсбургов. Его отец и мать — король Кристиан IX (1818–1906) и королева Луиза Гессенская (1817–1898), эти «тесть» и «теща» Европы, были также родителями короля Дании Фредерика VIII, принцессы Александры, жены принца Уэльского, а затем английского короля Эдуарда VII (Александра стала английской королевой в 1901 г.), принцессы Дагмар (русской императ-

⁵ 16.11.2016. Кап. I-го ранга С. Горбачев «Флот России в Средиземноморье (II)». С. 27. — Фонд стратегической культуры — электронное издание. <http://www.fondsk.ru/> (Дата обращения: 16.11.2016).

⁶ *James Lawrence. The rise and fall of the British Empire* / Цит. по: *Сергей Горбачев. «Флот России в Средиземноморье»*. С. 27–28.

рицы Марии Федоровны, жены русского императора Александра III и матери последнего русского императора Николая II), а также принцессы Тиры и принца Вальдемара.

Георг I в юности получил профессиональное образование, проходя службу в военно-морском флоте Дании; в 16 лет он был уже обаятельным морским кадетом с прекрасным чувством юмора, а в 18 лет — адмиралом. До провозглашения Георга конституционным королем Греции его называли принцем Вильгельмом Георгом, а в семье всегда звали Вилли. Он был избран «королем эллинов» единогласно Греческой национальной ассамблеей в Афинах 30 марта (по старому стилю) 1863 г. Будучи несовершеннолетним, он 16 июня 1863 г. принял корону от депутации афинян через своего отца Кристиана Датского. Однако уже 9 июля того же года Национальная ассамблея объявила его совершеннолетним. 22 сентября Георг отозвал все свои претензии на датский трон, после чего отправился в Грецию. Новый король высадился на берег в порту Пирей в начале ноября того же года и принес присягу на греческой конституции⁷. Прибытию Георга предшествовало подписание Великобританией, Францией и Россией Лондонского трактата об их согласии на избрание Георга королем православной Греции. Сам Георг I был лютеранином.

Первые четыре года молодой король не покидал Грецию, изучая язык, историю и традиции вверенного ему народа. Восстание христиан на Крите, вспыхнувшее в 1866 г., заставило короля задуматься о союзниках в православном мире, и он весной 1867 г. отправился в столицу России — Санкт-Петербург. Целей было несколько: навестить сестру Дагмар, великую княгиню Марию Федоровну, договориться о помощи восставшему православному населению Крита и, наконец, возможно, найти невесту, чтобы наследник его был также православным. Единственная дочь Александра II великая княжна Мария Александровна была слишком

⁷ Waters W. King George I of Greece // Current History and opinion. L.N.d. P. 52–53.

молода⁸, поэтому выбор Георга пал на юную, привлекательную кузину императора, внучку императора Николая I, великую княжну Ольгу Константиновну. Отец Ольги великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал, возглавлявший морское ведомство, был готов к такому браку, так как сам уже несколько лет присматривался к молодому греческому королю — ведь Греция имела важное стратегическое положение в Средиземноморье.

После очень краткого знакомства состоялось обручение, а 15 (27) октября 1867 г. в соборной церкви Зимнего дворца в Санкт-Петербурге прошло венчание «сей любезной четвь» по православному чину, о чем возвестил в тот же день царский манифест. 16-летняя великая княжна стала королевой эллинов Ольгой⁹. В ноябре 1867 г. на фрегате «Александр Невский» и корвете «Витязь», стоявших в главном греческом порту Пирей, был публично прочитан высочайший манифест о бракосочетании великой княжны Ольги Константиновны Романовой и греческого короля Георга I.

*Король эллинов
Георг I*

⁸ Великая княжна Мария Александровна (1853–1920). Позже вышла замуж за принца Альфреда — герцога Эдинбургского, второго сына королевы Виктории, отказавшегося от греческого трона.

⁹ Во время венчания греческий король был одет в генеральский мундир русского Невского полка, шефом которого он был объявлен 4 мая 1867 г. С этого дня полк именовался 1-м пехотным Невским Его Величества короля Эллинов полком.

*Королева эллинов
Ольга
(1897 г.)*

После свадебного путешествия по Европе молодые прибыли в Афины на празднично украшенном корабле «Эллас». В порту Пирей их встречала восторженная толпа. Ольга была одета в бело-голубое платье — дань цветам греческого национального флага, что было благожелательно отмечено жителями страны. Газеты писали о ней с энтузиазмом, отмечая, что она сразу же пошла в православную церковь, и указывая, что королева оказалась юной дамой «редкой красоты с белейшей кожей». Ольга была так молода, что привезла

в Грецию все любимые куклы. Греческая королевская пара Георг I и Ольга, правившая с 1867 по 1913 гг., была тесно связана с английским, датским и русским дворами и всегда являлась объектом пристального внимания и покровительства особенно двух империй — Великобритании и России¹⁰. Они стали родоначальниками династии Глюксбургов¹¹.

¹⁰ *Hob Dean. The Greek Royal Family. Monarchs I have guarded // The Lady's Realm. Pearson's magazine. L.N.d. V. 2. P. 20; Nicholas Prince of Greece. My Fifty Years. L., 1926.*

¹¹ Королевская семья имела пятерых сыновей и двух дочерей. Трое из детей короля — Александра, Николай и Мария — также состояли в браках с представителями дома Романовых. Браки укрепили дипломатические отношения Греции и России. Их дети: Константин I (1868–1923) — король Греции (1913–1917/1920–1922); Георг (1869–1957) — граф Корфский; Александра (1870–1891), муж — великий князь Павел Александрович; Николай (1872–1938), жена — великая княгиня Елена Владимировна; Мария (1876–1940), муж — великий князь Георгий Михайлович; Ольга (1880) — умерла в возрасте семи месяцев; Андрей (1882–1944), жена — Алиса Баттенбергская, отец Филиппа, ныне здравствующего герцога Эдинбургского, супруга королевы Великобритании Елизаветы II; Христофор (1888–1940) — отец принца Михаила Греческого.

В греческих водах постоянно находились военные корабли и целые отряды кораблей и эскадры, а затем стационары¹² великих держав-покровительниц — английские, российские, французские и итальянские, которые были гарантиями существования Греции, созданной при их активном участии еще в 1830 г. Они защищали греческую династию, а также мир и спокойствие в этом всегда беспокойном регионе мира, что отвечало интересам всех европейских держав в Восточном Средиземноморье.

Династические связи между Романовыми и Глюксбурггами, т.е. между Россией и Грецией благоприятствовали базированию русских военных кораблей в водах Архипелага. Во второй половине XIX столетия в Греции можно было видеть корабли «Отдельного отряда судов в греческих водах», которым командовали, сменяя один другого: контр-адмирал И.И. Бутаков (1867–1877), контр-адмирал Оскар Карлович Кремер (11.11.1878–1882), контр-адмирал Петр Афанасьевич Чебышев (1882–1884). В 1884 г. по высочайшему повелению императора начальник отряда судов в греческих водах стал именоваться начальником отряда судов в Средиземном море, о чем было объявлено по морскому ведомству. Новым начальником стал контр-адмирал Николай Иванович Казнаков (20.02.1884–1886). В конце XIX в. в Грецию посещали корабли эскадры в Средиземном море, которой командовали: контр-адмирал Федор Карлович Авелан (01.08.1893–1894), контр-адмирал Степан Осипович Макаров (07.11.1894–1895). Затем командующими отдельным отрядом судов в Средиземном море были: Павел Петрович Андреев (20.06.1896–1898), Николай Илларионович Скрьдлов (12.01.1898–1899), Константин Ростиславович Вальронд (28.09.1899–1900), Алексей Алексеевич Бирилев (10.01.1900–1901), Александр Христофорович Кригер (01.04.1901–1903), Петр Павлович Молас (24.02.1903–1903).

¹² Стационар (в то время такие корабли назывались стационарерами) — военное судно, стоящее в иностранной гавани для наблюдения за событиями, угрожающими интересам другой державы и имевшее право вмешаться в них.

Международная обстановка на Ближнем Востоке в 60–70-х годах XIX в. была беспокойной, особенно в связи с обострившимся многоуровневым Восточным вопросом. В 1866 г. на Крите вспыхнуло очередное восстание христианского населения, которое объявило о присоединении острова к Родине-матери Греции. Тесные экономические связи Крита с Афинами, историческая и этническая общность населения острова с Грецией, а также присоединение к Греции в 1863 г. при вступлении на трон короля Георга I Ионических островов (по решению великих держав-покровительниц), укрепили надежды критян на успех их освободительной борьбы. В мае 1866 г., получив резкий отказ султана в проведении давно обещанных реформ, жители Крита решили с оружием в руках отстаивать свои права на независимость. На острове начались вооруженные столкновения греческих повстанцев с турецкими гарнизонами, а затем и 40-тысячной турецкой армией. Пока велись сложные дипломатические переговоры, греческие суда доставляли на остров деньги, боеприпасы и оружие для ведения войны против турок. Общественное мнение Греции, а также 60 тыс. критских беженцев, настойчиво требовали открытого вмешательства в борьбу на Крите и объявления войны Турции¹³.

Осада греческого монастыря Аркади на Крите, где находились 259 вооруженных мужчин, включая 12 из 16 членов критского революционного комитета, и 600 женщин и детей, 15-тысячной турецкой армией при 30 орудиях, стала самым ярким проявлением героизма греков и привлекла на сторону восставших симпатии всего европейского мира. Виктор Гюго, описав этот подвиг, обвинил европейские правительства в «заговоре молчания в отношении героических критян». Общественное мнение России было также на стороне критян. Выдающийся русский поэт Ф.И. Тютчев (1803–1873), хорошо разбиравшийся в политических вопросах, ратовал за помощь православным грекам, призывал

¹³ См.: Сенкевич И.Г. Россия и критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970.

царское правительство немедленно прийти им на помощь, что «спасет русское имя». Его стихотворение «*Взгляни, чей флаг там гибнет в море / Проснись — теперь иль никогда...*» вызвало горячую поддержку русской общественности, и эти призывы не остались без ответа. Повстанцам была оказана дипломатическая поддержка, а затем проведена миротворческая операция по спасению критского христианского населения, обратившегося за помощью к России и другим европейским державам, но никто не поддержал идею критян о присоединении к Греции. В разгар восстания на Крите Ф.И. Тютчев написал стихотворение «Не в первый раз волнуется Восток»:

*Не в первый раз волнуется Восток,
Не в первый раз Христа там распинают,
И от креста луны поблекший рог
Щитом своим державы прикрывают¹⁴.*

После поражения в Крымской войне Россия была слишком ослаблена, однако 25 сентября в бухту Суда прибыл русский военный корабль — 70-пушечный парусно-винтовой фрегат «Генерал-адмирал», командиром которого был капитан I-го ранга Иван Иванович Бутаков (1822–1882), сын контр-адмирала И.Н. Бутакова, прославленного участника русско-турецкой войны 1828–1829 гг.¹⁵ Затем на помощь грекам были посланы корвет «Память Меркурия» и шхуна «Бомбарь», которые осуществляли перевозку беженцев с о. Крит на материковую часть Грецию.

По примеру отца и старших братьев Иван Иванович Бутаков поступил в Морской кадетский корпус, который окончил 11 декабря 1839 г. с производством в чин мичмана и назначением на Черноморский флот Российской империи. В 1842–1843 гг. он находился на Средиземном море. Морская

¹⁴ Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1897. С. 128; Изд. 2-е. 1898. С. 160.

¹⁵ Иван Николаевич Бутаков (1776–1865) в составе эскадры контр-адмирала П.И. Рикорда участвовал в боях у Наварина и о. Крит. Он стал основоположником морской династии. Четверо из его пятерых сыновей дослужились до адмиральского чина.

карьеру его складывалась весьма благополучно: в 1852 г. Бутаков стал старшим офицером 52-пушечного фрегата «Паллада», затем — старшим офицером фрегата «Диана», в 1854 г. был произведен в чин капитан-лейтенанта и после успешного похода в Тихий океан был назначен командиром фрегата «Паллада». В начале Крымской войны в связи с возможностью захвата фрегата неприятельскими кораблями, 18 января 1855 г., по приказу контр-адмирала В. С. Завойко, Бутаков затопил «Палладу». В том же году он командовал гребной

И.И. Бутаков

флотилией из двенадцати судов в устье Амура и был награжден орденом Св. Анны 2-й степени. После окончания военных действий Бутаков, командуя 10-пушечным транспортом «Двина», совершил поход вокруг мыса Горн в Балтийское море, завершив свое кругосветное плавание. В течение двух лет капитан 2-го ранга Бутаков находился в командировке в Бордо, где наблюдал за строительством 40-пушечного парусно-винтового фрегата «Светлана»¹⁶, которым затем командовал в Средиземном море. В 1862 г. в чине капитана 1-го ранга Бутаков командовал 45-пушечным парусно-винтовым фрегатом «Ослябя» в Средиземном

¹⁶ Винтовой фрегат Российского флота «Светлана» был спущен на воду в 1858 г. в Бордо (Франция). Он был достаточно мощным для своего времени (водоизмещение 3187 т, мощность 450 л. с., вооружение — 40 орудий, 25 офицеров и 73 человека команды).

море, совершал длительные морские переходы. В 1865 г. он получил назначение командиром «Генерал-адмирал», в то время крупнейшего в российском военно-морском флоте фрегата с экипажем 793 чел. В июне 1866 г. «Генерал-адмирал» был направлен из Кронштадта в греческие воды, чтобы занять пост стационара в порту Пирей.

По пути на корабле в августе 1866 г. вспыхнула эпидемия холеры, но благодаря энергичным действиям командира была быстро остановлена¹⁷. Стационар направлялся для защиты интересов русских подданных и дипломатических агентов в Греции и на восставшем Крите¹⁸. С той же целью прибыли в Суду военные корабли Англии, Франции, Пруссии, Италии. И.И. Бутакову была дана инструкция соблюдать нейтралитет, но жестокие бои между турецкой армией и повстанцами привели в декабре к тому, что на южном берегу Крита скопились тысячи беженцев, которых в упор расстреливали турецкие крейсера, и сердце русского моряка дрогнуло. И.И. Бутаков неоднократно испрашивал у российского МИД разрешения вмешаться, но получал неопределенные ответы.

В конце ноября правительство Российской империи выделило на покупку зерна в Одессе для критян 50 тыс. рублей, а по всей России был организован сбор денег. 10 января 1867 г. на новогоднем балу в Петербурге в присутствии императорской семьи высшие сановники раскупали за огромные деньги билеты лотереи «в пользу восставших кандиотов». В газетах были опубликованы сведения о собранных средствах, а также обращение московского митрополита Филарета «ко всем православным России» с призывом помочь критянам. Можно сказать, что призыв Ф.И. Тютчева «Пронись — теперь иль никогда...», который разделяли многие, был услышан правящей элитой.

¹⁷ Скрицкий Н.В. Адмиралы России. С. 207.

¹⁸ На борту «Генерал-адмирала» находился русский консул в Янине Александр Семенович Ионин, которому было дано задание изучить обстановку на острове и возможность оказания помощи повстанцам.

Критские события вызвали такой международный резонанс, что Порта в конце концов согласилась на эвакуацию семей критянок, хотя командующий турецкими войсками на острове Омер-паша пытался сопротивляться отъезду мирных жителей. В середине декабря 1867 г. Бутаков на свой страх и риск направился к Криту, однако командир одного турецкого сторожевого судна все-таки пытался этому противодействовать и потребовал объяснений. Бутаков ответил ему, что действует по собственной инициативе. В донесении морскому министру он писал: «Считаю необходимым добавить, что с утра орудия были заряжены, и турецкий капитан не мог не заметить, что фрегат готов к бою. Сознаюсь, что если б он или другой пароход вздумал палить [...] в беззащитные семейства в нашем присутствии, я бы не задумался ядрами заступиться за честь русского флага». При этом французские и итальянские суда, также начавшие эвакуацию людей с Крита, шли без наблюдения со стороны турок. Получив, наконец, разрешение из Петербурга, Бутаков вывел в Пирей 530 человек на корвете и 420 человек — на шхуне «Бомборь». 17 декабря «Генерал-адмирал» высадил на берег в Пирее на одного человека больше: в пути родилась девочка, которую при крещении нарекли Марией. И.И. Бутаков в донесениях подчеркивал помощь всего экипажа, собравшего для беженцев 1700 франков, еду и одежду. Особенно восхитило его поведение матросов, которые отдавали гречанкам свои плащи и часть судового рациона. Боцман качал грудных детей, а молодые офицеры раздавали сахар и конфеты, купленные за свои деньги. Они заслужили признательность не только критянок, но и жителей Афин: приход фрегата «Генерал-адмирал» в Пирей сопровождался массовой манифестацией. В благодарность греческие механики с готовностью помогали русским морякам во время ремонта фрегата в доке в Саламине, да так, что машина фрегата стала работать лучше, чем прежде¹⁹. В дневнике Бутаков напи-

¹⁹ Скрицкий Н.В. Адмиралы России. С. 208–209.

сал: «Вывоз семейств на фрегате хотя рискованная штука и, взяв ее на себя, я, конечно, был бы не одобрен и послами, и правительством, но общественное мнение было бы за меня [...] У нас так, что делай, что хочешь по своему усмотрению, но чтобы вышло хорошо, не вредя правительству, а вышло дурно — на тебя же все и обрушится [...] Не знаю, решусь ли ставить на карту всю свою судьбу. Посмотрю, вернувшись на Кандию (Крит. — *О.С.*) [...] Другие кровью жертвовали в пользу России и ее чести²⁰, а я жертвую своею службой, найдутся добрые люди, приглубят. Посмотрим»²¹. Корабли других стран также вывозили сотни людей, однако спасения ожидали еще тысячи.

В начале 1867 г. русский посол в Константинополе граф Н.П. Игнатьев предложил державам проект реформ, которые необходимо было провести в Османской империи, в том числе и на острове Крит. В ходе длительных переговоров по критскому вопросу русский канцлер князь А.М. Горчаков добивался согласия держав на передачу острова Греции и предлагал им объявить, что входящие в состав Османской империи народы будут «счастливы лишь тогда, когда каждый из них станет пользоваться широкой политической автономией»²². В апреле 1867 г., в результате совещаний, состоявшихся между правительствами России, Франции, Северогерманского союза и Италии в связи с восстанием на Крите, была выработана коллективная нота турецкому султану. Державы предлагали предоставить самим критянам возможность путем плебисцита высказаться относительно будущей участи острова, но Турция, поощряемая Австрией и Англией, дала на ноту четырех правительств резко отрицательный ответ. Вмешательство великих держав предотвратило греко-турецкую войну, но критскую проблему не решило, и краткое перемирие вновь сменилось боями на Крите.

²⁰ Среди первых добровольцев, прибывших из Греции на Крит, был кадровый полковник Панос Коронеос, который во время Крымской войны командовал батальоном греческих добровольцев, сражавшихся на стороне России под Севастополем.

²¹ *Скрицкий Н.В.* Адмиралы России. С. 208–209.

²² Подробнее см.: *Сенкевич И.Г.* Россия и Критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970.

В мае 1867 г. И.И. Бутаков вновь побывал на Крите, выясняя положение беженцев. С фрегата на берег были переданы сухари и 860 франков, собранные офицерами по подписке. 10 июля 1867 г. Иван Иванович был назначен начальником отдельного отряда судов в греческих водах (1867–1877), подняв брейд-вымпел на корвете «Память Меркурия», а 15 октября того же года был произведен в чин контр-адмирала. Корвет «Память Меркурия» и шхуна «Бомборь», входившие в состав отдельного отряда И.И. Бутакова, продолжали перевозку беженцев с острова на материковую часть Греции; Бутаков принял на корвет 636 человек, на шхуну — 534 и 29 июля доставил их в Пирей. Местные турки помогали, указывая удобные якорные стоянки. К 5 августа корвет принял 507 человек и шхуна — 551. В 1868 г. эскадра контр-адмирала И.И. Бутакова была усилена прибывшим в ноябре корветом «Витязь». Всего с начала восстания русские моряки вывезли с острова 24 тыс. раненых, женщин, детей и стариков²³. Материальная помощь России Криту составила около 1 млн франков. Деньги, собранные на поддержку восстания, были переданы затем на восстановление жилых домов и школ.

В конце лета 1868 г. турецкие войска заняли большую часть побережья Крита, турецкая армия прекратила наступательные операции на острове, следуя договоренностям, достигнутым между Османской империей и Россией. В 1868 г. Порта направила греческому правительству ультимативное требование прекратить всякую помощь критянам, угрожая в противном случае немедленно начать войну. К весне 1868 г. в действиях повстанцев начала ощущаться усталость; вскоре военная инициатива была ими потеряна, а к началу 1869 г. восстание было подавлено. В 1868 г. в Санкт-Петербурге за организацию помощи критянам И.И. Бутакова наградили золотой табакеркой с бриллиантовыми украшениями и вензелем императора, а в Греции —

²³ Скрицкий Н.В. Адмиралы России. С. 209.

орденом Спасителя большого креста. Вряд ли когда-либо название ордена более соответствовало личности и деятельности награжденного. Его интересные донесения о критской эпопее были затем напечатаны в «Морском сборнике»²⁴.

Заслуги Ивана Ивановича были отмечены награждением его 2 марта 1870 г. орденом Св. Станислава 1-й степени и зачислением в 1872 г. в свиту императора. К слову сказать, царское правительство никогда не скупилось на награды своим морякам. В дальнейшем И.И. Бутаков продолжил служить на Средиземном море, командуя Отдельным отрядом судов в греческих водах до 1877 г., т.е. до начала русско-турецкой войны, и выполнял поручения русских послов и консулов. В инструкции командирам отдельного отряда, наряду с систематической боевой учебой кораблей, предлагалось постоянно изучать «морские силы и вообще боевые средства государств, имеющих морские силы в Средиземном море», указывался обширный перечень этих сведений, которые следовало постоянно пополнять. Все вопросы политического характера рекомендовалось решать только через посланников и других дипломатических представителей России, которым для поддержания их престижа следовало отдавать установленные Морским уставом почести, причем, в возможно «изысканной и внушительной для посторонних форме»; всеми «зависящими» средствами предлагалось также налаживать с ними такие контакты, чтобы установились доверительные отношения и, чтобы они всегда «охотно делились сведениями, которыми располагают». Хорошие отношения следовало поддерживать и с населением прибрежных государств, а также с турецкими властями и со всеми представителями иностранных флотов; было указано также «не отдавать предпочтения одним перед другими [...] быть крайне осторожным в действиях и еще более в политических разговорах». В целях просвещения находившихся в Греции моряков, по просьбе контр-адмирала И.И. Бутакова, Гидрографи-

²⁴ Общий Морской Список. Т. IX. С. 343 и сл.; Кронштадтский Вестник. 1882. № 44, 45; Морской сборник. 1873. № 1–8; 1875. № 2–10; 1876. № 2–11; 1877. № 2–5, 7.

ческий департамент Морского министерства России прислал на каждое судно отряда по одному экземпляру книги: «Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление королевства»²⁵. В декабре 1879 г. заслуженного адмирала назначили эскадр-майором его императорского величества, и в этой должности он сопровождал Александра II на пароходе «Эриклик» в Средиземном море, а 20 апреля 1880 г. император назначил его своим генерал-адъютантом с оставлением в занимаемой должности²⁶.

В Пирейском порту в разное время года, но особенно зимой, можно было видеть русские фрегаты, корветы, клиперы, канонерские лодки, крейсера, броненосцы, а также минные транспорты, которые заходили в Пирей по пути на Дальний Восток.

Греческий король Георг I, имевший чин адмирала русского флота, и королева эллинов с подчеркнутым вниманием встречали приходившие корабли, почти всегда их посещали лично, устраивали для офицеров приемы при дворе, делали подарки командирам и кают-компаниям кораблей. Георг I в 70-80-е годы XIX в. довольно снисходительно относился к увлечению своей супруги флотом и часто вместе с Ольгой посещал русские военно-морские суда, считая это полезным для сохранения династии. Затем он все реже наносил эти визиты, стараясь не волновать общественное мнение Греции, которое постепенно отворачивалось от своей покровительницы России и занимало прозападную позицию.

Постоянные визиты в Грецию русских военных кораблей доставляли особую радость королеве эллинов — великой княжне Ольге Константиновне Романовой. За 46 лет пребывания в Греции язык и обычаи этой страны стали ее жизнью. По воспоминаниям современников, королева постепенно покорила сердца ее подданных (которые в целом не любили монархию) — своей доброжелательностью, легким

²⁵ РГАВМФ, ф. 542. Оп. 1. Д. 2.

²⁶ Бутаков И.И. скоропостижно скончался в возрасте шестидесяти лет от аневризмы и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге.

нравом, тактом, а затем особенно полюбилась им, став многолетней матерью и посвятившей годы своей жизни разным видам благотворительности. Неслучайно довольно скоро греки признали в ней *«василиссу тон эллинов»*, то есть «королеву всех эллинов». Но любовь или, скорее, тоска по Родине с годами не уменьшалась — уж очень юной Ольга была оторвана от родительских ласк и от большой и дружной семьи. «Родины нельзя забывать, — писала греческая королева русскому генералу А. А. Кирееву. — Может ли кто-нибудь мать заменить мне?»²⁷. Русские корабли оказались как раз той ниточкой, которая связывала ее с Родиной. Она встречала приходившие из России корабли с подчеркнутым вниманием и сохранила эти отношения на всю жизнь. Почти всегда Ольга Константиновна лично посещала корабли, подолгу находилась на них, знакомясь с экипажами. Это была искренняя и, можно сказать, всепоглощающая любовь к русским морякам офицерам и простым матросам, пронесенная ею через всю жизнь. Греческая королева, с детства окруженная моряками или рассказами о них отца, чувствовала себя среди моряков в своей стихии. А море она любила больше всего: «Море иногда производит на меня впечатление, как будто оно живое существо», — писала она²⁸. Ее отец всегда сокрушался, что Ольга — девочка. Вот какого сына он хотел бы иметь! Остальные его дети флотом интересовались гораздо меньше.

Во время посещения русскими кораблями Греции еще в 1868 г. королева сдружилась с семьей контр-адмирала И.И. Бутакова (особенно с его женой Верой Васильевной Бутаковой)²⁹. Причем, эта дружба с многочисленной морской семьей Бутаковых сохранилась на всю жизнь.

²⁷ Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки. Ф. 126. Картон 3606. Ед. хр. 36. Л. 5, 5 об.

²⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 206. Афины. 12 (24) мая 1878.

²⁹ Бутакова Вера Васильевна (с 1874 г.), урожденная Давыдова (1843–1920) — дочь декабриста Василия Львовича Давыдова, дворянка. Увлекалась музыкой и хорошо рисовала. С 1866 г. по 1868 г. П.И. Чайковский посвятил ей пьесы для фортепиано «Воспоминания о Гапсале». Благодаря замужеству получила доступ ко Двору, стала кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины малого креста. В браке имела двух сыновей: Степана и Александра, родившегося в Греции (1881–1914), позже капитана II-го ранга (погиб в сражении). Греческая королева стала крестной Александра Бутакова. У адмирала И.И. Бутакова было еще два сына, рожденные гречанкой во время его проживания в Греции.

В ноябре 1868 г. юная королева писала отцу по поводу визита И.И. Бутакова во дворец и его первого знакомства с ее новорожденным сыном, принцем Константином (будущим королем Греции): «Вообрази себе, милый Папа, что русские, как, например, Бутаков, называют его великим князем, что меня ужасно радует. Бутаков у меня раз спросил: “Как здоровье Великого Князя Константина!”. Слишком мило!»³⁰.

Ольга была так расположена к В.В. Бутаковой («которая ужасно добрая и милая»), что даже по ее просьбе обратилась к отцу, прося помочь брату адмирала, Владимиру Бутакову³¹, который командовал шхуной «Келасурь», остаться в заграничном плавании еще на год, «ибо это большая помощь его очень небогатым финансам при огромном семействе». «Так вот, Вера Васильевна надеется, — писала Ольга, — что я выпрошу у тебя оставить Бутакова еще год здесь. Так прошу Тебя, Папаша, милый душка, сделать это!»³² Затем она просила отца, чтобы именно адмирал И.И. Бутаков вновь пришел с военными кораблями в Грецию: «Мы так его любим и так привыкли к нему, что нам было бы весьма грустно больше не иметь его здесь». И выпросила³³.

Гостей-офицеров королевская чета принимала в афинском дворце и на о. Корфу (Керкира), а чуть позже — в летней резиденции, расположенной недалеко от столицы — Татое. После блестящего Санкт-Петербурга сами Афины были не слишком радостным местом, но постепенно королевская семья сумела внести определенное очарование в жизнь Афин.

Афинский дворец представлял собой тяжеловесное четырехэтажное здание на краю центральной площади города. Он был построен в 1834–1838 гг. баварскими архитекторами, которых привез с собой 17-летний баварский принц Оттон, ставший королем Греции Оттоном I³⁴. Вот как опи-

³⁰ ГАРФ. Ф. 722. Д. 808. Афины. 16 (28) ноября 1868 г.

³¹ Бутаков Владимир Иванович (1830–1894), с 1878 г. — капитан I-го ранга, с 1885 — контр-адмирал с увольнением на пенсию.

³² ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Татой. 18 (30) мая 1873 г.

³³ Там же. Татой. 29 июня — 10 июля 1873 г.

³⁴ Оттон I — греческий король в 1833–1862 гг., был женат (с 1835 г.) на принцессе Амалии. Потомства не имели.

сывает автор «Путешествия на Восток» Э.Э. Ухтомский королевский дворец в 1890 г.: «Простотой и спокойствием веет от королевского столичного местопребывания — Базиликона. Массивный беломраморный дворец с колоннами [...] высятся над главной площадью, окаймленной лучшими гостиницами и кофейнями. К последней спускается бульвар, по которому постоянно движется много народа. В четырехугольнике между растущими олеандрами, мягко стелется мурава. За резиденцией их величеств поднимается благородно очерченная гора Ликабет с часовнею св. Георгия [...] Внутри дворца покои соединяются длинными и очень высокими коридорами. Размер комнат везде огромный. Тишина в Базиликоне почти не нарушаемая»³⁵. При короле Оттоне I также осуществлялась планировка и застройка старых Афин, которые по проекту двух талантливых баварских архитекторов Лео фон Кленце и Фридриха фон Гертнера превратились в новый город. Оттон и Амалия, правившие Грецией до 1862 г., а затем свергнутые революцией, были увлечены историей и архитектурой Древней Греции, благодаря чему были спасены многие шедевры, а также все византийские церкви, которые планировались рьяными архитекторами под снос. В XIX в. город украсили многие новые двух — и трехэтажные особняки в неоклассическом стиле с помпезными пилястрами, карнизами, балкончиками, лепными украшениями по фасаду. Позади дворца тогда же был разбит сравнительно небольшой, но замечательный парк, затем получивший статус национального: были высажены экзотические растения, в тени которых в извилистых аллеях можно было, уже во времена правления Георга I и Ольги, укрыться от жары. Там сохранились даже остатки мозаичных рисунков, украшавших пол в древнеримских термах. Ольга Константиновна воскресила в парке «уголок природы» покинутой северной отчизны: рядом с пальмами, пирамидальными кипарисами, апельсинами и лимонами, были

³⁵ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. СПб, 1893. Т. 1. С. 57.

высажены липы, дубы, клены, а посреди парка сооружено маленькое озеро со стеклянными берегами, имитирующими лед, в котором плавали лебеди (дань любимому композитору П.И. Чайковскому и его балету «Лебединое озеро»). «Придворный обширный сад, доступный и посторонним посетителям, изобилует тенистыми деревьями и цветниками», — писал побывавший в нем Э.Э. Ухтомский.

В Афинах также имелась замечательная русская церковь «Святого Никодима и Святой Троицы», расположенная в десяти минутах ходьбы от дворца, которая прекрасно сохранилась и действует в наши дни. «Этот храм отличается древностью своего основания и непохожестью на другие афинские постройки византийского стиля, — писал Ухтомский. — Фундамент положен еще в IX в. при императрице Ирине. Наше правительство дало щедрые средства на обновление и внутреннее убранство тысячелетнего сооружения»³⁶. Тысячелетний храм посещала вся русская колония Афин, российская дипломатическая миссия, а также члены экипажей российских военных кораблей.

Королевский дворец был хорош для жизни и приема гостей весной и осенью, так как летом там было нестерпимо жарко, а зимой весьма холодно. Даже в прекрасном парке возле дворца летом была ужасная жара. Поэтому король и королева решили жить (если Георгу I позволяли политические обстоятельства) весной и осенью на о. Корфу, где прекрасный дворец находился у самого моря, а затем была построена королевская резиденция «Мон Репо». Через три года после женитьбы, в 1871 г., Георг I купил в двух часах езды от Афин (27 км) в Татое, в горах Декелии огромное имение, а затем в 1873 г. построил там маленький дворец — точную копию с Петергофской фермы, где жил император Александр II. Ольга писала отцу: «Ты себе представить не можешь, что это за великолепие. Это еловый лес, и между деревьями большие зеленые луга и группы деревьев. Это

³⁶ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток... С. 58.

мне напоминает Павловск и вообще север, потому что там прохладно даже летом и много зелени. Трудно представить себе, что в Афинах есть такие чудесные места»³⁷.

Дворец в Афинах посещали сотни людей разного сословия, а со временем — он стал местом паломничества русских моряков, которых с радостью принимала греческая королева, просто купаясь в неповторимой родной языковой стихии. Имело значение и то, что на русском языке Ольга могла в Греции говорить в основном только с морскими офицерами и моряками с русских кораблей. К тому же, как мы уже упоминали, морские офицеры были прекрасно образованы и являлись лучшими представителями высшего петербургского общества.

Сотни писем королевы Ольги к отцу, а затем к брату Константину представляют собой настоящую летопись пребывания русских моряков в Греции в конце XIX — начале XX вв. В ее письмах к отцу с любовью описаны все посещения кораблей Греции в 1869-1880-х годах XIX столетия (за исключением времени, которое Ольга проводила в России). Так, в мае 1869 г. Ольга посетила корвет «Аскольд», бросивший якорь на о. Корфу. Она писала: «Казнаков³⁸ приехал в катере за нами и повез нас на корвет, который стоит перед городом. Мы обедали в шесть часов, и нас было шесть человек: Бутаков, Казнаков, Новиков³⁹, Виллин (греческого короля. — *О.С.*) дядя Вильгельм (который в австрийской службе и гостил у нас три недели), Вилли и я. [...] После обеда мы говорили и смотрели альбомы. Потом мы пошли на палубу и там Бутаков послал за песенниками. Матросы пели и танцевали, а я, слушая и смотря, наслаждалась. Ведь это такая прелесть, слушать русские песни. У них на корвете есть обезьяна; она — толстая старуха без хвоста и такая у нее рожа, какой я в жизни не видела. Но она, несмотря на то, что она рожа, прелюбезная тварь, и без всяких церемо-

³⁷ ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Афины. 8 (20) мая 1871 г.

³⁸ Казнаков Н.И. (1934–1906) — командир корвета «Аскольд», будущий адмирал.

³⁹ Новиков Модест Дмитриевич (1829–1893) — вице-адмирал.

ний, закрыв глаза лапой (чтоб защитить их от света) уложилась поживать у Вилли на коленях. Мы сели опять в катер в четверть двенадцатого, это порядочно поздно, но время так прошло приятно [...] Только что мы отплыли, корвет заблестел бенгальскими огнями! Это было прелесть как красиво! Через четверть часа мы пристали к маленькой каменной пристани, которая перед нашим домом! С берега до нашего дома ведет очень крутая дорожка, по которой направо и налево стоят матросы с фальшфейерами (факелами-свечками. — *О.С.*), и освещали дорогу»⁴⁰.

В декабре 1869 г. в Пирей пришли корветы «Память Меркурия», «Львица», а затем «Яхонт» и «Изумруд». «Я каждый день встречаю множество русских офицеров и гардемарин, — писала Ольга отцу, — и это меня ужас, как радует!»⁴¹ Корветом «Яхонт» командовал муж первой «морской» подруги Ольги Саши (Александры) Литке — граф Константин Федорович Литке-младший⁴². «Яхонт» простоял в Пирее с 1869 по 1871 г., занимаясь учениями и починкой «старых и гнилых» котлов. Королева посещала корабли, ей представляли офицеров, угощали обедами и устраивали развлечения. В свою очередь, Ольга приглашала на приемы при греческом дворе офицеров, оказывала морякам всяческие знаки внимания: делала подарки матросам и кают-компаниям. С «Яхонтом» королевская чета встречалась также на Корфу в феврале 1870 г., о чем королева сообщала отцу: «Палуба была удивительно мило убрана флагами и разноцветными фонарями. Матросы пели и танцевали»⁴³. В мае Ольга писала о встрече с адмиралом Путятиным⁴⁴, которого рада была видеть. В конце 1870 г. в Пирей заходил отряд И.И. Бутакова⁴⁵.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 722. Д. 808. Корфу. 8 (20) мая 1869 г.

⁴¹ Там же. Афины. 22 ноября (4 декабря) 1869 г.

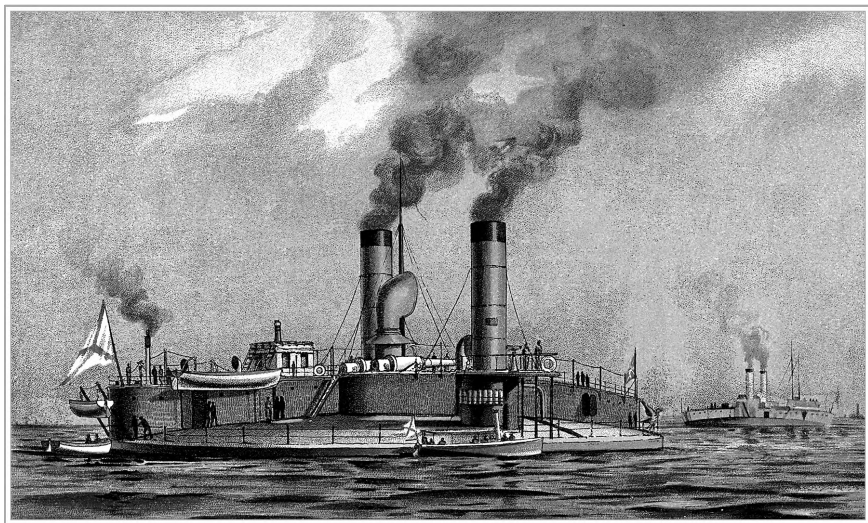
⁴² Константин Федорович Литке (1837–1892) — граф, в чине капитан-лейтенанта командовал корветом «Яхонт» в 1868–1873 гг. Жена Александра (или по-домашнему «Адина») — графиня Александра Карловна, урожд. Ребиндер («Адина»), ум. 09.12.1893.

⁴³ ГАРФ. Ф. 722. Д. 808. Афины. 24 января (5 февраля) 1870 г.

⁴⁴ Путятин Евфимий Васильевич (1803–1883) — адмирал, дипломат.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 722. Д. 808. Корфу. 15 (27) сентября 1870 г.

Моряки, и в их числе командир «Яхонта» граф К.Ф. Литке (отец которого обучал в свое время морскому делу великого князя Константина Николаевича), рассказывали Ольге Константиновне о новых боевых судах, которые строились для Черноморского флота на юге России в Николаеве, в том числе о весьма новаторских, спроектированных контр-адмиралом А.А. Поповым, моряком и изобретателем так называемых «поповок», круглых судов, которые вызвали неподдельный интерес в России. «Поповка» «Вице-адмирал Попов» представляла собой первый в мире плавающий мало потопляемый броненосец. Это известие очень заинтересовало юную королеву. «Вот умора — видеть круглое судно, как блин, — писала она отцу. — Пожалуйста, милый Папа, если существуют фотографии таких «поповок», то пришли мне одну. Это так интересно!» И совсем скоро, после получения фотографий судов контр-адмирала А.А. Попова: «Я их целовала и до сих пор не могу на них вдоволь наглядеться»⁴⁶.

Поповки

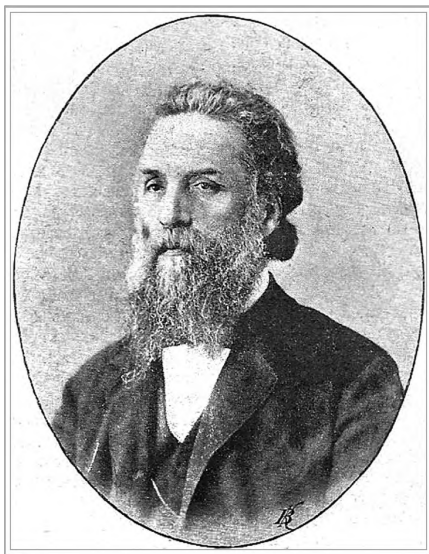
⁴⁶ ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Корфу. 3 (15) августа 1870 г. Этот вид кораблей, однако, не принял участия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В мае 1879 г. отец повез Ольгу и сына Константина на южный берег Крыма для участия в плавании на «поповке»⁴⁷.

Приходили в Грецию и корабли Российского Общества Пароходства и Торговли, т.е. общества, созданного при активной поддержке ее отца в 1856–1857 гг. В 1872 г. Ольга предприняла небольшое путешествие на пароходе РО-ПиТа «Великий князь Константин» — от порта Пирей до о. Корфу. «Я ужасно была рада путешествовать опять на русском пароходе и целый

день болтать по-русски, — писала она отцу. — Все были так милы и любезны со мной, что я просто была тронута». Королеве особенно понравился офицер Кази⁴⁸ — «настоящий чистопородный моряк»⁴⁹.

Ольга Константиновна с молодых лет обладала особым чутьем на незаурядных людей, тем более, что они, благодаря ее отцу, адмиралу флота окружали ее с самого детства. В этот ранний период ее пребывания в Греции в письмах к отцу часто упоминаются контр-адмирал И.И. Бутаков, Николай Матвеевич Чихачев (1830–1917), будущий адмирал, начальник Главного морского штаба и управляющий Морским министерством⁵⁰, Иван Алексеевич Шестаков (1820–

М.И. Кази

⁴⁷ Длужневская Г.В. Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич — государственный деятель, реформатор флота // Елагинские чтения. Вып. V. СПб, 2011. С. 95.

⁴⁸ Кази Михаил Ильич (1839–1896) — из семьи греческих дворян, перешедших на российскую службу. Капитан 2-го ранга. В 1872 г. состоял в РОПит в должности директора по морской части.

⁴⁹ ГАРФ. ф. 722. Д. 809. Афины. 13 (25) мая 1872 г.

⁵⁰ Один из пароходов флота РОПит был назван в его честь — «Чихачев».

1888), будущий флотоводец и государственный деятель, адмирал, управляющий Морским министерством, обладавший выдающимися организаторскими способностями, которые помогли реализовать грандиозную программу строительства российского парового флота, один из самых образованных людей своего времени, Степан Осипович Макаров (1849–1904), ученый, контр-адмирал, ставший выдающимся деятелем русского флота, и многие в дальнейшем прославленные моряки.

Любовь к флоту она ощутила особенно остро, когда ее горячо любимый младший брат Костя, великий князь Константин Константинович начал службу во флоте на Средиземном море. Константин, стал самым дорогим морским гостем молодой греческой королевы в Греции. Великого князя с самого детства отец готовил к морской службе. В семь лет его воспитателем был назначен капитан I-го ранга Александр Ильич Зеленой, состоявший в этой должности до совершеннолетия великого князя. Занятия велись по программе Морского кадетского корпуса. 16-летний юноша, окончив его, в 1874 г. был произведен в гардемарины и определен на службу на 40-пушечный винтовой фрегат «Светлана». Еще в 1871 г. на нем в должности старшего офицера под командованием контр-адмирал И.И. Бутакова отправился в кругосветное путешествие двоюродный брат Ольги Константиновны и Константина Константиновича великий князь Алексей Александрович, сын императора Александра II.

В мае 1875 г. он был назначен командиром этого фрегата, входившего в Средиземноморскую эскадру контр-адмирала И.И. Бутакова. В 1875 г. «Светлана» заходила в Грецию; Ольга писала отцу, что «как будто приехал кусочек России, я блаженствовала! [...] Я Тебе сказать не могу, как моряки были милы к нам, просто слов нет!!! Я их всех знаю, почти всех по именам. Они у нас обедали, были с нами на пикниках, мы бывали часто на фрегате, на молебнах, к обедни, к завтраку, катались под парусами на паро-

*Великий князь
Алексей Александрович*

наши души как-то срослись, образовалась между нами неразрывная связь. Помнишь, мы даже часто говорили друг другу, что мы тогда только познакомились!»⁵² Ольга писала отцу с Корфу 17(29) сентября 1875 г.: «Милый Папа! Вчера утром мы проводили Костю до города и простились, и скоро милая «Светлана» снялась с якоря и ушла! Долго смотрела я ей вслед и думала, как страшно скоро проходит все хорошее на сем свете! [...] Все утешали меня тем, что он, вероятно, весной вернется опять на «Светлану»; это так было бы хорошо [...] Слава Богу, что Алексей и «Светлана» возвращаются (из Кронштадта — *О.С.*), а то бы вчерашнее прощание

вом баркасе, (к которому я питаю особенную любовь), одним словом, я чуть не обратилась совсем в моряка, даже раз нас три часа страшно качало, и меня не укачало! Ура!»⁵¹ Позже королева писала младшему брату: «Мне так живо представилась минутка, когда я узнала, что Ты и Алексей в Пирее и наше (эффектное!?) свиданье на «Светлане» помнишь, прелесть моя? И вообще все это счастливое время здесь и в Корфу!! Помнишь? Знаешь ли, Костя, мне кажется, что это время осенью 75 года, которое мы провели вместе, составляет переход в нашей жизни. Мы сблизились,

⁵¹ ГАРФ. ф. 722. Д. 809. Корфу. 17 (29) сентября 1875 г.

⁵² ГАРФ. ф. 660. Оп. 2. Д. 205. Татой. 9 (21) июля 1877 г.

было бы слишком грустно»⁵³. Юная королева, по-видимому, была слегка влюблена в кузена, великого князя Алексея Александровича, но без всякой взаимности: он никогда не отвечал на ее письма и с раздражением относился к ее заступничеству и просьбам за моряков, когда в 1881 г. стал генерал-адмиралом Российского флота и весьма бездарным главой Морского ведомства, сменившим на этом посту после смерти Александра II генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. Королеву Ольгу в его ведомстве за ее бесконечные просьбы за моряков презрительно называли «венценосная нищая». Королеву Ольгу в его ведомстве за ее бесконечные просьбы за моряков презрительно называли «венценосная нищая».

Кроме постоянно проводившихся во время стоянок различных учебных занятий, стрельб, хозяйственных забот, офицеры могли посещать театральные постановки⁵⁴, концерты и гастроли оперных певцов в Афинах, службы в кафедральном соборе и русской церкви, дорогие кофейни и рестораны. Они были очень частыми гостями королевской четы во дворце, где для них устраивались обеды и балы. Королева Ольга была молода, любила танцевать, выезжать в большой компании на пикники, обожала активные игры на траве — пятнашки, на перегонки и другие, распространенные в то время, в которых активное участие принимали молодые морские офицеры. С возрастом она полюбила больше всего пешие прогулки, когда можно было поговорить с моряками по-русски и по душам — о религии, о флотских делах, о жизни на кораблях (ее интересовало все).

В ноябре 1875 г. Ольга описывала отцу проведенное с детьми, а также с гречанками из знаменитых родов, ее фрейлинами — Теохари, Колокотрони и другими — время на «Светланушке»: «Сначала был молебен [...] Весь двор был приглашен в русское посольство [...] В прошлое воскре-

⁵³ ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Корфу 17 (29) сентября 1875 г.

⁵⁴ В 1881 г. по инициативе Георга I был построен первый театр в Афинах (Национальный театр Греции).

сенью опять были на “Светлане”, после завтрака катались на парходике». «На баркасе прогуливали себя на лоне вод в продолжение часа, после чего опять воротились на фрегат пить чай». Дети были очень довольны!! Смотрели, как спускают брам-стенги. Удивительно, как эти молодцы матросы работали»⁵⁵. Я ничего милее не знаю, как плавание на русском судне, всю эту морскую жизнь, молитва матросов вечером, даже укачивает как-то не так неприятно»⁵⁶, — описывала королева свои «морские» впечатления.

Ольга признавалась отцу, что «кроме посещения фрегата жизнь наша страшно однообразна»⁵⁷. Тем тяжелее для нее бывали расставания. «Каждое прощание — как будто обрывается кусок сердца», — писала Ольга брату. — Смотрела, как милый мой фрегат снимался с якоря, поворачивался и тихо выходил из Пирея, пока не скрылся навсегда за мысом»⁵⁸. На память о своем визите в Грецию брат Константин пришлет сестре сначала золотой якорь на цепочке, затем золотую брошь в виде морского якоря, а Ольга позже, когда ее любовь к флоту станет сущностью ее природы, напишет брату, что «гардемаринский якорь все-же зацепился навсегда за мое сердце»⁵⁹.

Во время пребывания в Греции русские моряки не участвовали в международных гонках на парусных судах. Королева описывала одну из таких гонок брату Константину, который в это время находился в плавании: «Это очень было весело. Мы поехали в 2 в Пирей. Алексей (великий князь Алексей Александрович — О.С.) пригласил весь наш двор, русское посольство с дамами и английского капитана с женой. Его фамилия Fitz-Georgy, но Алексей прозвал его “Fitz-croquet-water-proof” Хорошо? Мы все стояли на среднем мостике, который окружили флагами, так что в ночи

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Афины. 14 (26) ноября 1875 г.

⁵⁶ Там же. Бернсторф. 8 (20) сентября 1876 г.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 203. № 7. Афины. 27 ноября (9 декабря) 1875 г.

⁵⁸ Там же. № 9. 12 (24) декабря. 1875 г.

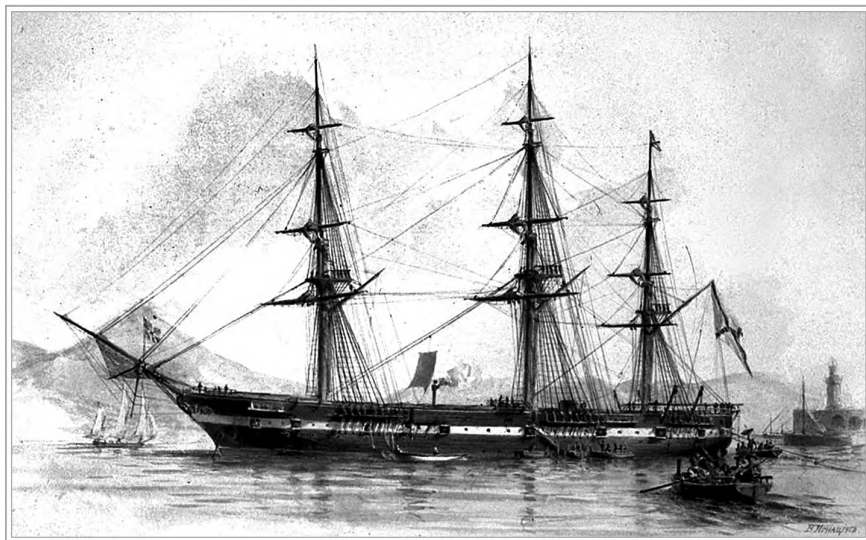
⁵⁹ Там же. Д. 204. № 4. Афины. 24 января (5 февраля). 1876 г.

совсем не дуло, а было очень приятно, как в коробочке. Нас угощали шоколадом и разными аппетитностями. Было довольно холодно; у бедного Кригера⁶⁰ чуть не посинели нос и руки. Алексеев стоял все время с трубой и страшно волновался и суетился; к сожалению, было с чего. Первые были англичане и мы сделали очень длинные рожи, пока маленькая “Fitz-croquet-waterproof” ликовала. Бутаков пристал к Алексею, что надо матросов заставить кричать “Ура!”» для выигравших, говоря, что это всегда так делается; Алексею очень не хотелось, но так как адмирал настаивал, он велел скомандовать три раза “Ура!”. Матросы крикнули, но очень недобросовестно, что нас заставило смеяться. Англичане выиграли два раза, греки два раза, и, наконец, баржа (наша) с триумфом, потому что она оставила других далеко позади. Тут было совсем другое “Ура!” и рукоплесканья; Лебедева и Гребцова подкидывали, когда они вернулись назад на фрегат!»⁶¹

Случались в Пирее и неприятности, которые порой свидетельствовали о морской солидарности команд иностранных судов, стоявших там. В апреле 1876 г. около одиннадцати утра должен был прийти корвет «Аскольд» из Китая, где он пробыл 3,5 года. В Пирее его встречала, как всегда «случайно» оказавшаяся там, греческая королева, но скоро сигналами «Аскольд» дал знать, что встал на мель. Ольга рассказывала на следующий день: «Вот теперь 48 часов что он так стоит, несмотря на все усилия стащить его с места. “Светлана” [...] и два маленьких англичанина, да сегодня даже почтовый пароход, тащат его из всех сил; выгрузили что могли: орудия, пороха, половину мест, а он все не с места. Мы были там сегодня, чтоб посмотреть на это; они продолжают выгружать; вот работа! И это перед праздниками, когда “Светланушку” только что вновь вычистили да выкрасили и все было готово для праздника, и бедные матросы на

⁶⁰ Кригер Александр Христианович (1848–1917) — окончил Морской корпус, с 1870 г. — мичман, с 1891 г. — капитан I-го ранга, с 1896 г. — контр-адмирал.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 660. Д. 203. № 7. Афины. 27 ноября (9 декабря) 1875 г.

Фрегат «Светлана»

«Аскольде» вероятно радовались отдохнуть в порту. Право жалко»⁶².

Королева ласково называла фрегат «Светланушка» и сдружилась не только с адмиральской семьей Бутаковых, но и с молодыми гардемаринами- «светланцами», судьбами которых интересовалась всю жизнь, следила за их повышением по службе, душевном состоянии, здоровье, за их подвигами во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Ее друзьями стали офицеры из лучших морских семей — Эбеллинг, Сиверс, Перелешин, Нилов и др. Во время русско-турецкой войны, Ольга, радуясь, что брат Константин остался со «светланцами», писала: «Якорь мой, светланский, гардемаринский якорь всегда при мне»⁶³.

В годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Греции практически не было русских судов. 29 апреля 1877 г. по указанию императора Александра II Отдельный отряд судов

⁶² Гарф. ф. 660. Оп. 2. Д. 204. № 10. Афины. 3 (15) апреля 1876 г.

⁶³ Там же. Д. 205. 16 (28) июля 1877 г.

под командованием И.И. Бутакова был отозван в Кронштадт, а по приходе в Брест расформирован. Королева Ольга в начале 1877 г. спрашивала отца: «Воротится ли Ив. Ив. Бутаков к нам, или нет? Мы так его любим и так привыкли к нему, что нам было бы весьма грустно больше не иметь его здесь. Я очень люблю его жену, и мне было бы очень грустно расстаться с ней [...] Я обещала ей спросить Тебя, милый Папа, решено ли что-нибудь на счет Бутакова»⁶⁴. Королева переживала, что «все старания, труды, переговоры ни к чему не привели, и война, это страшное наказание Божье, право, началась. Ты можешь себе представить, что во мне происходит и с какою жадностью я читаю всякое известие, которое, увы, всегда так поздно доходит к нам. Мысль, что Ты, может быть, придешь в Средиземное море со всею броненосной эскадрой, меня страшно взволновала и не выходит у меня из головы. Я молю Бога, чтобы этого не случилось, несмотря на то, что я страшно желаю Тебя видеть, душка Папа, только уже, конечно, не таким образом. Какое это тягостное чувство, жить в ежедневном ожидании и не знать, что нас ожидает в самой близкой будущности. Чем эта война кончится, для того ли она, чтобы образумить Турок, или для того, чтобы покончить навсегда с восточным вопросом!»⁶⁵. Ольга очень надеялась, что «русская эскадра», как она называла все соединения кораблей, все-таки придет в Грецию, тем более, что «депеши уверяли, что сюда идет русская эскадра из Балтийского моря». «Я этому не верю, — писала королева, — потому что это было бы слишком хорошо»⁶⁶. Греческая королева, принимавшая близко к сердцу победы и поражения России, просила отца принять из Департамента уделов 5000 рублей из ее «экономического капитала» «для жен и детей убитых, или изувеченных в нынешней войне матросов. Я знаю, — писала она, — что это только капля в воде,

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Афины. 25 февраля (9 марта) 1877 г.

⁶⁵ Там же. Афины. 15 (27) апреля 1877 г.

⁶⁶ Там же. Афины. 26 ноября (8 декабря) 1877 г.

но так как вода состоит из капель, то и мне хочется прибавить мою капельку»⁶⁷. В начале войны Турция опасалась русской Атлантической и Средиземноморской эскадр: турки готовились начать минные постановки в районе Дарданелл, переброска войск из Египта в Константинополь шла лишь под конвоем броненосцев. «Но вскоре страх сменился удивлением и смехом, — пишет А.Б. Широкоград. — Конвои были отменены. Наконец, к июлю 1877 г. турецкая эскадра Гуссейн-паши в составе двух броненосцев и шести паровых судов, базировавшихся в порту Суда на Крите, начала охоту за русскими торговыми судами в Средиземном море». А чем ответила Россия? 29 апреля 1877 г. Средиземноморская эскадра была отозвана по указанию императора Александра II в Кронштадт, по приходе в Брест расформирована, а ее командующий И.И. Бутаков назначен помощником начальника морской и береговой обороны Кронштадта. «Не тогда ли, на какое-то мгновение, промелькнул призрак Цусимы? — заключает автор. — Но когда в январе 1878 г. победоносные русские войска подходили к Константинополю, Лондон ввел броненосную эскадру в Мраморное море. В результате с января по август 1878 г. Англия и Россия были на грани большой войны. И правители России, допустившие приход английской эскадры, не перерезавшие пуповины, связывающие метрополию с колониями и побоявшиеся поставить Англию на колени, трусили в очередной раз.... Крейсера так и не вступили в бой. Россия проиграла, победив в войне. В который раз»⁶⁸. Доставшаяся дорогой ценой победа русской армии не дала результатов, которые были бы достойны жертв, принесенных Россией в войне. Выигранная война не дала желаемых успехов на море. Отсутствие сильного флота на Черном море, беспомощность перед угрозой Англии лишили русские войска возможности задержаться на Босфоре, берегов которого они достигли.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Афины. 26 ноября (8 декабря) 1877 г.

⁶⁸ См.: Широкоград А.Б. Русско-турецкие войны. 1676–1918. Глава X. Война 1877–1878 гг. М., 2013.

Разразившийся в 1870-х годах очередной Восточный кризис вселил в греков большие надежды на реализацию, хотя бы частично, «великой идеи» («Мегали идея»). Однако даже в последний месяц войны правительство бездействовало, что возбуждало недовольство общества. Это заставило Георга I перейти к активным действиям, чтобы не потерять престиж монархии в глазах народа и молодого офицерства, призывавшего к восстанию. Несмотря на то, что Греция вступила в войну, когда русский император Александр II уже подписывал мирный договор с Портой, восстание греческих патриотов против турецкой власти в феврале 1878 г. в Фессалии, Эпире, Южной Македонии и на Крите, при поддержке из Афин⁶⁹, оказало, безусловно, влияние на позицию великих держав — Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России и Франции, заседавших на мирном конгрессе в Берлине летом 1878 г. Все великие державы, за исключением Великобритании (получившей Кипр), пообещали Греции расширение ее северных границ. В результате трехлетней упорной дипломатической борьбы в июне 1881 г. была подписана греко-турецкая конвенция, по которой Греция получала всю Фессалию и округ Арта в Эпире⁷⁰. Находясь в госпитале среди раненых повстанцев, греческая королева Ольга⁷¹ писала отцу: «Наконец-то наступил светлый день для этих несчастных. Вообрази себе, что за счастье для моих раненых, что их кровь не понапрасну текла!»⁷² Расширение территории укрепило позиции королевского дома Глюксбургов среди населения королевства. Однако за пределами Греции оставалась еще большая часть населенных греками территорий.

⁶⁹ Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.) М., 1986. С. 85.

⁷⁰ The Foundation of Modern Greek State. Major Treaties and Conventions (1830–1947). Athens. 1999. P. 57–58. В 1882 г. великие державы-покровительницы подкорректировали границу в пользу Греции.

⁷¹ Несмотря на обвинения Ольги со стороны греческих историков в панславизме, она изо всех сил стремилась защитить интересы маленькой Греции и монархии, и, конечно, к ее голосу прислушивались в России.

⁷² Соколовская О.В. Греческая королева Ольга — «Под молотом судьбы». М., 2011. С. 66.

Брат королевы Ольги великий князь Константин Константинович принял участие в русско-турецкой войне, на которой даже совершил подвиг и был награжден, а в мае 1878 г. произведен в лейтенанты; в августе 1878 г. он был назначен флигель-адъютантом, в январе — сентябре 1880 г. командовал ротой Гвардейского экипажа; затем в сентябре 1880 г. был назначен вахтенным начальником на фрегат «Герцог Эдинбургский», на котором до января 1882 г. находился в Средиземном море. «Герцог Эдинбургский» в 1881–1882 гг. заходил и подолгу стоял в Пирее. Лето и начало осени 1881 г. Константину разрешено было провести у сестры-королевы в прекрасном загородном поместье Татой. Ольга сообщала отцу: «Герцог Эдинбургский» ушел на три недели в Триест, а Костя остался у меня. На будущей неделе Willy едет в Арту и оттуда сделает все путешествие верхом до Лариссы. Если б не Костя, я осталась бы совсем одна с детьми. Я дорожу каждым часом, который мы проводим вместе. Мы много вместе занимаемся, читаем»⁷³.

Во время этого плавания летом 1881 г. Константин Константинович посетил Афон, где в беседе со старцем выразил желание «приносить великую пользу» в духовном сане, но старец сказал, что «его пока ждет иная служба, иные обязанности, а со временем, быть может, Господь благословит намерение». «Дай Бог, чтобы сбылись слова святого старца», — писал Константин сестре⁷⁴. Но любовь к флоту постепенно угасала, несмотря на то, что он делал успехи: морская служба была ему не по душе. К ужасу отца, посвятившего флоту всю жизнь, Константин Константинович в дальнейшем сделал все, чтобы перейти в сухопутные войска⁷⁵. Получив разностороннее домашнее образование (в его обучении принимали участие лучшие люди своего времени: известные историки С.М. Соловьев и К.Н. Бестужев-Рюмин, музыкальный критик Г.А. Ларош, виолончелист И.И. Зей-

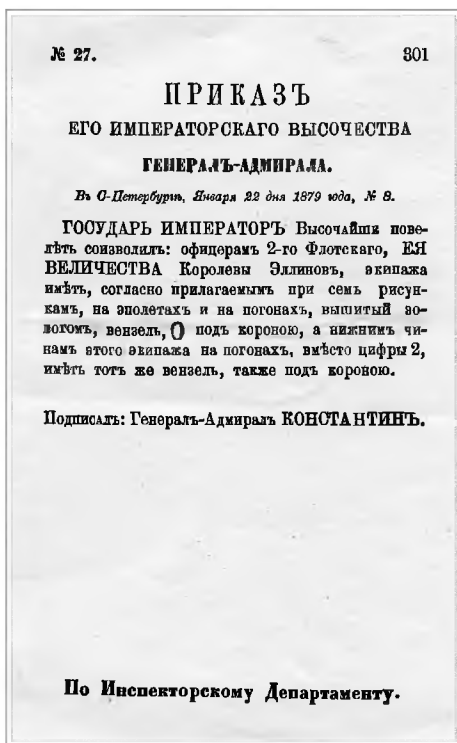
⁷³ ГАРФ. Ф.722. Д. 810. Татой. 3 (15) сентября 1881 г.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ См.: Маторина Э., Говорушко Э. К.Р.М., 2008.

ферт, пианист Р. Кюндингер, писатели И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский), великий князь был чрезвычайно образованным и интересным человеком. Константин и Ольга за время его пребывания в Греции очень сблизились духовно, их переписка, посвященная всем сторонам жизни человека, продолжалась почти 50 лет. В немалой степени она была посвящена морякам и флоту, несмотря на то, что Константин вскоре покинул морскую семью.

Уважая чувства, которые питала к флоту греческая королева Ольга, Александр II в 1879 г. назначил свою племянницу шефом 2-го флотского экипажа Балтийского флота⁷⁶. По распоряжению императора от 22 января 1879 г. офицеры экипажа стали носить на эполетах и на погонах вышитый золотом вензель «О» под короной, а нижние чины этого экипажа — на погонах, вместо цифры «2»⁷⁷.

Приказ

⁷⁶ Шефских экипажей в Российском императорском флоте было всего три: 1-й флотский его императорского высочества генерал-адмирала Константина Николаевича экипаж, 2-й флотский ее величества королевы эллинов Ольги Константиновны экипаж и 5-й флотский его императорского высочества великого князя генерал-адмирала Алексея Александровича экипаж. Все они были отмечены вензелями высочайших шефов на погонах и эполетах — «К», «О» и «А» соответственно.

⁷⁷ С 1891 г. экипаж был переименован в 12-й, а в 1907 г. снова стал 2-м, сохраняя все время отличие шефской части. В память о Наваринском сражении 1827 г. экипаж имел регалию — знаменитый Георгиевский флаг. Среди командиров 2-го флотского экипажа были вице-адмирал С.П. Тыртов, контр-адмирал С.О. Макаров, капитан 1 ранга Г.П. Чухнин и другие известные на флоте личности.

Греческая королева относилась очень серьезно к обязанностям шефа. Получая отчеты о деятельности своего флотского экипажа, она вникала во все детали жизни подопечных, а позже создала на часть своего капитала фонд помощи личному составу. Ольга всегда сообщала брату о посещениях Пирея членами ее флотского экипажа. Так, на фрегате «Князь Пожарский» находились три гардемарина и три кондуктора 2-го экипажа, и она их посещала. Королева сообщала брату Константину, по его просьбе, что в Пирее в феврале 1879 г. несли службу следующие «представительные» гардемарины: Николай Александрович Кроун (погибнет с С.О. Макаровым на «Петропавловске» 31 марта 1904 г.), Андрей Августович Эбергард⁷⁸, будущий адмирал, Петр Иванович Тыртов, будущий генерал-лейтенант флота, и многие другие, сделавшие впоследствии блестящую карьеру⁷⁹.

В феврале 1879 г. в Пирей из Тихого океана пришел клипер «Гайдамак» и Ольге представили командира и офицеров (двое из которых были ее экипажа). 10 (22) февраля королева сообщала брату, что «Гайдамак» — «просто чудо, что такое. Чистота, опрятность, щегольство, доведенное на нем до высшей степени! [...] Более пяти лет они в плавании и хочется им домой ужасно»⁸⁰. Офицеры очень ласково обращались со своим шефом и старались, как могли, угодить ей: устраивали танцы, поили чаем, одаривали подарками, которые она, конечно, очень не хотела брать, но это было так искренне. «Мне подарили японский веер, и я попросила, чтобы все офицеры написали свои имена на нем, что для меня весьма милое воспоминание. Один лейтенант Римский-Корсаков⁸¹, — писала Ольга брату, — подарил мне халат чудный вышитый; ужасно мне было совестно в сущности, но я должна была принять»⁸². Король также в эти годы посещал

⁷⁸ Андрей Августович Эбергард (1856, Греция, — 1919) — русский военно-морской и государственный деятель, адмирал.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 207. № 5. Афины. 1 (13) февраля 1879 г.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 207. № 6. Афины. 10 (22) февраля 1879 г.

⁸¹ Скорее всего, это Николай Александрович Римский-Корсаков.

⁸² Там же.

русские суда вместе с супругой, но по-русски не говорил и поэтому чувствовал себя не очень свободно. Во дворце устраивались балы, на которых Ольга «танцевала как сумасшедшая и страшно веселилась». Ей было всего 28 лет. Она сдружилась также с женой контр-адмирала Оскара Карловича Кремера (который 11.11.1878 г. был назначен начальником Отряда судов в Греческих водах) Софьей Оскаровнай (фрейлиной) и восхищалась этой парой, которая так подходила друг другу. («Оба — муж и жена — ужасно симпатичные и не только нравственно, но и физически: оба маленькие, кругленькие...»). В апреле прибыл «Баян» 2-го флотского экипажа. Ольга сообщала брату: «Мне приятно и страшно, что мне делать в качестве шефа!?! Ужасно страшно! Если надо принимать всех офицеров, то я умру от страха; если там, на клипере, то не так страшно!»⁸³ А 30 марта (11 апреля) 1879 г. Ольга писала брату: «Вчера один офицер, получивший уже эполеты и погоны с “О», прислал их показать, и я просидела в них полчаса перед адмиральшей Кремер и наслаждалась, а потом каялась, что “согрешила”»⁸⁴. На «Баяне» ей вручили рапорт и чудесный букет с длинными лентами, а затем представили всех офицеров, мимо которых она проходила. «Я кланялась и глупо улыбалась и старалась скрывать, что сердце бьется и что мне страшно совестно! Потом обошли весь корвет, добросовестно лазая во все дырки, т.е. в малярную, в шкиперскую и т.д. Офицеры были страшно любезны - спускаясь и подымаясь по трапам протягивалось несколько пар рук зараз ко мне (в перчатках ослепительной белизны) [...], за которую руку схватится, чтобы благополучно вылезти из люка [...] В кают-кампании и у командира были выставка чудных японских вещей; мы довольно долго сидели и разговаривали. Офицеры были очень милы и любезны, и мне жалко было уезжать, не зная, увижу ли я их еще раз. Мы думали, что они уйдут в субботу, и, послав

⁸³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 207. № 9. Афины. 3 (15) марта 1879 г.

⁸⁴ Там же. № 13. Афины. 30 марта (11 апреля) 1879 г.

пригласить их в четверг к обеду на пятницу узнали, что они уж ушли!»⁸⁵

На обеде во дворце 6 (18) апреля 1879 г., который давался для русских командиров, королева познакомилась с П.Н. Назимовым⁸⁶, командовавшим фрегатом «Минин», и написала брату: «Он мне очень понравился!» На следующий день были крестины маленькой дочки личного секретаря королевы Н.Н. Философова, и Ольга пригласила на обед тех офицеров, с которыми он уже подружился: лейтенанта П.П. Моласа, капитан-лейтенанта С.П. Тыртова⁸⁷, гардемарина К.Л. Ергомышева⁸⁸ и лейтенанта Н.А. Римского-Корсакова⁸⁹.

С.П. Тыртов

В апреле 1879 г. в Петербурге было совершено покушение на Александра II, о чем он сам депешей сообщил Ольге. В русской церкви в Афинах состоялся молебен, и королева была благодарна морякам, которые, наряду с русской миссией и греками, в большом количестве пришли помолиться за спасение государя императора. Ольга писала брату: «Входя в церковь, вижу, к своему восторгу, со всех сторон русские

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 207. № 14. Афины. 6 (18) апреля 1879 г.

⁸⁶ Назимов Павел Николаевич (1829–1902) — адмирал, в 1876–1882 гг. в чине капитана 1-го ранга командовал фрегатом «Минин», несколько раз находившимся в Средиземном море.

⁸⁷ Сергей Петрович Тыртов (1839–1903) — русский вице-адмирал. 30 августа 1883 г. назначен командиром броненосного фрегата «Генерал-адмирал» с производством в чин капитана 1-го ранга.

⁸⁸ Егорышев Константин Львович (1856–1916) — русский морской офицер, будущий генерал-лейтенант с зачислением по Адмиралтейству, участник Цусимского сражения.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 207. Афины. 6 (18) апреля 1879 г. Л. 62.

мундиры. Молебен был очень торжественный, и я с трудом удерживала слезы. После этого был молебен на фрегате [...] Командир прочел приказ адмирала команде; говорят, что у некоторых матросов слезы так и текли по щекам. Потом Сабуров поздравил их и им была отпущена лишняя чарка водки за здоровье государя; был общий салют и бесконечное “Ура!”»⁹⁰.

Летом 1879 г. Ольга совершила поездку на о. Тинос в монастырь к чудотворной иконе Божьей Матери («Благовещение») на пароходе РОПиТ «Великий князь Константин», названный в честь отца королевы Ольги, которым командовал С.О. Макаров. Ольга писала отцу: «Путешествие было чудное, море светло и спокойно, как зеркало и в понедельник утром мы уже были в Тиносе, куда Вилли мне приехал навстречу. Радость свиданья была огромная! Но скоро опять новое горе прощаться с милым “Константином”, последним кусочком России. К счастью, мы до ночи оставались на Тиносе, и офицеры завтракали и обедали у нас на “Амфитриде”. Я никогда в жизни не забуду моего путешествия на “Констанине”. Начиная с Макарова, все были так милы и любезны, что я была глубоко этим тронута. Мне ужасно было жалко с ними прощаться. Во вторник утром мы уже были в Пирее, куда приехали Тино и Georgy (старшие сыновья Ольги — О.С.). Маленькие ждали во дворце»⁹¹.

В бухте Мунихии⁹², где был домик короля, уже стояли броненосные фрегаты «Минин» и «Князь Пожарский» и королева видела их каждый день, что доставляло ей огромную радость. «“Пожарский” стоит так, что его видно из нашего дома, и целый день ходят шлюпки взад и вперед под милым, милым нашим флагом, который радует мое сердце! Иногда мы ездим к обедне на фрегате и остаемся там завтракать у адмирала»⁹³. Ужасно я это люблю. “Минин”, к сожа-

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 207. Афины. 7 (19) апреля 1879 г.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Татой. 1 (13) июня 1879 г. У королевской пары к 1879 г. было уже пятеро детей — три сына и две дочери.

⁹² Мунихия — одна из старинных пристаней в Афинах в Сароническом заливе.

⁹³ Имеется в виду контр-адмирал Оскар Карлович Кремер (1829–1910), в 1878–1882 гг. — начальник Одельного отряда судов в Греческих водах.

лению, уже давно ушел, но я очень надеюсь, что он придет опять сюда перед отправлением его в Тихий океан. Я, признаюсь, ужасно рада, что Костя еще не идет в кругосветное плавание. И так расстояние большое между нами...»⁹⁴ — писала королева отцу. А брату Константину она сообщала: «Вообрази себе, что в воскресенье, пока мы были на “Пожарском”, пришел “Константин”. Так мило со стороны Макарова, что он зашел сюда по дороге в Бриндизи. Ты можешь представить себе мою радость! Мы ездили к нему, и я там видела и болтала со всеми офицерами (моими друзьями). “Константин” оставался здесь 24 часа, и мы много видели Макарова, который страшно симпатичен»⁹⁵. Степан Осипович Макаров, ставший впоследствии выдающимся деятелем русского флота, в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. прославился своими рейдами по Черному морю. Он также полюбил греческую королеву и свою старшую дочь назвал в ее честь. При крещении дочери Макарова королева была восприемницей, а представляли ее российский посол в Константинополе и жена греческого посланника. Личная жизнь выдающегося человека складывалась не самым лучшим образом. Со своей женой он познакомился после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., как раз на пароходе «Великий князь Константин», командиром которого он был. Но воспитанная в иезуитском монастыре в Бельгии, она не разделяла его взглядов и интересов. У них было трое детей — две дочери и сын. К сожалению, дочь Ольга прожила недолго (1882–1886). Как вспоминал вице-адмирал А.А. Вирениус⁹⁶,

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Пирей. 14 (26) Июля 1879; там же. Татой. 11 (23) августа 1879 г.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 207. № 18. Пирей. 16 (28) июня 1879 г; там же. № 22. Пирей. 12 (24) июля 1879 г.

⁹⁶ Вирениус Андрей Андреевич (1850–1919) — русский мореплаватель, вице-адмирал. В 1901 г. был назначен заведующим военно-морским научным отделом Главного морского штаба. В следующем году за отличия произведен в контр-адмиралы. В 1903 г. назначен помощником начальника Главного морского штаба и членом Конференции Николаевской морской академии. В 1903–1904 гг., командуя отрядом кораблей в составе эскадренного броненосца «Ослябя», крейсеров «Дмитрий Донской», «Алмаз», «Аврора», миноносцев «Буйный», «Блестящий», «Быстрый», «Безупречный», «Бедовый», «Бодрый» и «Бравый», миноносцев № 212, № 213, № 221, № 222, отправился из Кронштадта на Дальний Восток, но из был отозван обратно.

(в те годы старший офицер корвета «Витязь»), в 1887 г., когда корабль зашел во Владивосток, его командир С.О. Макаров получил известие о смерти дочери, которая «составляла его радость и утешение в жизни, более чем все и вся»⁹⁷. Греческая королева очень сочувствовала Макарову. Позже он много времени проводил в Греции, став командиром эскадры Средиземного моря (1894-1895).

Офицеры с русских кораблей теперь всегда принимали участие в праздновании именин Ольги 11(24) июля или дня рождения греческой королевы 24 августа (3 сентября)⁹⁸. Это стало традицией. Празднование проходило приблизительно так: Сначала был молебен в соборе, затем поздравления, обед, игры, фейерверк, катание по заливу и т.д. «Много приехало офицеров и гардемарин поздравлять, — писала Ольга брату, — чему я очень обрадовалась. Вообще было очень много народа; сперва я страшно боялась и потом успокоилась. Вечером был фейерверк, очень красивый, который делал город Пирей; потом мы катались по Фалирскому рейду и смотрели на суда, которые были чудно иллюминированы»⁹⁹.

В сентябре 1879 г. из Неаполя пришел «Минин», который вскоре должен был отправиться в кругосветное плавание. На нем прибыл контр-адмирал Авраамий Богданович Асланбегов с двумя флаг-офицерами — Василием Николаевичем Фридрихсом, уже знакомым Ольге, и А.М. Абазой, тоже старым знакомым, которого она видела весной на «Баяне». Ольга писала: «Он 2-го экипажа, и я очень рада, что узнала его сейчас, несмотря на весьма худую память на лица. Право, мне кажется, что для моряков у меня другие глаза, и я их лица запоминаю лучше других. Вообще я помешалась на флоте»¹⁰⁰.

В октябре Ольга опять сообщает, что они обедали на «Минине». «Я нахожу, что Асланбегов уморительный всей

⁹⁷ Шугалей И.Ф. Из истории Тихоокеанского флота России. М., 2014. С. 198.

⁹⁸ 11 (24) июля — равноапостольная Ольга, во Святом Крещении Елена, великая княгиня Русская († 969).

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 207. № 22. Пирей. 12 (24) 1879 г.

¹⁰⁰ Там же. № 33. Татой. 28 сентября (10 октября) 1879 г.

своей манерой, и я очень забавлялась, и вообще провела время самым чудным образом, — делилась она впечатлениями. — На днях мы ожидаем адмирала, командира и флаг-офицеров сюда. Мне было грустно уезжать с “Минина”, думая, что он уходит на несколько лет в такую даль, и я внутренне помолилась Богу, чтобы Он хранил его!»¹⁰¹ Ольга надеялась, что отец (что было в его власти), пришлет в Пирей парусно-винтовой клипер «Разбойник», так как он был также ее экипажа, но этого не случилось¹⁰².

В конце 1879 г. Ольга, ожидая прихода, вероятно, крейсера «Азия», заказала большой образ Николая чудотворца у Пешехонова¹⁰³, который хотела подарить команде. На листке она написала: «Крейсеру “Азия” во благословение на дальнейшее плавание от Шефа 2-го флотского экипажа. Ольга»¹⁰⁴. Встреча состоялась, и с января 1880 г. королева неоднократно давала обеды в честь офицеров «Азии» и они приглашали ее на корабль. «Принимали нас так радушно, мило, любезно. Матросики молоденькие, чуть не дети, глядят так бодро, весело; некоторые даже улыбались, голубчики. Офицеры симпатичны. Натыкали они повсюду наши фотографии. Осмотрев судно (с моей стороны весьма поверхностно, я не смогла лазить повсюду по трапам), мы уселись у командира, пили чай, и я пичкалась русскими вареньями. Командир мне очень нравится; он веселый и, кажется, добрый. Я стараюсь их удержать, чтобы дать им бал; надеюсь, что Асланбегов не испортит мои планы; он уж почти 3 месяца ждет “Азию” с [...] музыкой»¹⁰⁵, — писала Ольга брату.

«Князь Пожарский» в апреле 1880 г. ушел из Пирея в Китай. «Слов нет, — сокрушалась королева, — как их жаль. Они все, вероятно, уж давно радовались идти домой к сво-

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 207. № 34. Татой. 5 (17) октября 1879 г.

¹⁰² Там же. № 37. Татой. 28 октября (7 ноября) 1879 г.

¹⁰³ Пешехонов Василий Макарович — выдающийся иконописец своего времени, основатель пешехоновского стиля, имел звание иконописца двора его императорского величества.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 207. № 42. Афины. 30 ноября (12 декабря) 1879 г.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 208. № 1. Афины. 5 (17) января 1880; там же. № 2. Афины. 10 (22) января 1880 г.

им, но что же делать! Не дай Бог только, чтобы была война¹⁰⁶, это было бы слишком ужасно»¹⁰⁷. Греческий король ездил на фрегат проститься, и как писала королева брату: «Вилли был ужасно мил, пил за здоровье всех в кают-компани, простился с каждым офицером, дал кресты священнику и одному лейтенанту, моему другу, потом простился с командой и облобызался с командиром, которого он любит. Он славный, Басаргин! Да хранит их Бог!»¹⁰⁸.

В марте 1881 г. случилось несчастье: российский император, проводник широких реформ в России, изменивших во многом ее облик, «царь-Освободитель», отменивший крепостное право в России и победивший в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., был убит. В Пирее на рейде все русские суда, в том числе «Герцог Эдинбургский», встали со скрещенными реями. Королева, находясь в это время в Пирее, наблюдала такую картину: издали показалось военное судно — это был «Аскольд», который шел, ничего не зная. Вдруг к нему подъехали шлюпки, и он начал медленно скрещивать рей. «Никогда я не забуду этой минуты, как я плакала, глядя на них! — писала отцу королева. — Говорят, что сцена была ужасная, когда ставши на якорь, командир объявил команде, что случилось. Все матросы плакали!»¹⁰⁹ Начиналась новая эпоха царствования Александра III.

¹⁰⁶ Укрепление Китая и Японии и борьба великих держав за влияние на Дальнем Востоке угрожали конфликтом между европейскими державами на почве столкновения их экономических интересов.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 208. № 14. Афины. 11 (23) апреля 1880 г.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. № 10. Афины. 5 (17) марта 1881 г.

Глава 2.

Укрепление Российского военно-морского флота при Александре III и попытка воссоздания базы на о. Поросю

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. сильно ослабила финансовое положение Российской империи, а судостроительная программа поддерживалась осуществлялась почти исключительно за казенный счет. Оборудование на судовой верфях оставляло желать лучшего. К 1880-м годам Черноморский и Балтийский флоты были все еще слабыми и не могли решить задач не только обороны, но и крейсерской войны, идеи которой диктовались новыми военно-политическими условиями. В это время в военно-морских кругах шли горячие споры о дальнейшей судьбе русской морской силы. Некоторые представители военно-морского сообщества были уверены, что русский флот проявил недостаточную активность в войне с Турцией, связывая это с ошибочным направлением¹ военно-морского строительства в предыдущие десятилетия, т.е. с именем генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. Их поддерживали цесаревич Александр Александрович и великий князь Алексей Александрович.

Сразу после восшествия на престол Александра III правительство поставило задачу укрепления военно-морских сил. Новый император произвел значительные перемены в правительстве и в руководстве флотом. Первым делом он освободил ото всех занимаемых постов, в том числе руководителя флота, своего дядю, великого князя Константина Николаевича, которого он не любил за его либеральные взгляды и, который, в силу разнообразных государственных

¹ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 425. Л. 2 об.

должностей, стал уделять флоту все меньше внимания². Опальный генерал-адмирал, прослуживший 40 лет верой и правдой Отчизне, покинул Петербург и поселился в Крыму в поместье Ореанда, куда нередко приезжала навестить отца греческая королева. Место главного начальника флота и морского ведомства занял родной брат Александра III, генерал-адмирал, великий князь Алексей Александрович, кузен Ольги, личность, по оценкам современников, весьма посредственная и совершенно не соответствующая столь важной миссии. Однако он полностью разделял мнение врагов Константина Николаевича по поводу его реформ на флоте, и это нравилось царю. Тем не менее, за время его управления морским ведомством и флотом было осуществлено много преобразований как в строевом отношении, так и в административном: введен морской ценз для офицеров флотских корпусов (что возмущало многих на флоте и Ольгу Константиновну), даны многие льготы механикам и судостроителям. Были построены многочисленные броненосцы и крейсера, улучшены или построены новые порты: Севастопольский, Александра III, Порт-Артур. При нем было увеличено плавание судов в заграничных водах. И хотя флот во многом преобразился, руководство генерал-адмирала Алексея Александровича флотом в 1881–1905 гг. было признано в целом неудачным³. Благо, кроме него в руководстве флотом было много грамотных и преданных флоту офицеров, управлявших морскими делами и имевших достаточную свободу действий, и судостроителей.

Александр III особенно ратовал за создание мощных военно-морских сил на Черном море. Будучи наследником, он принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и лично убедился в том, что Россия может много потерять, если оставит без внимания южное направление морского

² Константин Николаевич, отдавший многие годы делу возрождения российского флота, тяжело переживал отставку. Умер в январе 1892 г. от инсульта.

³ 2 июня 1905 г. Николай II уволил Алексея Александровича, согласно его прошению, от управления флотом и морским ведомством с оставлением в звании генерал-адмирала.

строительства. Многие современники положительно оценивали подобное изменение морской политики. «Основным стимулом восстановления русского морского присутствия на Черном море являлся риск прохода через черноморские проливы флота, враждебного России, и повторения ситуации Крымской войны. Одновременно с этим Адмиралтейству потребовалось усиление Балтийского флота ввиду появления нового потенциального противника на этом театре военных действий — Германии»⁴.

Осенью 1881 г. Особое совещание под председательством генерал-адмирала Алексея Александровича сформулировало новые направления морской политики страны на двадцатилетний период. Первоочередной задачей признавалось возрождение Черноморского флота, который в случае войны должен был высадить десантный корпус на берегах Босфора. Главная сила Черноморского флота должна состоять из броненосцев, пригодных для действий не только в пределах Черного и Средиземного морей, но и позволяющих, в случае необходимости, послать их в океан. Указывалось, что Россия более чем кто-либо заинтересована в решении Восточного вопроса, который ходом исторических событий приближался к развязке, мыслившейся в виде раздела Турции. Балтийский флот, подчеркивалось на заседании, следовало довести «до первенствующего значения с флотами других держав» с задачей не уступать, а возможно и превосходить военно-морские силы Германии. Балтийский флот сохранял значение резерва для Дальнего Востока, где в мирное время решили ограничиться обороной побережья при сложившейся практике содержания там эскадры или отряда крейсеров. Ядро флотов на Балтике и Черном море по плану составляли мореходные броненосцы — броненосные корабли, дополнявшиеся броненосцами прибрежной обороны, крейсерами, канонерскими лодками и миноносцами.

⁴ Болтрукевич В.А. Развитие Императорского Российского флота во второй половине XIX в. в восприятии военно-морских кругов». Автореферат диссертации на соискание звания к.и.н. М., 2014. С. 23–24.

В докладе комиссии Александру III особо подчеркивалось, что «Россия не может играть на море той же роли, как в последнюю русско-турецкую войну. Она должна быть готова встретить неприятеля за пределами своих вод»⁵. Беспокоило также военное возрождение Китая и Японии, что представляло реальную угрозу в будущем⁶. Вынужденная задача создания нового современного флота одновременно на Черноморском и Балтийском флотах, а с середины 1890-х годов и на Дальнем Востоке, была чрезвычайно трудной. Но уже в 1881 г. были заложены на отечественных судовверфях два полуброненосных фрегата — «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах» (с 1892 г. — крейсера I ранга).

Утверждение новой программы и ее финансирование легли на плечи вице-адмирала И.А. Шестакова, рекомендованного великим князем Алексеем Александровичем на должность управляющего Морским министерством. Шестаков проделал большую работу, чтобы занять этот пост, обойдя своего однокашника и друга и, возможно, более достойного кандидата — адмирала Г.И. Бутакова. Но для Алексея Александровича главным аргументом было то, что Г.И. Бутаков был соратником неугодного для него дяди, великого князя Константина Николаевича, который вскоре был отстранен от дел. Г.И. Бутаков внезапно умер в 62 года в 1882 г. вслед за младшим братом, вице-адмиралом И.И. Бутаковым. Оба брата работали на износ ради родного флота и славы России⁷.

В апреле 1882 г. И.А. Шестаков доложил Александру III проект двадцатилетнего плана строительства флота, составленный в ходе работы особого совещания. 11 апреля император одобрил проект⁸, и через месяц план был утвержден с морским бюджетом в 36 млн. руб. Постройка новых броненосных

⁵ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море / С предисловием М. Павловича. М.—Л., 1926. Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войн.

⁶ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море / С предисловием М. Павловича. М.—Л., 1926.

⁷ См.: Врубель В.А. Адмиралы Бутаковы — флотская слава России. М. 2014.

⁸ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 689. Л. 18; РГАВМФ. Ф. 26 (воспоминания И.А. Шестакова частично опубликованы. — О.С.). Оп. 1. Д. 1. Л. 37–37 об.: см. также: Истории отечественного судостроения. В пяти томах. Т. 2. Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в.

носных кораблей была строго запланирована по отдельным верфям: 21 единицу предстояло построить в России и три — за границей. В распоряжение морского министерства был немедленно выделен кредит в 3 млн руб.⁹

Однако уже весной 1885 г. планы были скорректированы в связи с быстрым усилением флота Германии (Германия ассигновала строительство сразу 150 миноносцев). Морское министерство во главе с вице-адмиралом Иваном Алексеевичем Шестаковым¹⁰ и начальником Главного морского штаба вице-адмиралом Николаем Матвеевичем Чихачёвым¹¹ поставило задачу создания в короткий срок более дешевого минного флота и обратились к императору с запиской о пересмотре двадцатилетней программы¹², которая была принята. *Морской бюджет увеличивался до 40 млн руб. на период с 1886 по 1895 г.* Вскоре были построены броненосцы «Император Александр II» и «Император Николай I», броненосные крейсера «Адмирал Нахимов», «Адмирал Корнилов» и «Память Азова», два крейсера — «Витязь» и «Рында» и многие другие.

Судостроительная деятельность осуществлялась в Санкт-Петербурге (на Балтийском заводе, в Новом Адмиралтействе, Галерном островке), Николаеве и Севастополе (в Адмиралтействах) и, кроме того, на нескольких частных заводах. Казенная постройка машин производилась на Балтийском, Кронштадтском пароходном и Ижорском заводах, Адмиралтейском, а также в Севастополе и в мастерских Владивостока. Артиллерия изготавливалась на Обуховском заводе в Санкт-Петербурге. Броня прокатывалась на том же заводе, а также на Адмиралтейских и ижорских заводах. Таким образом, была снижена зависимость от иностранных заказов¹³. Развивалось и кустарное производство шлюпок.

⁹ Грибовский В.Ю., Черников И.И. Броненосец «Адмирал Ушаков». СПб, 1996.

¹⁰ С 1888 г. — адмирал.

¹¹ Николай Матвеевич Чихачёв (1830–1917) — адмирал, генерал-адъютант, государственный деятель, начальник главного морского штаба и управляющий морским министерством.

¹² РГАВМФ. Ф. 417. Оп. I. Д. 67. Л. 14–15 об.

¹³ Скальковский К.А. Внешняя политика России и положения иностранных держав. СПб, 1897. С. 104.

Так, известна шлюпочная мастерская братьев Кирьякоса Иордановича и Панайота Иордановича Иордани в Севастополе. Они имели патент 1-го разряда на производство и ремонт шлюпок. Дело это требовало значительных затрат и разнообразных материалов, включая корабельный лес. Дела шли прекрасно, и производство расширялось. Мастерская успешно работала как в царской России, так и в советской, и просуществовала до Второй мировой войны. Здесь выполнялись заказы по постройке и ремонту шлюпок для парусно-моторных судов, приписанных к Черноморскому флоту.

Грандиозные планы возрождения Российского императорского флота, в том числе Черноморского, осуществляемые при императоре Александре III, требовали также качественных и удобных морских стоянок. Российские архивы, прежде всего Архив внешней политики Российской империи и Российский государственный архив Военно-Морского Флота хранят интересные материалы о попытках восстановления российской военно-морской базы на о. Поросе (близ Афин в Русской бухте), предпринятых при Александре III для нужд Средиземноморской эскадры. Однако документы, подтверждавшие принадлежность земель России в Русской бухте, купленной еще в 1827 г., были утеряны. Среди них, например, документы, касающиеся истории греческого острова Порос, на котором некогда находилось что-то вроде базы Российского военно-морского флота. История существования базы на Поросе была давно забыта, но в печати попадались редкие сообщения о том, что кто-то, посетив Порос, с удивлением обнаруживал в одной из красивейших бухт табличку: «Русская бухта», а кто-то сообщал, что некогда Россия купила всю эту бухту для своей морской эскадры. Первый, попавшийся нам на глаза в РГАВМФ, документ — как раз о Поросе. Это копия письма на имя министра иностранных дел России Н.К. Гирса (1882–1895) российского посла в Османской империи А.И. Нелидова¹⁴ от

¹⁴ Нелидов А.И. (1835–1910) — русский дипломат, автор знаменитой записки «О Босфорской экспедиции» 1882 г.

24 июня 1893 г., где он пишет, что во время его пребывания в Санкт-Петербурге в конце 1891 г. он «имел счастье, через благосклонное посредство Вашего Высокопревосходительства (т.е. Гирса. — *О. С.*), представить Государю Императору (Александр III. — *О. С.*) записку о необходимости восстановления Русской эскадры в Средиземном море. В числе соображений, изложенных мною по этому предмету, находилось, между прочим, указание на необходимость иметь для нужд эскадры складочное место, где могли бы храниться некоторые запасы, производиться известные работы, высаживаться на берег нуждающиеся в отдыхе или лечении люди и т.п. Я упоминал при этом о принадлежавших нам в Греции Петалийских островах и магазинах в Поросе, которые, однако, как я предполагал тогда, были нами уступлены Греческому правительству»¹⁵.

Что касается Петалийских островов, то А.И. Нелидов не ошибался, так как они, по просьбе греческой королевы Ольги, были безвозмездно переданы ее супругу Георгу I, который любил на них охотиться, еще весной 1871 г. Королева писала в конце декабря 1870 г. своему отцу: «У меня опять просьба к тебе, милый Папа. Вилли просил меня написать Тебе, что здесь есть маленький остров [...] «Петальья», куда он каждый год ездит на охоту. Этот остров принадлежал прежде русскому консулу, старику Папаригопуло (отец адъютанта великого князя Михаила Николаевича, сына императора Николая I. — *О. С.*), и он продал его России. Остров этот очень маленький и каменистый, и России пользы от него никакой быть не может, так как он приносит в год очень мало денег. Так Вилли просит тебя, не можешь ли ты поговорить об этом ..., что нельзя ли дать этот островок Вилли, а если нет, то не может ли он его купить. Вилли бы хотел устроить там охоту»¹⁶. Конечно, речь постепенно пошла обо всех Петалийских островах, и королева пи-

¹⁵ РГАВМФ ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 11. Там же имеется рукописный вариант письма А.И. Нелидова. Буюкдере. 24 июня 1893 г. Л. 7–10 об.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Афины. 24 декабря 1870 г. — 5 января 1871 г.

сала: «Вилли очень, очень благодарит за то, что ты говорил с Горчаковым¹⁷ об этих островах. Он говорил уже об этом с Сабуровым¹⁸»¹⁹. Греческое королевское семейство частенько навещалось на Петалийские острова, которые, почему-то не нравились Ольге Константиновне. Она так описывает брату, великому князю Константину Константиновичу, путешествие на эти острова: «Два, или три часа тому назад мы пришли сюда на старушке “Амфитриде”²⁰; приехали в Пирей вчера вечером, а снялись с якоря рано утром; Вилли с детьми сейчас же съехали на берег, а я осталась читать и писать; Ты знаешь, что я никогда особой нежности не питала к этим пустынным островам и не нахожу в них той прелести, которые в них находит Вилли и которые так пленяют его; для меня они пусты и незанимательны[...] Вид гор, и в это время года, зеленых холмов, да синих и прозрачных вод гавани — очень хорош — но для меня все это как-то мертво! Отчего? Сама не знаю; есть здесь и жители кое-какие, но все это что-то не то! Спрашиваю себя, если б здесь были разбросаны русские деревни, казалось ли оно мне и тогда мертво, и непривлекательно?»²¹ В завещании король Георг I указал эти острова как свою частную собственность — для России они были все равно потеряны навсегда.

Иначе обстояло дело с земельным участком на о. Порос, который также находился недалеко от Афин. Во второй записке А.И. Нелидова Александру III уже после того, как стало ясно, что вопрос о воссоздании Черноморского флота был решен положительно, опять упоминается Порос, так как для эскадры «надобность в собственном складочном месте становится еще настоятельнее». «Между тем, — сообщал Нелидов, — из полученных мною совершенно случайно сведений оказывается, что приобретенное императорским

¹⁷ Горчаков А.М. (1798–1883) — министр иностранных дел России в 1856–1882 гг.

¹⁸ Сабуров П.А. (1835–1918) — посланник в Греции в 1870–1879 гг.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Афины. 29 мая (10 июня) 1871 г.

²⁰ «Амфитрида» — греческая королевская яхта.

²¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 215. № 19. Петали. 8 (20) апреля 1887 г.

правительством в 1827 г. складочное место на острове Калаврия (Порос) еще доселе принадлежит нам, несмотря на неоднократно принимаемое, но затем отменяемое решение его продать или уступить»²².

Поскольку императора заинтересовало сообщение опытного дипломата Нелидова, к тому же равнодушного к державной мощи Российского государства, вопрос о морской стоянке русского флота и оставшихся построек на Поросе был немедленно передан для выяснения и уточнения в различные российские ведомства: МИД, различные департаменты морского ведомства (Главное управление кораблестроения и снабжения и др.), посланы депеши послам в Афины, Константинополь (Стамбул) с указанием изучить и доложить наверх переписку по данному вопросу.

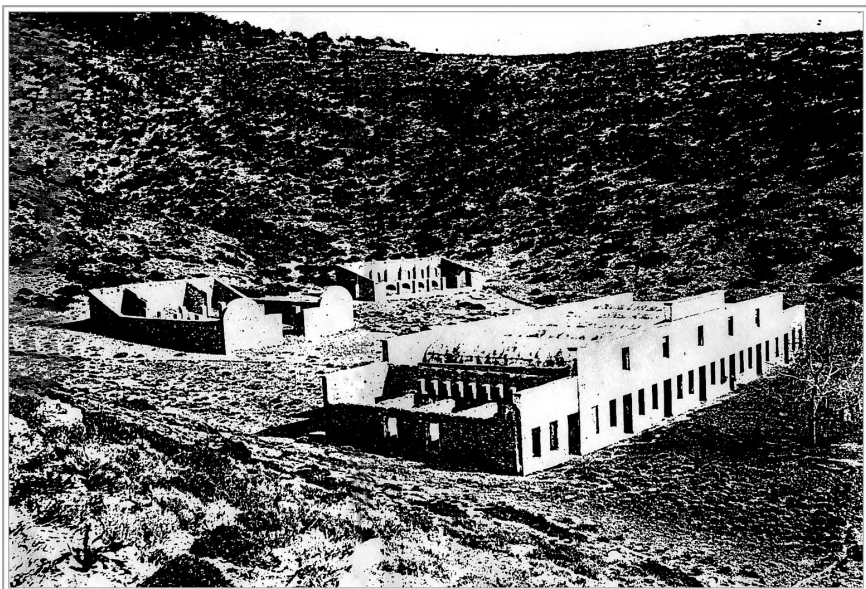
Постепенно стали выясняться интересные подробности. В связи с чрезвычайной активностью русского флота, а точнее Средиземноморской эскадры, в водах Архипелага в годы русско-турецкой войны 1827–1828 гг., когда Россия, наряду с Великобританией и Францией, приняла участие в освобождении греков от османского владычества и создании греческого государства, русским кораблям потребовалась удобная стоянка в греческих водах. Как указывают документы еще в 1827 г. при первом президенте Греческой республики, провозглашенной в ходе национально-освободительной войны греков за независимость, графе Иоанне Каподистрии²³ (бывший министр иностранных дел России и проч.), императорское правительство купило землю, находившуюся на острове Порос (старое название — Калаврия) в очень удобной для больших кораблей бухте. На этом участке земли в течение 1828–1829 гг. были сооружены различные постройки «для употребления плавающего в то время в Средиземном море флота»²⁴. После осуществления всех строительных

²² РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 11.

²³ Каподистрия Иоанн (1776–1831), русский и греческий государственный деятель. Убит в 1831 г.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 3–3 об.

работ была составлена подробная «Опись планам о строениях, возведенных в порте Порос, для потребностей российской эскадры в 1828 и 1829 годах». На описи стояло число: «Мая 1-го дня 1830 года». По этой описи мы можем судить о находившихся на Поросе постройках и их размерах. Итак: «1-е) План. Магазины для складки провианта у города Поро, построенной г. Томбази. 2-е) План. Магазины со складами на 5 отделений и пристани для складки провизии и материалов во Владимирской бухте (так, видимо, моряки между собой называли бухту, которая потом получила название Русская. — О. С.), выстроенным. 3-е) План адмиралтейства с кузницею и сараями для слесарей и плотников, во Владимирской бухте выстроенным. 4-е) План пекарни и пяти печей для печения хлеба и сушения сухарей, выстроенной во Владимирской бухте. 5-е) План русской бани и водопроводом на полуострове Мореи, выстроенном. 6-е) План водопровода и пристани для налития на суда эскадры пресной воды, вы-

Постройки в «Русской бухте» на Поросе

строенном на морейском берегу. 7-е) Чертеж местоположения в так называемой Владимирской бухте: магазин с двумя флигелями, пристани, адмиралтейства, пекарни и колодца. 8-е) Чертеж местоположения на Морейском берегу бани, с принадлежащими к оной колодцами, водопроводами, водохранилищем и пристанью, для налития пресной воды»²⁵.

Как видим, постройки делались основательно, с расчетом на их использование в течение длительного времени, но история не учла этот факт, и с годами корабли все реже стали посещать бухту, здания разрушались. Неоднократно, как видно из других документов, хранящихся в РГАВМФ, принималось, а затем отменялось решение о продаже или просто уступке этой земли Греции. Так, в 1854 г. состоялось «высочайшее (т.е. императора Николая I. — *О.С.*) повеление о продаже находившегося во владении нашего правительства участка земли на о. Порос вместе с бывшими на нем постройками», но в связи с начавшейся Крымской войной продажа была приостановлена, а проживавший на этом участке смотритель магазинов продолжил получать содержание от Морского министерства по день своей смерти в 1865 г.²⁶

Одновременно Морское министерство, по просьбе генерал-адмирала Константина Николаевича, приняло в декабре 1857 г. решение отменить также «безденежную уступку» греческому правительству принадлежащих Черноморскому ведомству магазинов, находящихся на острове Парос. Как было сказано в документе, генерал-адмирал «изволил признать необходимым повременить с уступкой наших магазинов в Паросе, ибо при ежегодном отправлении судов» они могли быть полезными²⁷. В конечном счете, земли на Паросе и магазины были уступлены грекам.

Уже после смерти сторожа, охранявшего российские постройки в бухте на Поросе, в российское посольство в Афинах стали поступать сведения о разграблении и даже занятии

²⁵ РГАВМФ. Ф. 205. Д. 568. Л. 3. Есть приписка: «К рапорту № 410».

²⁶ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 18.

²⁷ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 370. Л. 17.

этих зданий местными жителями. В тот период речь опять зашла о продаже русской земли на острове Порос. Но затем при Александре II посетивший в сентябре 1868 г. Порос, по приказу брата императора, генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, начальник отряда судов, находящихся в греческих водах (в других документах — начальник эскадры в греческих водах. — *О.С.*), контр-адмирал И.И. Бутаков²⁸, уговорил правительство оставить участок в пользовании эскадры и даже привести его в порядок. 23 марта 1868 г. Бутаков просил разрешения наградить офицеров греческого поросского Адмиралтейства за помощь в ремонте крейсера «Память Меркурия»²⁹. Контр-адмирал, посетивший остров на корвете «Аскольд», в своем донесении Константину Николаевичу сообщал также, что «русский магазин расположен в трех верстах от города Пороса и уединенно стоит у самого берега огромного прекрасного залива, образующего в этом месте небольшую впадину». «Магазин настолько велик и так разделен внутри, — писал Бутаков, — что может помещать в себе разнородные запасы для значительной эскадры и даже служить временным помещением для лазарета или судового экипажа»³⁰. Его мысли «о желательности для могущих встретиться надобностей нашего флота оставить уступленный участок в нашем непосредственном владении и произвести ремонт находившихся на нем зданий»³¹ пришлось по душе великому князю, и земли не были проданы. Тогда же, по указанию Бутакова, старший штурманский офицер корвета «Аскольд» штабс-капитан Елизаров с гардемаринами и кондукторами составили «План русских строений на острове Порос с прилегающей к ним местностью»³². 15 июля 1869 г., по поручению российской дипломатической миссии в Афинах, греческий инженер

²⁸ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 18 об.

²⁹ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 98. Л. 84–84 об. Из рапорта начальника Отряда судов в греческих водах контр-адмирала И.И. Бутакова.

³⁰ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 6001. Л. 14 об.

³¹ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 370. Л. 18 об.—19; там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 6001. Л. 14 об.

³² Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2923. Л. 10 а.

К. Константинопулос также составил план участка с находящимися там российскими постройками. В 1870 г. была даже разработана смета для ремонта склада, кузницы и хлебопекарни, о чем в РГАВМФ также имеется документ, составленный на французском языке³³.

Однако все-таки существовали сомнения в правах России на владение этим участком поросской земли. Поэтому российское правительство дало указание МИД попытаться выяснить данный вопрос на месте, в Греции. С этой целью российский посланник Е.П. Новиков (1865–1870) командировал на Порос верного человека, надворного советника Власопуло, бывшего секретаря российского консульства в Северной Греции. Его попытка найти там какие-либо документы на владение землей не увенчались успехом. Власопуло привез из своей поездки лишь план местности и выяснил многие новые обстоятельства дела, хотя в основном они представляли собой массу слухов и воспоминаний старожилов острова Порос. План местности, привезенный командированным чиновником, был отправлен в канцелярию Морского министерства 4 ноября 1869 г. за № 3686. Местные власти объяснили чиновнику, «что уступка России данного участка состоялась в 1829 г. (как видим, это ошибка. — *О.С.*) по словестному соглашению между адмиралом графом Гейденем и президентом графом Каподистрией и, что, за истечением сорокалетней давности, греческое правительство не оспаривает прав России на участок». Действительно, греческое правительство никогда в течение всего XIX века не высказывало сомнений в правах России³⁴. После благоприятного ответа, полученного из российского афинского посольства о принадлежности России указанного участка земли и возведенных на нем построек, в 1872 г. Морское министерство выделило 15 тыс. франков на ремонт принадлежавших России магазинов. Однако «работы по исправлению

³³ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 6001. Л. 18.

³⁴ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 19–20.

последних не были начаты вследствие неблагоприятных для того обстоятельств», прежде всего, вызванных слишком частной сменой кабинетов министров в греческом королевстве. В результате, как следует из документов, высланные в российскую миссию в Афинах деньги вскоре были возвращены морскому ведомству³⁵.

Затем, в 1877 г., очередной кабинет министров Греции во главе с А. Кумундуросом, представлявший националистическую партию, обратился к России с просьбой продать русский участок с постройками греческому правительству. Не желая портить отношений с Грецией накануне надвигавшейся русско-турецкой войны, последовало высочайшее повеление императора Александра II о передаче указанной земли на о. Порос в распоряжение греческого правительства — «вместе с постройками безвозмездно»³⁶. Решение это, однако, не сообщили греческому правительству, вероятно, в связи с началом войны и нежеланием Греции в нее вступать, что вызвало возмущение Александра III³⁷. Об этом мы узнаем из «Записки» директора Азиатского департамента МИД России графа Д.А. Капниста³⁸, переданной в Морское министерство 17 февраля 1894 г. Она заканчивалась таким выводом: «Из имеющихся в делах сведений следует заключить, что эллинское правительство не воспользовалось означенным высочайшим повелением, и уступленный нам участок до последнего времени продолжал фактически считаться принадлежащим нашему правительству. Афинский кабинет нашел даже возможным, в виду просьбы о том нашего посланника весной минувшего года, поручить поросским властям охранять целостность наших строений, подвергавшихся разрушению со стороны местных жителей, вследствие отсутствия всякого надзора»³⁹. На полях доку-

³⁵ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 20.

³⁶ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 20 об.

³⁷ Греция вступила в войну за несколько дней до ее окончания.

³⁸ Капнист Д.А. (1837–1904) — известный русский дипломат греческого происхождения.

³⁹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 20 об.—21. 17 февраля 1894 г. На полях документа: «Записка передана директору Морского министерства директором Азиатского департамента графом Капнистом».

мента имеется запись с указанием Главному управлению кораблестроения и снабжения также поискать «переписку по данному предмету»⁴⁰.

В приводимой уже выше в начале нашего повествования «Записке» А.И. Нелидова министру иностранных дел А.К. Гирсу от 24 июня 1893 г. сообщались некоторые дополнительные сведения. «Насколько мне известно, — писал Нелидов, — последнее решение об отчуждении поросских магазинов состоялось в 1877 году ввиду высочайшего Государя Императора соизволения на безвозмездную передачу их греческому правительству. Решение это, переданное бывшему тогда посланником в Афинах д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Сабурову отношением Азиатского департамента от 31 декабря 1877 г. за № 3226, не было, однако, сообщено греческому правительству, вероятно в виду происходившей тогда войны, смутного времени и неизвестности о будущности Греческого королевства и Востока вообще. Доказательством тому служит то обстоятельство, что 8 августа 1892 г. греческий министр иностранных дел обратился к нашей миссии в Афинах официально нотою под № 8762 с просьбою принять меры для ограждения принадлежащей нам в Поросе собственности, которая постоянно разрушается и расхищается соседними жителями»⁴¹. Видимо, греческий министр ссылался на донесение димарха (местного головы — *О.С.*) Тризини и Коризиса о том, что творится с русскими постройками. Такой же документ димарх отправил в русскую дипломатическую миссию в Афинах. Вот этот замечательный документ, переведенный на русский язык с новогреческого. Прочитируем его полностью: «Порос 25 Июня 1892 г. Согласно поданного мною от 2-го марта т.г. прошения за №373 я представил епархии, что в 1827 г. при Каподистрии русское правительство купило землю, находящуюся на острове Калаврия (Порос), на которой построены

⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 18.

⁴¹ Там же. Л. 11 об.

амбары для употребления плавающего в то время в Средиземном море флота; сим же моим прошением уведомляю епархию, что сии строения разрушаются каким-то пастухом, называемым Д. Каикас, который уносит черепицы и строевой лес и занимает окружающие амбары землю, утверждая, что он купил ее. А так как стоимость амбаров и земли велика, то покорнейше прошу епархию уведомить Российскую императорскую миссию в Афинах о разрушении амбаров и занятии земель, а также ходатайствовать перед русским правительством ради охранения оных, чтобы оно благоволило уступить нашей общине амбары и земли с сохранением собственных своих прав. Димарх Тризинии г-н Коризис. С подлинным верно. Состоящий при императорской миссии в Греции С. Цехановецкий»⁴².

Затем, 13 августа 1892 г., поверенный в делах в Афинах 1-й секретарь российской миссии Ю.П. Бахметев⁴³ в донесении товарищу министра иностранных дел России Н.П. Шишкину⁴⁴, который прекрасно знал греческие дела, будучи в свое время посланником в Афинах, писал, что, получив данную ноту и копию письма димарха, он решил отправиться к министру иностранных дел Греции Г. Драгумису, «чтобы узнать лично от него несколько подробнее состояние наших земель и построек по острову Порос». «Драгумис как опытный законник, — писал далее Бахметев, — объяснил мне, что всякое частное имущество в Греции должно быть охраняемо собственником, и что пустыри или необитаемые и неохраняемые строения могут подлежать занятию или даже разграблению всяким желающим заявить на них притязания; в случае неявки настоящего собственника или доверенного от него лица в течение одного года и одного дня имение и имущество принадлежит занявшему

⁴² РГАВМФ. ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 3–3 об. Копия перевода с греческого «О разрушении русских построек и состоянии земли, окружающей их».

⁴³ Бахметев Ю.П. (1848–1928) — дипломат, статский советник, гофмейстер, 1-й секретарь российского посольства в Афинах в 1885 по 1897 г.

⁴⁴ Шишкин Н.П. (1830–1902) — дипломат, в 1880–1884 гг. — посланник в Греции, в 1891–1897 гг. — товарищ министра иностранных дел России.

последнее. Г. Драгумис, как и я, находит предложение Трезенского головы непрактичным и советует либо избрать на острове Порос какое-либо благонадежное лицо и доверить ему охрану земель и построек, либо, что, по его мнению, еще вернее, отдать их внаем за какую-нибудь номинальную сумму. В таком случае они всего лучше будут застрахованы против неправильных притязаний местных жителей»⁴⁵.

Долгое время в середине XIX в. русский участок земли на о. Порос пустовал, но по инициативе контр-адмирала Ф.К. Авелана начались заходы кораблей на Порос, и вскоре здесь уже проходили учения.

Какова бы ни была исследовательская работа, ведущаяся в России по уточнению принадлежности территории в Русской бухте, сама бухта продолжала служить прекрасным укрытием для русских военно-морских судов, где они, наряду с греческими, проводили морские учения, стрельбы и т.д. Письма греческой королевы Ольги к брату великому князю Константину Константиновичу являются лучшим доказательством того, что бухта была вполне обитаема. Так, в феврале 1884 г. королева сообщила о зимовке в Пирее русских судов: «старушки» «Светланы», клипера «Стрелок», фрегата «Герцог Эдинбургский» и др. В письмах королевы, нередко бывавшей на Поросе, чтобы повидаться с любимыми моряками, есть красочное описание пикника, устроенного командирами русских судов в Русской бухте в январе 1884 г.: «Мы отправились по чугунке в одном поезде с гостями в 11 ½, погода была дивная, на Лазаревской пристани ждали нас катера, гички, одним словом, целая флотилия. Наш родной флаг весело развевался от дуновения легкого ветерка, когда все это зашевелилось и рассыпалось по синим волнам пирейского рейда, всеми овладело внезапное оживление и веселье, не покидавшее всю компанию до заката солнца. В русской бане были устроены уборные для дам и для меня, а перед баней был поставлен пол, а над ним тент; с одной

⁴⁵ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 4.

стороны был поставлен длинный стол для гостей, а с другой устроен род павильончика или палатки из флагов, где мы завтракали [...] Закуска — холодный поросенок со сметаной и т.п. Очень было вкусно, а главное весело [...] Откушав, принялись танцевать; сперва кадрили, вальсы, польки, но не долго, чтобы приступить к мазурке и исчерпать вдоволь все ее прелести. Скрыдлов⁴⁶ дирижировал все время, под конец уже совсем изнуренным голосом, но все же отлично. Оживление было огромное, даже Вилли принужден был танцевать и раз даже вертеть свою тяжеловесную супругу. [...] Раз мне пришлось бросить платок в кучу милых морячков, которые разорвали этот невинный предмет в клочки и долго подходили ко мне с этими тряпочками, и я должна была плясать до изнеможения. Весьма лестно, но утомительно. К Павлу⁴⁷ и ко мне были прикомандированы матросики с предписанием надевать шаль нам на плечи, только что мы сядем на места после танцев. У меня был очень преданный матросик [...], он все время улыбался и, надев мне салоп, поправлял воротник, чтоб он лежал плотнее, чтоб мне было тепло, такая прелесть; зовут его Баяркин. В 5 часов надо было кончать, чтобы добраться до берега до заката солнца. Ужасно жалко было уезжать. От пристани до гички, на которой мы пришли, стояли шлюпки, а на них сходни, потому воды было слишком мало, и птичка не могла подойти к пристани, я отправилась туда, но на первой гичке меня остановили, прося сесть в нее; ко мне присоединились Вилли и Пиц (Павел Александрович. — О.С.), а в гичке сидели адмирал, командиры и еще два, три офицера, они выгребли нас из бухты, потом нас взяли на буксир, [...], и мы поехали. Надо было видеть этот вечер, закат солнца и дивное освещение гор, воды и всех окружающих предметов. Все было

⁴⁶ Николай Илларионович Скрыдлов (1844–1918) — российский адмирал, командующий Черноморским флотом, в отставке с (28 августа 1907 г.). С 1883 г. по 1886 г. — командир клипера «Стрелок».

⁴⁷ Павел Александрович (1860–1919), великий князь, шестой сын императора Александра II, генерал-адъютант, с 17 июня 1889 г. супруг греческой принцессы Александры Георгиевны (1870–1891).

залито золотисто-фиолетовым цветом. Было так дивно хорошо внутри и снаружи, душевное настроение и обстановка, что хотелось удержатъ время, остановиться хоть немножко. Под конец отдали буксир, что я не заметила, болтая с адмиралом, а сидела я на руле, так что мы чуть-чуть не налетели со всего размаха на пристань; к счастью, я успела в последнюю минуту еще повернуть, потянула изо всей силы руль на

*Королева Ольга с дочерью, принцессой Александрой,
и великим князем Павлом Александровичем*

сторону. Довольно позорно для шефа 2-го экипажа [...] Радующие и любезность и гостеприимство дорогих моряков безграничны — они слишком милы!»⁴⁸ В феврале того же 1884 г. несколько раз в письмах королевы упоминается о завтраках и танцах в Русской бухте на «Светлане» и «Стрелке».

Весьма показательно для того времени описание поездки королевы, короля и их второго сына Георга в марте 1890 г. на о. Порос, где были проведены параллельно учения греческих и русских команд. Русский полуброненосный фрегат «Владимир Мономах» уже два дня находился на Поросе. Но погода помешала, и поездка была на несколько дней отложена. Ольга даже порадовалась, так как успела попрощаться с умирающим матросом, считая это промыслом Божиим. «Мы шли в Порос на маленьком пароходике, на котором всегда ходит Georgy и исполняет должность командира — он молодцом вывел пароход из загроможденной гавани (Пирея. — *О.С.*) и потом, в продолжении трех с половиной часов мы плыли как по озеру. Был дивный день, серенький, но совсем тихий. Мне было так весело... Мы уютно позавтракали вчетвером и наслаждались. Вилли пришел в Порос на “Амфитриде” в 5 часов. У нас в этот день обедали командиры “Мономаха” и “Черноморца”, а на следующий день мы обедали у Дубасова⁴⁹. Целый день я там ходила, дышала и наслаждалась, смотря, как Georgy учит своих матросов, и вообще в подробности познакомились с его служебной обстановкой — было страшно симпатично... близость наших судов способствовала наслаждению. Вернулась я в Пирей по приглашению командира Смирнова⁵⁰ на “Черноморце”. Ты можешь себе представить мой восторг и как я наслаждалась во время перехода. Когда мы вышли из Пороса, командир

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 212. № 5. Афины. 28 января (9 февраля) 1884 г.

⁴⁹ Федор Васильевич Дубасов (1845–1912), русский военно-морской и государственный деятель, генерал-адъютант (1905), адмирал (1906) из дворянского рода Дубасовых. С 1 января 1889 г. командовал броненосным фрегатом «Владимир Мономах». Сопровождал цесаревича Николая в его путешествии на Дальний Восток.

⁵⁰ Иван Александрович Смирнов (1848–1896), командовал канонерской лодкой «Черноморец» в 1886–1890 гг. в чине капитана 2 ранга. Скончался в чине капитана 1 ранга, будучи командиром 35 флотского экипажа и эскадренного броненосца «Ростислав».

привел в рубку боцмана, георгиевского кавалера, который передал мне от команды две иконы с Афона (они неделю до того были на Афоне и говели там) — одну маленькую серебряную Иверской Божьей Матери (они ее сами приобрели), а другую — большую Божью Матерь «Достойно есть» им дал монастырь для меня. Нет, я слов не нахожу, чтоб описать мою радость, я была так тронута!!! Эти ангелы-матросики, что они подумали привести мне благословение с Афона! Я поблагодарила боцмана, дала ему руку и сейчас отправилась с командиром на бак, благодарить команду; вышло, вероятно, не так, но я сказала, как умела: “Спасибо вам, ребята за благословение, я буду всегда хранить ваш образ и вспоминать о вас!”⁵¹.

Учитывая важность морской стоянки для взрослого российского флота к этому времени, русское правительство просило еще в 1891 г. российского посланника в Афинах М.К. Ону⁵² дать указание капитану 2-го ранга А.А. Ирецкому⁵³, командиру канонерской лодки «Донец», находившейся в плавание в Средиземном море и водах Архипелага, посетить остров Порос и собрать как можно больше сведений о «последней русской собственности в Греции»⁵⁴.

В деле о плавании упомянутой лодки «Донец» в 1892–1893 гг. в греческих водах, хранящемся в РГАВМФ, находится рапорт командира «Донца» генерал-адмиралу от 15 июня 1892 г.⁵⁵: «Получив в прошлом году предписание нашего посольства осмотреть постройки и землю на о-ве Порос, принадлежащую России, и не имея возможности отправиться тогда же в Порос с лодкою, я уже имел счастье доносить вашему императорскому высочеству (генерал-адмиралу вел. кн. Алексею Александровичу. — *О.С.*) о результатах

⁵¹ ГАРФ. Ф. Оп. № 12. Афины 8 (20) марта 1890 г.

⁵² Ону Михаил Константинович (1835–1901), посланник в Афинах с 15 ноября 1889 г. по 20 мая 1901 г.

⁵³ Ирецкой Александр Александрович (1848–?), будущий адмирал. В 1892–1893 гг. командовал канонерской лодкой «Донец».

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 141.

⁵⁵ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 141–143 об.

осмотра, произведенного командированным мною тогда же мичманом Дефабр[ом]. Тогда он был поставлен в затруднение дать более точные сведения по отсутствию в посольстве каких-либо данных относительно границ участка, а потому последние три дня пребывания лодки в Поросе, после подробного осмотра всего, я поручил штурманскому офицеру лейтенанту Акимову снять планы и произвести опись и промер прилегающей бухты. Этой работой, вместе с тем, я желал ознакомить находящегося для кампании на вверенной мне лодке юнкера 30 флотского экипажа Колоколова для всестороннего прохождения им морских наук, которым, по составленному мною расписанию, руководят специальные офицеры. Съёмка бухты и участка земли с находящимися на нем постройками сделана подробная [...] План бухты с промером земли с постройками и фотографический снимок построек, при сем, имею честь представить»⁵⁶.

Между тем на запрос о том же предмете посланника в Афинах М.К. Ону от 8 марта 1892 г. (за № 39) Министерство иностранных дел, после обмена мнениями с Морским министерством, ответило 22 апреля (№ 1477), что последнее считает это дело совершенно законченным еще в 1877 г. Таков был почерк работы главы морского ведомства генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, который, несмотря на большую морскую практику, часто пренебрегал своими обязанностями руководителя флота. Однако его безразличие было поколеблено в вопросе о русских землях на Поросе необычайной настойчивостью МИД, на мнение которого оказывал сильное влияние российский посланник А.И. Нелидов. Осмотрительный М.К. Ону, наоборот, опасался этой суеты вокруг идеи о возрождении русской морской стоянки (почти базы) на о. Порос. В конце концов, Главный морской штаб весьма заинтересовался сообщением о принадлежности России земли и магазинов на о. Порос и 22 сентября 1892 г. отправил срочную бумагу за № 13120

⁵⁶ РГАВМФ. ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 141 об.

в Главное управление кораблестроения и снабжений с сообщением из МИД от 7 сентября 1892 г. с приложениями о землях на о. Порос. Бумагу подписал за начальника Главного морского штаба контр-адмирал Е.И. Алексеев⁵⁷.

В 1893 г. о. Порос вновь посетила канонерская лодка «Донец», офицеры которой осмотрели постройки, как сообщалось в рапорте командира канонерской лодки капитана 2 ранга А.А. Ирецкого генерал-адмиралу от 4 марта 1893 г. Далее были подробно описаны все старинные постройки, что совпадает с их более ранним описанием: «Все постройки возведены из осколков имевшего на месте мрамора и гранита с весьма капитальными 2-х фунтовыми стенами, сооруженными на цементе. Наружные стены — из штучного камня чрезвычайно солидной и чистой кладки. Всех построек — 3, главная из них — корпус магазинов или складов, имеющей 208 саженей 4 футов в длину и 8 саженей 5 футов в ширину. Оно состоит из 5 отделений, разделенных капитальными стенами со следами стеллажей, с полуцилиндрическими сводчатыми крышами из тесаного камня. По бокам имеются постройки для жилых помещений с деревянными разрушенными крышами. Своды покрыты толстым слоем цемента. Эта постройка по капитальности своей почти не пострадала от времени и непогоды. Все рамы, двери, дверные и оконные коробки растасканы пастухами; видимо, пытались вытащить дверные и оконные крючья и болты, которые благодаря прочности врезки остались на месте.

2-я постройка, по-видимому, деловой двор, крытый. По оставшейся кирпичной кладке в одном месте видно, что там было горнило.

3-я постройка — хлебопекарня с 5 большими печами, сложенными из лекального кирпича и при ней — большой, глубокий и хорошо выложенный, но засоренный колодец. Позади делового двора найден фундамент небольшой разрушенной постройки, вероятно, это были отхожие места.

⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1, Д. 936. Л. 5.

С левой стороны делового двора — глубокий и хороший колодец с водой»⁵⁸.

«Несмотря на все старания отыскать границы земли, кроме найденной части фундамента ограды за хлебопекарней, ничего не нашел, — писал А. Ирецкой. — Надо предполагать, что она шла от колодца с водой до хлебопекарни и поворачивала с обеих сторон к магазинам вплоть до берега. Кроме корпуса магазинов остальные постройки все почти разрушены, что нужно отнести к действию горных потоков, не имеющих правильного русла и стремящихся к постройкам, засыпая их осколками щебня с близлежащих покатоствей и размывая их. Если эти постройки не предположены к продаже или совершенному оставлению, то, не тратя большой суммы, необходимо обнести их канавой и тем отвести потоки. Кроме того, заложить двери и окна каменной кладкой, т.к. пастухи загоняют в это здание овец. При осмотре здания оказалось, что крайние отделения с обеих сторон заложены наглухо каменной кладкой. Очевидно, в них что-то сложено и оставлено и здесь видны попытки взлома стены. На парапете здания сохранилось надпись: “Россия. 1829. Магазины”»⁵⁹. «Этим же горным потокам нужно приписать и часть обмеления, как видно из промера залива. Против магазинов видны остатки пристани. Главная постройка — магазины — по своей заботливой и хозяйской постройке может быть легко возобновлена, не затрачивая большой суммы при участии стационара, — продолжал А. Ирецкой. — Если принять во внимание брошюру лейтенанта Истомина, то эти магазины-склады принесли бы несомненную пользу для наших судов. Да и в мирное время для судов, отправляющихся в Тихий океан через Средиземное море, а также и для стационара, эти постройки были бы большой подмогой как шлюпочные сараи или во время окраски судов. Были примеры, что суда, идущие в Тихий океан, должны были

⁵⁸ РГАВМФ. Ф. 417. Оп.1. Д. 891. Л. 141–143.

⁵⁹ Там же. Л. 142 об.

оставлять в Пирее некоторые свои шлюпки. При участии стационара могла бы быть временная маленькая ремонтная мастерская. За неимением по большей части на судах токарных станков каждую мелочь приходится отдавать на завод; или вообще такие магазины никогда не могли бы быть лишними»⁶⁰. К рапорту А. Ирецкого были приложены фотографии построек⁶¹.

По просьбе поверенного в делах в Афинах Бахметева командир представил свои соображения относительно целесообразности восстановления русских построек на о. Порос в письменном виде: «Пользуюсь случаем высказать свое мнение о неудобствах стоянки в Пирейской бухте и преимуществах бухты Порос. Пирейская гавань, хотя и имеет удобный вход, но, из-за ее узкости, как вход, так и стоянки составляют для больших судов известный риск. Во время стоянки в гавани, ошвартовавшись кормами к стенке крейсеров “Адмирал Нахимов” и “Память Азова”, расстояние между форштевнями их не превышало 90 сажен, а потому при частых проходах коммерческих судов приходилось беспокоиться за целостность бушпритов. Для крепления швартовов, хотя и сделаны рымы на стенках, но они настолько непрочны, что во время свежего ветра один из швартовов “Нахимова” вырвал рым с основанием, и крейсер удержался только на остальных трех швартовых. Долгая стоянка, ошвартовавшись в гавани, и вблизи столицы Греции, разрушает строевую судовую жизнь: офицеры, получая частые приглашения, переутомляются, а у команды падает дух бравого матроса и нравственное поведение на берегу у образцовой, по поведению, команды вверенного мне крейсера, за последние гуляния начали появляться случаи сильного пьянства и опоздания на судно, чего не было даже в Тулоне. Совершенно противоположную представляется стоянка в Поросе.

⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 891. Л. 143–143 об.

⁶¹ Там же. Л. 144; Там же. Д. 936. Л. 14.

Из описания острова Порос, составленного старшим судовым врачом крейсера «Адмирал Нахимов» коллежским советником И.И. Медведевым (описание представлено Главному медицинскому инспектору флота), видно, что о. Порос обладает прекрасною пресною водою, тогда как в Пирее вода в колодцах имеет отчасти соленый вкус. Пресная вода в городе проведена по металлическим трубам из источника, лежащего в горе материка (Мореи) на высоте около 700 футов над уровнем моря. Благодаря тому, что рейд закрыт от северо-восточных ветров, в Поросе значительно теплее, чем в Пирее и Афинах. Больные на крейсере с простудными заболеваниями по приходе в Порос чувствовали себя лучше»⁶².

Российский посланник в Константинополе, подводя итог проделанной дипломатами, моряками и архивистами работы, сообщал в МИД России 24 июня 1893 г.: «Имея, однако, в виду, что греческое правительство не было еще поставлено в известность о принятом относительно поросских магазинов в 1877 г. решении и считает их нам принадлежащими, что, вероятно, доселе неизвестно было Морскому министерству, принимая, с другой стороны, в соображение донесение командира лодки “Донец”, в котором он придает большое значение принадлежащей нам земли и тем полуразрушенным постройкам, которые с весьма небольшой поддержкой от правительства весьма возможно привести в исправное состояние. Обращая, вместе с тем, внимание на огромную пользу и облегчение, которые может принести плаванию наших судов в Средиземном море обладание собственными складами вблизи Пирея на вполне нейтральной земле, без особых значительных затрат на их приобретение и устройство, — я беру смелость почтительнейше просить ваше высокопревосходительство благоволить повергнуть все вышеизложенное на высочайшее государя императора воззрение в подтверждение устного моего о сем предмете всеподданнейшего заявления в апреле сего года в Ливадии. Быть может

⁶² РГАВМФ. ф. 417. Оп. 1. Д. 1078. Л. 148–148 об.

его императорскому величеству благоугодно будет приказать снова рассмотреть этот вопрос, и, если мнение капитана Ирецкого и благоприятные отзывы других командиров судов, посещавших Порос, представят действительно пользу для нас обладанием этими магазинами, то представляется, как мне кажется, полная возможность снова ими заняться и сделать из них важное и даже необходимое подспорье для нашей Средиземноморской эскадры. С совершеннейшим почтением и проч.»⁶³. На полях документа имеется приписка: «По этому вопросу Управление Морского Министерства сообщило словесно контр-адмиралу Авелану, при его отъезде, чтобы озаботился наймом сторожа для охраны нашего имущества на Поросе, но письменных предписаний по этому предмету не приказано давать контр-адмиралу Авелану⁶⁴, чтобы не возбуждать толков о желании снова учредить станцию для нашего флота на Поросе»⁶⁵.

Несмотря на невозможность возвести какие-то постройки на острове, русские суда, входящие в Средиземноморскую эскадру, постоянно заходили в Русскую бухту на Поросе для стрельб. Упоминаются в письмах греческой королевы крейсеры «Рында», «Адмирал Нахимов» и др.⁶⁶ В письме королевы от 24 января (5 февраля) 1894 г. брату сообщается, что три судна стоят в Поросе, — эскадренный броненосец «Император Николай I», крейсер I ранга «Память Азова» и черноморская канонерская лодка «Терец»⁶⁷. Есть сведения о посещении королем и королевой греческими о. Порос в феврале 1894 г. В Русской бухте они почти никого не застали: одно судно ушло на ремонт в док на Мальту, другое — также в док на крупнейший из Саронических островов в Греции, недалеко от Афин, Саламин. «В субботу и в воскресенье,

⁶³ Копия письма А.И. Нелидова. Буюкдере, 24 июня 1893 г.

⁶⁴ Авелан Ф.К. (1839–1916), русский морской и государственный деятель. С сентября 1893 г. командовал эскадрой Средиземного моря, держа флаг на эскадренном броненосце «Император Николай I».

⁶⁵ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 11–12.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 3. Афины. 13 (25) января 1894 г.

⁶⁷ Там же. № 5. Афины. 24 января (5 февраля) 1894 г.

после ранней обедни, мы на весь день уходим в море, — писала Ольга брату. — В первый день мы ходили в Порос и навестили “Николай I”. Половина офицеров разъехалась — кто в Афины, кто на пикник, но адмирала мы застали, и оставшиеся офицеры были очень милы, хотя они замечательные замухрышки и нелюдимы»⁶⁸. Самыми активными в Греции были офицеры с «Адмирала Нахимова» и «Рынды», остальные были «более домоседы». Ольга побеседовала с новым старшим офицером капитаном 2 ранга В.Ф. Рудневым (будущим знаменитым командир крейсера «Варяг» в бою у Чемульпо), который ей очень понравился. Она объясняла брату причину этого: «Потому что мне кажется, что он хорошо относится к команде; особенно мне понравилось то, что он по вступлению в новую должность объявил всей команде, что он снимает все существующие наказания и что он сам хочет их узнать и убедиться, какого они поведения; он уволил их после этого на берег, и все они вернулись в полной исправности, ни один не был пьян, так что он их благодарил; я убеждена, что у него команда (самая распущенная ранее во всей эскадре) живо исправится. Я не преминула высказать ему к слову мое убеждение, что матросы на всех судах одинаковые, и что поведение их зависит исключительно от того, как к ним относятся их начальство! На иных судах ведь почти никогда не приходится прибегать к наказаниям — люди из кожи лезут, чтоб все было исправно, пот[ому что] они сознают, что их любят, заботятся о них и выказывают доверие к их усердию»⁶⁹.

Через месяц контр-адмирал Ф.К. Авелан, находившийся целый месяц с эскадрой в Поросе, пришел на один день в Пирей на канонерской лодке «Терез» («Therese» как ее называл греческий король) и был на обеде в королевском дворце⁷⁰. Еще встречаются упоминания русских кораблей в письме королевы к брату в мае 1894 г.: «Броненосец “Ни-

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 6. Афины. 1 (13) февраля. 1894 г.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. № 7. Афины. 8 (20) февраля 1894 г.

колай I” ушел на Мальту в док, завтра “Азов” идет в Порос разбирать свою машину, а “Терец” готовится к предстоящему смотру в Черном море. Вилли, кажется, намерен приглашать в Татой, куда им всем хочется попасть»⁷¹.

Мы имеем замечательный документ, который описывает состояние русских построек уже после посещения Пороса эскадрой. Это «Выписка из строевого рапорта командующего эскадрой в Средиземном море контр-адмирала Авелана от 17-го января 1894 г. за № 69». Адмирал сообщал, что «осмотрел принадлежащие нашему правительству здания, расположенные в одной из небольших бухт поросского рейда и построенные в 1829 г., что показывает и надпись, сохранившаяся на главном здании. Постройки эти находятся в очень небольшой, но весьма живописной долине, окруженной с трех сторон горами, высотой до 800 футов, четвертая сторона обращена к рейду; долина эта совершенно изолирована и не соединена никакими дорогами с окружающею местностью; других построек поблизости также не имеется. Сами здания сохранили только одни каменные стены, выложенные весьма солидно из кирпичей и кварцевого камня; местами заметно, однако, начинающиеся разрушения стен; печи все разрушены; все двери, оконные ставни и петли к ним также, как дерево с полов и крыш, раскрадены. Постройки эти состоят из трех зданий, из которых главное — магазинное — расположено у самого берега, фасадом на рейд и состоит из 5 равных сводчатой постройки отделений на два света; с обоих концов этого здания находятся жилые одноэтажные пристройки, состоящие каждая из 4 комнат с коридором, отделяющим их от магазинов. Длина всего здания с пристройками 30 сажен, ширина — 10 сажен. Перед этим зданием находится полуразрушенная каменная пристань, выведенная от берега на 10 сажен. Позади магазинного здания, расположены еще два здания, из которых одно было хлебопекарней, что видно по пяти полуразрушенным

⁷¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. № 28. Афины. 16 (28) мая 1894 г.

печам, поставленным в ряд; другое же здание, вероятно, было сараем, так как в нем, кроме голых наружных стен и нескольких казенных стоек внутри, ничего не сохранилось. Около каждого из этих двух зданий находится по одному выложенному камнем довольно глубокому колодцу, из которых один совершенно засыпан, а в другом имеется еще немало довольно чистой воды»⁷².

«Приведение этих зданий в тот вид, чтобы ими можно было пользоваться, не представляет особых затруднений, но, во всяком случае, вызовет значительные расходы, — писал Авелан. — Со слов нашего посланника в Афинах т[айного] с[оветника] М.К. Ону греческое правительство в настоящее время, вероятно, взглянет весьма неохотно на возобновление этих построек для надобностей русских военных судов, так как оно имело уже запросы, хотя еще неофициальные, от иностранных представителей о том, правда ли, что русское правительство намерено обратиться Порос в складочное место для своей эскадры Средиземного моря. Такой слух распространен греческими газетами, в которых кроме Пороса были указаны еще и другие места греческого Архипелага, которыми мы, будто, собираемся воспользоваться для военных целей». «Многие годы, прошедшие с того времени, как мы покинули эти здания, — продолжал далее контр-адмирал, — сказываются вообще как лично на них, так и на всей окружающей местности: груды камней, щебня и мелкого хлама затрудняют доступ к этим зданиям, ровно, как и движение по всей местности, на которой они построены, почему я приступил в свободное время судовыми командами к расчистке этой местности и исправлению, по возможности, пристани, засыпанием щебня и камней в образовавшиеся в ней провалы и выбоины»⁷³.

Внезапная смерть Александра III нарушила планы российского правительства в отношении воссоздания воен-

⁷² РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 936. Л. 15–15 об.

⁷³ Там же. Л. 15 об.

но-морской стоянки (базы) на о. Порос. Молодой император Николай II, как мы знаем, не вникал столь подробно в дела морского ведомства, полностью доверяя своему дяде — великому князю Алексею Александровичу, который не обладал энергией к решительным действиям. Вопрос о воссоздании необходимых построек для стоянки на Поросе так и повис в воздухе. Однако военно-морские суда и эскадры часто заходили туда, особенно в зимнее время. Есть документы, подтверждающие добрые отношения между русскими и греческими моряками, одновременно находившимися там на стрельбах. Так, в декабре 1896 г. офицеры с канонерской лодки «Черноморец» обменялись визитами с греческим заведующим школой квартирмейстеров, рулевых и сигнальщиков⁷⁴. Находились зимой на Поросе почти вся Средиземноморская эскадра и крейсер II ранга «Вестник»⁷⁵.

В январе 1901 г. королева Ольга опять побывала на Поросе, куда ее доставила канонерская лодка «Храбрый», где стоял также крейсер 1-го ранга «Громобой» — «этот великан и красота нашего флота!» Вечером «Храбрый», доставив королеву в Пирей, пошел на о. Сирос (Киклады) на соединение с эскадрой⁷⁶.

После русско-японской войны 1904–1905 гг. и особенно после отставки генерал-адмирала Алексея Александровича стала вновь проводиться активная работа по укреплению российского флота, расширению его возможностей. И вновь была направлена на о. Порос канонерская лодка «Хивинец», которая служила стационаром в греческих водах, с той же целью — дать объективную картину состояния русских магазинов и пристани. Позже там побывала и лодка «Кубанец»⁷⁷. В 1910 г. Порос также использовался для зимовки кораблей, которые чинились и занимались стрельбами, о чем есть сведения в переписке королевы, в частности, канонерская лод-

⁷⁴ РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 1. Д. 288.

⁷⁵ РГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 225. № 6. Афины. 17 (29) января 1897 г.

⁷⁶ Там же. Д. 231. № 5. Афины. 30 января (12 февраля) 1901 г.

⁷⁷ Там же. Д. 235. № 8. Афины. 20 февраля (5 марта) 1906 г.

ка «Кореец». «Теперь лодки ушли в Порос стрелять из орудий, — писала королева — Из Штаба пришло приказание стрелять минами, а на лодках нет ни одной мины [...] вот идиоты! Хорошо служебное отношение — они сами не знают, что они построили!»⁷⁸. 24 января в греческие воды «пришла гардемаринская эскадра (из-за здешних беспорядков...)»⁷⁹ и будет пока стоять в Поросе; а что будет потом, неизвестно»⁸⁰. В письме речь идет об Особом отряде судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами, который в течение ряда лет на зимние месяцы уходил в Средиземное море с замерзающей Балтики, что обеспечить практику выпускников Морского корпуса. В описываемый королевой момент корабли под командованием контр-адмирала Н.С. Маньковского стояла в Фалиро, и королева принимала контр-адмирала и командиров во дворце, а на следующий день вместе с сыном Христофором посетила отряд и оставалась там целый день. Она писала: «Завтра буду на эскадре; освежусь среди родных людей»⁸¹. И о посещении: «Сперва завтракали у адмирала Маньковского, на крейсере “Диана”, потом навестили остальные крейсера: “Богатырь”, “Аврора”, “Олег” [...] Теперь отряд ушел в Порос для учений, но так, чтоб при первой надобности явиться опять в Фалир»⁸².

Приведем еще один архивный документ о стоянке русских в Поросе: «Выдержка из рапорта капитана канонерской лодки “Хивинец” за январь 1910 г. №5». «28 февраля в 12 час[ов] дня весь Отряд (в него входили крейсера «Диана», «Аврора», «Богатырь» и «Олег». — *О.С.*) снялся с якоря и следовал в Порос. По пути была произведена стрельба из учебных стволов по неподвижному щиту на переменных

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 238. № 4. Афины. 19 (31) января 1909 г.

⁷⁹ Имеется в виду непростое положение королевской семьи в 1909–1910 гг. в связи с восстанием Военной лиги, т.е. молодых греческих офицеров, которые были недовольны управлением флотом и войсками греческими принцами Георгом и Николаем. В целом восстание не носило антимонархического характера, но Россия и другие державы-покровительницы Греции были обеспокоены ситуацией и держали свои эскадры в греческих водах.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 239. № 4. Татой. 26 января (8 февраля) 1910 г.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. № 5. Татой. 1 (14) февраля 1910 г.

курсах, а после этого несколько эволюций. В 6 час[ов] вечера после захода солнца вошел в бухту Порос, где и стал на якорь. На рейде стоят старый греческий фрегат “Эллас” и парусный фрегат “Арис” (школа юнг)⁸³. 29 января утром, осведомившись заранее, салютовали “Эллас” или “Арис», отсалютовал нации, на что тотчас же получил ответ от «Эллас», который вслед за этим отсалютовал моему фрегату, на что я ему ответил равным числом выстрелов. В 9 часов утра ко мне явился и[сполняющий] д[олжность] командира порта капитан 2-го ранга, заведующий школой юнг, и предложил свои услуги Отряду.

С 28 января по 18 февраля Отряд стоял в бухте Родон у острова Порос.

Это, строго говоря, не бухта в полном смысле этого слова, а пролив между материком и островом Порос; но так как оба входа в этот пролив довольно узки (особенно восточный), а западный вход еще, кроме того, загнут к северу, то и получилась прекрасная бухта, совершенно закрытая от всех ветров; ширина бухты от 3 до 8 кабельтовых, длина же больше 2-х миль»⁸⁴.

«Город Порос, говорилось в рапорте, — расположен на острове того же имени, а предместья частью на острове, частью на материке. Город небольшой, напоминающий скорее большую деревню. Имеется старый, турецкий еще арсенал, обращенный теперь в казармы для матросов. Сюда присылаются новобранцы, призванные для службы во флоте, и здесь они проходят свое строевое образование; они живут в казармах, но, кроме строевых учений, обучаются гребле на шлюпках. Здесь же находится школа юнг, помещающаяся на старом бриге “Арис”; этот бриг участвовал еще в Наваринском бою.

На южной стороне острова в одном из заливчиков, образуемых проливом, находятся развалины казарм и магазина, построенных еще, как говорят, адмиралом Сенявиным.

⁸³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3908. Л. 331 об–333.

⁸⁴ Там же. Л. 332.

От казарм остались только часть стен, дающие все-таки полное представление о бывшем внутреннем расположении; от хлебопекарен прекрасно сохранились лицевые стороны 5 больших печей, а дымовые трубы совершенно целы. Магазины были настолько капитально построены, что и сейчас представляют здание, которое при некотором ремонте может исполнить свое назначение. Магазины эти представляют большое здание длиной около 30 сажен и шириною 8 сажен, разделенное поперечными стенами на пять отдельных камер, потолки камер выведены сводами из штучного камня. Как стены, так и потолки совершенно целы. Не хватает только дверей и крыши. Здание обращено своей лицевой стороной к проливу, и на его фронте уцелела даже надпись: «РУС... МАГАЗИН. 1829 года». Эта надпись наводит на мысль, что эти магазины или были построены уже не адмиралом Сенявиным (т.к. его деятельность в Средиземном море относится к 1805–1808 гг.), или же, если и построены им, то впоследствии в 1829 г. реставрированы»⁸⁵. (Приложены фотографические снимки, сделанные старшим судовым врачом крейсера «Диана» надворным советником А.П. Садовым.)

«Поросская бухта, — продолжал описание командир корабля, — представляет собой прекрасную базу для флота, оперирующего в Архипелаге; действительно: громадная бухта, в которой свободно может поместиться большая эскадра, совершенно закрытая от всех ветров; имеет два выхода, из которых один не требует никаких улучшений, а другой в настоящее время годный только для мелких судов, легко м[ожет] б[ыть] приспособлен для прохода больших судов, для чего требуются только незначительные землечерпательные работы; расстояние между этими входами по северную сторону острова Порос около 8 миль; благодаря конфигурации местности, бухта м[ожет] б[ыть] прекрасно укреплена и сделана совершенно неприступной для неприятеля.

⁸⁵ РГАВМФ. ф. 417. Оп. 1. Д. 3908. Л. 331 об–332 об.

Время, проведенное Отрядом в этой бухте, было использовано очень продуктивно, чему также много способствовала прекрасная теплая погода. Кроме ежедневных учений по расписанию за это время были проведены: 1) Две стрельбы из стволов; 2) Две стрельбы практическими зарядами и снарядами; 3) Спуск спасательных ракет с устройством веерного сообщения между судами отряда попарно; 4) Ночная примерная атака Отряда паровыми катерами; 5) Устроены две парусных гонки для учеников строевых унтер-офицеров; 6) Суда выходили в море для уничтожения девиации и для определения некоторых элементов для пополнения своих тактических формуляров. Результаты этих стрельб получились очень хорошие»⁸⁶.

Кропотливая работа по поиску и собиранию материалов о Поросе продолжалась и в начале XX в., видимо вплоть Первой мировой войны. Дальнейшая судьба этого вопроса нам не известна. И поднимался ли он вообще?

Но прошли десятилетия и эта замечательная бухта, закрытая от всех ветров, стала необъявленным международным курортом, куда приходят со всего мира частные яхты, украшающие собой пустынный берег Русской бухты, так и не освоенной Россией. Хотя она сослужила хорошую службу как зимняя стоянка кораблей Российского императорского флота.

⁸⁶ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1, Д. 3908, л. 333.

Глава 3.

Греческая королева Ольга о русских моряках в Греции в 80-х гг. XIX столетия. Кризис 1885–1886 гг. и блокада Греции

Греческой королеве в 1882 г. исполнился 31 год. Ольга была молода, жизнерадостна, у нее росло пятеро прелестных детей, была любима мужем-королем. Она тяготилась придворным этикетом и обязанностями королевы, не любила бесконечные приемы скучных богатых дам и сплетни, предпочитая заботиться о больных в госпитале и заниматься украшением и перестройкой православных храмов. Она была очень верующим человеком и поэтому достаточно легко перенесла смерть восьмимесячной дочки Ольги¹, настоящего ангела, который, как она полагала, был отобран у нее для лучшей жизни. Это был первый звоночек тех трагических событий, которые ей придется пережить во второй половине жизни, — смерть взрослой дочери Александры, убийство мужа, гибель всех ее горячо любимых родственников в России после двух русских революций: расстрел ее братьев, племянников, друзей...

Больше всего королева Ольга любила русский флот и моряков, которые олицетворяли для нее Россию и ее любимого отца — генерал-адмирала. Приходящие в Грецию корабли несли дух Родины, и она наслаждалась балами и приемами, на которых присутствовали русские моряки. Молодые офицеры тоже еще не знали о своей будущей трагической судьбе — гибели флота и многих лучших морских офицеров в русско-японской войне 1904–1905 гг., о страшных годах русской революции и Гражданской войны, после которых от этих блестящих представителей русского общества не останется и следа. Погибнут практически все морские династии

¹ Греческая принцесса Ольга (1880).

Российского императорского флота. А пока они молоды и веселятся. Такова природа русского человека — жить сегодняшним днем, поскольку будущее в России непредсказуемо, более, чем где-либо. Не удивительно, что приведенные ниже письма молодой королевы к отцу великому князю Константину Николаевичу, и брату — великому князю Константину Константиновичу, полны веселья, любви и восторгов. Не будем осуждать ее за это — мы с вами теперь знаем больше, чем она.

С постройкой Россией большого числа судов для Балтийского и Черного морей, а также Тихого океана, развернувшейся при Александре III, с каждым годом все больше кораблей и моряков посещали Грецию. Порт Пирей с разрешения династии Глюксбургов был предоставлен нашей Средиземноморской эскадре или отдельным отрядам судов в греческих водах в качестве места базирования. Вспомогательной базой был остров Порос, расположенный недалеко

Промывка орудий на клипере «Крейсер»

от Афин и имевший удобные бухты, о чем уже говорилось в предыдущей главе. В период с 1881 по 1895 годы русские военные корабли совершили около 150 походов в Средиземное море, включая транзитные плавания на Дальний Восток через Суэцкий канал, и часто подолгу стояли в Пирее. В греческих водах они занимались гидрографической съемкой, строевыми и морскими учениями, чинились в доках Саламина.

Состав Отдельного отряда кораблей в греческих водах был непостоянным и включал в себя корабли как Балтийского, так и Черноморского флотов. В 1882 г. русский отряд несколько месяцев провел в греческих водах, а в мае ушел в Россию. На уходящем из Греции крейсере «Забияка» находился младший, любимый брат королевы Ольги, великий князь Константин Константинович, который долго гостил у нее в Афинах и в Татое.

Ольга писала: «Родная, собственная моя селедушка! Вот я опять сижу одна в моей большой комнате, а селедка моя (так она называла брата. — О. С.) плывет по синим волнам Средиземного моря и уже далеко, далеко!! Мне кажется, как будто в этот раз было еще грустнее прощаться с Тобой, чем в последний; отчего? Не знаю! Дай Бог нам поскорее увидеться! Мысли мои неотступно следуют за вами и молитвы тоже! Как больно было видеть, как постепенно удалялась «Забияка». Пока Вилли вас отвозил, мы,

*Великий князь
Константин Константинович*

бедные женщины, сидели на скамейке и смотрели вам вслед и проливали слезы. Когда ты уходил, милая Софья Ал.² сказала: «Он должен быть счастлив; неправда ли, мы вымолим счастье для него!!! И многое тут было сказано, чего я не умею повторить. Вы оба — ты и Шестаковчик³ (А.П. Шестаков. — О.С.) — живете в будущем, так сказать, мечтаете о том, что будет, о всем том, что готовит вам жизнь; и, дай вам Господи, обоим найти полное счастье, такое, какое только можно иметь на нашей бедной земле»⁴. Оба они сделали блестящую карьеру: Шестаков стал вице-адмиралом, великий князь Константин Константинович, оставив флот, стал генералом от инфантерии, президентом Российской императорской академии наук (1889–1915), а также вошел в историю литературы как поэт-романтик К.Р.

Ольга не скрывала, что часто бывала в Пирее, так как «близость русского судна ласкает и греет душу»,⁵

А.П. Шестаков

² По всей видимости, это София Александровна Бутакова (1823–1904), жена контр-адмирала Владимира Ивановича Бутакова, который бывал на Средиземном море. Он служил на Черном море и, возможно, бывал на Средиземном море: в 1875–1879 гг. командовал пароходом «Турок», в 1880 г. — пароходом «Аргонавт»; в 1874 г. получил Командорский крест ордена Спасителя. Вышел в отставку с производством в контр-адмиралы (22.07.1885) Был женат на вдове погибшего при обороне Севастополя товарища старше его на семь лет. Сведения требуют уточнения.

³ Скорее всего это Шестаков Александр Павлович (1848–1903), герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., георгиевский кавалер, контр-адмирал (14.05.1902). С ноября 1878 г. до кончины великого князя Константина Николаевича являлся его адъютантом (служба, однако, на различных кораблях), а с 19 января по 12 июня 1882 г. и с 6 января по 6 мая 1883 г. состоял при великом князе Константине Константиновиче. В указанный в письме королевы период он имел чин капитан-лейтенанта.

⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 210. № 12. Афины. 4 (16) мая 1882 г.

⁵ Там же. № 14. Афины. 15 (27) мая 1882 г.

и что «при виде русского флага» в ней «делается какая-то буря, хорошо и больно, и как-то свято!»⁶ Нередко и адмиралы, и контр-адмиралы, командующие Средиземноморской эскадрой и ее отдельными отрядами в греческих водах, посещали дворец и отвечали на многочисленные вопросы Ольги Константиновны, которая горячо интересовалась подробностями из жизни российского флота. Так, контр-адмирал П.А. Чебышев, командующий Отдельным отрядом судов в греческих водах в 1882–1884 гг., нередко бывал во дворце и очень нравился королеве своими интересными морскими рассказами. Ольга попыталась хлопотать за понравившегося ей флаг-офицера П.П., и просила оставить его на некоторое время в заграничном плаваньи, поскольку «для него это сущее благодеяние, но на сколько он годится на подобное место — покажет время! [...] Но его надо немножко повоспитывать: прическа а la ёж, а за обедом сидит с локтями на столе и, воткнув ножик в сыр, откусывает по кусочку. Это не принято, а то могло бы быть даже очень мило»⁷. Однако вскоре «несчастливого» Акимова (после его радости быть выбранному флаг-офицером) «потребовали в Питер», а на его место был прислан лейтенант В.Я. Сиверс. «Это делается вследствие нового правила (морского ценза. — *О. С.*), что все офицеры будут два года плавать и два года пастись дома»⁸.

Во время первого дальнего плавания (1881–1882) броненосец «Петр Великий» (на нем находились 507 человек), которым командовал капитан I-го ранга В.Г. Басаргин, также заходил в Грецию. Вахтенными начальниками значились, в том числе, значились упоминаемые королевой Ольгой лейтенанты Л.Г. фон Фелькерзам, Р.М. де Рибас, Н.С. Попандуло. 27 февраля 1882 г. по приказу управляющего Морским министерством броненосец покинул Англию и направился в Средиземное море. Загрузившись углем в Алжире, корабль 7 апреля продолжил плавание в Пирей для соединения с от-

⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 210. Афины. 30 ноября (12 декабря) 1882 г.

⁷ Там же. № 14. Афины. 15 (27) мая 1882 г.

⁸ Там же. № 16. Татой. 29 мая (10 июня) 1882 г.

рядом контр-адмирала О.К. Кремера. Прибыв в Пирей 11 апреля 1882 г., где планировалась самая длительная стоянка, «Петр Великий» стал флагманом. 1 мая в командование отрядом вступил контр-адмирал П.А. Чебышев, назначенный на эту должность еще 5 апреля. Сразу же по прибытии он поднял свой флаг на «Петре Великом». В Пирее в это время находились клипер «Забияка», крейсер «Азия» и шхуна «Туапсе». 6 мая, в день рождения цесаревича Николая Александровича, будущего императора России, корабли отряда украсились флагами расцветивания. Участвовали в празднике и находившиеся в Пирее французские корабли: фрегат «Флора», авизо «Жирондо», «Буве» и греческие: фрегат «Эллас», броненосец «Георг» и канонерская лодка «Псара».

Через неделю контр-адмирал П.А. Чебышев произвел строевой смотр обеим ротам корабля (в первую роту входила верхняя команда, во вторую — нижняя: машинисты и кочегары), найдя их «в полной примерной исправности как в строевой, так и в хозяйственных частях». В строевом рапорте командира «Петра Великого» капитана I-го ранга В.Г. Басаргина есть запись, что 20 мая броненосец посетили король и королева эллинов со своей многочисленной свитой. В кают-компании по традиции состоялся обед, а вечером, после отъезда на берег королевской четы, был устроен фейерверк. На следующий день ответный визит совершили свободные от вахты офицеры. 22 мая из мастерских порта на броненосец доставили два торпедных аппарата, оставленных незадолго до этого фрегатом «Генерал-адмирал». В этот же день из Пирейской бухты броненосец перешел в Фалерскую бухту, проводя занятия по навигации. 27 мая корабль ушел на Корфу и в июне находился в плавании по Средиземному морю.

А вот как описывала посещение броненосца сама королева брату Константину: «В семь часов мы отправились в Пирей на “Петр Великий”. Там были Шишкины (семья посланника в Афинах. — О. С.), Бахметевы⁹, “ковчег благо-

⁹ Бахметев Юрий Петрович (1847–1928), из древнего дворянского рода, гофмейстер, известный дипломат, 1-й секретарь миссии в Афинах в 1882–1885 гг.

честия”, миленькая жена Акимова с сестрой и наши дамы. Обедали на палубе, которая была замечательно хорошо убрана массой зелени и флагами. Пили за здоровье Алексея (великого князя Алексея Александровича. — О. С.) и кричали “Ура!”. Ты и Шестаковчик страшно, страшно не доставали. Мне, конечно, было весело, но при танцах оживление было небольшое; я сама танцевала только две кадрили [...]. Зато я много болтала с разными офицерами. С Путятиным¹⁰ мы поменялись карточками; вчера я опять получила чудный букет с лентами, который разрисовал махонький князек (Путятин. — О. С.). Один конец представляет русское шитье и написано (как вышиваются пословицы на полотенцах) “Добро пожаловать”, на другой ленте — флаги, якоря и буйки. Очень мило. За обедом подавали, к моему немалому восторгу, исключительно матросики, которые сами этим видимо наслаждались [...] Вообрази себе, что вчера, и Шишкин¹¹, и Бахметев долго говорили о твоих сочинениях и очень их хвалили. Они оба знали, что К.Р. — это Ты [...] Сегодня у нас большой обед: весь двор, все учителя, адмирал (наш) с командирами и Трикупис¹². Это последний обед, послезавтра мы переезжаем в Татой¹³.

В июне «Петр Великий» ушел дальше. Когда осенью в конце октября королевская семья вернулась в Афины, их яхту «Амфитрида» сразу посетило множество русских моряков: контр-адмирал П.А. Чебышев с флаг-офицером лейтенантом В.Я. Сиверсом, командиры крейсера «Азия» (2-го экипажа королевы эллинов), корвета «Скобелев» и шхуны «Пицунда» капитан-лейтенанты Ф.И. Амосов, В.В. Благодарев и В.А. Безуар. Большой прием во дворце был устроен для моряков со «Скобелева», который должен был вскоре покинуть Пирей.

¹⁰ По всей видимости, это мичман, князь Николай Сергеевич Путятин (1862–1927), контр-адмирал (1913). В 1882 г. он служил на «Петре Великом». В эмиграции некоторое время жил в Афинах, но в 1925 г. уехал во Францию, умер в Париже.

¹¹ Шишкин Николай Павлович (1830–1902), посланник в Афинах в 1880–1882 гг.

¹² Трикупис Харилаос (1832–1896), выдающийся государственный деятель, многократно был премьер-министром Греции (1882–1885, 1886–1890, 1892, 1893–1895).

¹³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 210. № 15. Афины. 21 мая (2 июня) 1882 г.

В 1882 г. не стало сразу двух замечательных русских флотоводцев, двух братьев, адмиралов Бутаковых — Григория Ивановича и Ивана Ивановича. Ольга очень любила семью И.И. Бутакова, который десять лет возглавлял Отдельный отряд судов в греческих водах, и дружила с его женой, но была удивлена, узнав позднее, что она усыновила двух сыновей своего покойного мужа от гречанки. («Она мне пишет об этом [...] неужели наш милый Ив. Ив. нашалил в своей юности?»¹⁴)

Греческая королева продолжала писать брату и отцу о русских кораблях и их командах, которые она постоянно посещала, а также часто встречалась с моряками на молебнах в русской церкви. В ноябре 1882 г. она писала: «В воскресенье я ездила к обеду в русскую церковь; много было офицеров и матросов, служба и пение дивные; Шишкин очень об этом старается, что делает ему честь. К молебну приехали — мой муж в новой Невской, как на крестинах, форме»¹⁵. С восторгом 30-летняя королева описывает посещение крейсера «Азия», где она со свитой присутствовала на обеде у командующего, а часть приглашенных — в кают-компаниях; затем был дан бал. Поскольку «Азия» очень узкая, то команде пришлось убрать пушку, накрыть палубу досками, а поверх них положить кокосовую циновку, и «пол получился лучше паркета». «Мы танцевали до упаду и веселились как [...] боги Олимпа [...] Танцевали мазурку, как могли [...] Я танцевала, конечно, с самым молоденьким мичманом последнего выпуска, который скорбел душевно, что ему не удалось носить аксельбанты и миленькую гардемаринскую форму». «Мне всегда особенно весело с молоденькими людьми, с ними так приятно разговаривать, в них еще столько жизненной свежести, столько доверия; они вам в пять минут расскажут больше, чем другие в полчаса»¹⁶.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 219. № 15. Афины. 29 марта (10 апреля) 1891 г.

¹⁵ Там же. Д. 210. № 28. Афины. 18 (30) ноября 1882 г.

¹⁶ Там же. № 29. Афины. 25 ноября (7 декабря) 1882 г.

В конце 1882 г. в Пирее стояли, кроме «Азии» также парусно-винтовой клипер «Джигит» и шхуна «Пицунда». Ольге очень понравился командир «Джигита» капитан-лейтенант К.П. Миллер¹⁷ («ужасно симпатичный»). «Для меня, — писала она, — всегда праздник, когда я вижу наших моряков, они такие милые!»¹⁸

В марте 1883 г., после деловой поездки в Европу отец Ольги, великий князь Константин Николаевич, отправленный в отставку, наконец-то решил посетить в Афинах греческое семейство, в котором было уже шестеро детей. Он не только радовался внукам, но и наслаждался посещением древностей, в которых прекрасно разбирался. В Афинах он познакомился со знаменитым археологом Генрихом Шлиманом¹⁹, открывшим и раскопавшим гомеровскую Трои, которого князь нашел очень интересным человеком. Ольга вспоминала, как они в книгохранилище (так называла она библиотеку дворца) втроем — отец, брат Константин и она — сидели за одним большим столом и «усердно писали» и разговаривали «под шумок кипящего самовара»²⁰. Здесь Константин, решивший резко изменить свою жизнь, признался, что хотел бы навсегда расстаться с флотом, и Ольга поддерживала брата, несмотря на возмущение и ужас отца. Здесь, на древней земле Декелии, красоты которой не могли не повлиять на романтическую душу Константина, он осознал себя поэтом.

В октябре 1883 г. состоялась новая встреча королевы с ее 2-м флотским экипажем, на этот раз с командой корвета «Баян». командир капитан-лейтенант Э.И. фон Гриневальд

¹⁷ Карл Петрович Миллер (1840–1886). Капитан 2-го ранга, командир крейсера 2-го ранга «Джигит». Отец — Петр Карлович Миллер (ум. 17.04.1878 г.), вице-адмирал в отставке. К.П. Миллер служил на различных российских военных кораблях, в том числе: клипер «Яхонт» (старший офицер, 1869–1871), пароход-фрегат «Рюрик» (1872–1873), «Петр Великий» (1877–1880), императорская яхта «Ливадия» (1880–1881), клипер «Джигит» (командир, 1882 — 1887). Он был и вправду хорошим офицером — принимал все дела службы близко к сердцу, но не выдержал нервного напряжения и утопился.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Афины. 24 ноября (6 декабря) 1882 г.

¹⁹ Шлиман Генрих (1822–1890), немецкий предприниматель и любитель-археолог.

²⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 211.

(уже знакомый королеве, так как он был старшим офицером на «Князе Пожарском») явился к Ольге с рапортом, что было для нее «приятнейшим сюрпризом». В конце 1883 г. в Пирее, кроме «Баяна», стояли также шхуна «Псезуапе», пришедшая вместо «Пицунды» с новым командиром, фрегат «Светлана» (ее 2-го экипажа) и клипер «Стрелок» (гвардейского экипажа). На «Псезуапе» гвардейский экипаж во время посещения его королевой вручил ей букет с оранжевыми и черными лентами, на которых был вышит ее вензель, а боцман при встрече держал «хлеб да соль» на деревянном блюде²¹. Вновь на кораблях устраивались балы для королевской семьи, хотя иногда это было весьма утомительно для команд.

Ольга нередко вмешивалась в жизнь русской эскадры. Подтверждают это и ее собственные письма к брату. Так ей ужасно не нравился контр-адмирал А.Б. Асланбеков²², который по ее словам, «невозможным образом вел себя здесь», т.е. в Греции. Королева просила брата: «Ты бы при случае сказал бы словечко Алексею (главному начальнику флота и морского ведомства и кузену Ольги и Константина. — О. С.), что сюда, дескать, следует присылать адмиралов, которые умеют себя вести, а то, право, совестно!»²³ Понятно, что Асланбеков более не бывал в Греции.

В начале 1884 г. В Пирее находилась русская эскадра во главе с флагманским кораблем фрегатом «Герцог Эдинбургский». Ольга не раз посещала русский фрегат, где присутствовала на обеде и завтракала у командира корабля капитана 1 ранга Ф.А. Гирса²⁴. Моряки также устраивали балы и пикники в Русской бухте на Поросе, куда эскадра заходила на учебные стрельбы.

Вскоре эскадра вышла из Пирея и направилась в Смирну, однако погода была такая скверная, что у «Герцога

²¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 211. № 24. Афины. 22 декабря (3 января) 1883 г.

²² Асланбеков Авраамий Богданович (1822–1900), вице-адмирал, «из дворян черкесской нации, греческого исповедания», в вице-адмиралы произведен в 22.09.1887.

²³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 211. № 17. Афины. 27 октября (8 ноября) 1883 г.

²⁴ Там же. Ф. 722. Д. 810. Афины. 7 (19) февраля 1884 г.

Эдинбургского» сорвало обшивку, и он должен был вернуться в Пирей, зайдя для починки судна сначала в док в Саламин. Офицеры уверяли, что в этом была виновата «армада» контр-адмирала Чебышева. Королева не слишком грустила по этому поводу, поскольку все возвращались в Пирей, что сулило ей новые встречи и развлечения: завтрак на «Стрелке» и танцы в Русской бухте, а затем завтрак на «Светлане» и вновь танцы в Русской бухте. «Так что на этой неделе, — радостно писала она, — всяких увеселений будет достаточно»²⁵. Вскоре «Баян» ушел в Александрию, а позже — «Стрелок» ушел в Красное море²⁶.

В конце октября 1884 г. в Афины приехал брат королевы, великий князь Дмитрий Константинович (Митя), а с ним — капитан-лейтенант Н.А. Зеленой и граф П.П. Шувалов (Пальчик), который очень понравился королеве при встрече на пароходе «Эриклик». Несмотря на холодную погоду (всего 7 градусов тепла), как рассказывала королева, «король, Митя, Зеленой, Шувалов, Хрисула и Панадзидис совершили многочасовую прогулку». Ольга все это время разговаривала с графом Шуваловым, которого она охарактеризовала как «замечательно симпатично-

Н.А. Зеленой

²⁵ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. № 6. Афины. 4 (16) февраля 1884; там же. № 8. Афины. 11 (23) февраля 1884 г.

²⁶ Подробно о плавании отряда судов в Средиземном море под командою контр-адмирала Казнакова, 7 мая — 24 декабря 1884 г. См.: РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6244. Л. 1–143.

го», «у него замечательно ясные глаза и приятное выражение; он страшно дорожит семейной жизнью и в нем вообще много симпатичных качеств». Зеленой «был добр, [...] но бессловесный и почти бесцветный»²⁷.

Ольга писала брату Константину: «Кокетство в сторону — мы с тобой любим находить хороших людей, с душами, выдающимися из ряда вон, но я знаю, что мне часто кто-нибудь понравится сразу, и я тогда немедленно знакомлюсь, и мне этот человек становится душевно близок [...]»²⁸. Перед тем, как «Эриклик» покинул греческие воды в ноябре 1884 г., король Георг наградил Н.А. Зеленого и П.П. Шувалова греческими орденами Спасителя командорского креста. Вообще можно привести следующие данные: греческим орденом Спасителя (1-й, 2-й и 3-й степеней со звездой, командорского и кавалерского крестов) были награждены почти все командующие Средиземноморскими эскадрами, многие адмиралы, контр — и вице-адмиралы русского флота, командиры отрядов и кораблей, побывавших в гостеприимной Греции, а также просто симпатичные для королевской четы русские офицеры. Среди них — великий князь Михаил Александрович, будущие и настоящие адмиралы и контр-адмиралы: И.И. Бутаков, Н.М. Чихачёв, С.О. Макаров, Ф.К. Авелан, Н.И. Скрыдлов, А.А. Бирилёв, В.К. Витгефт, Н.А. Римский-Корсаков, Ф. А. Гирс, а также П.В. Римский-Корсаков, Н.Л. Кладо, А.Г. Бутаков, М.К. Племянников, Н.О. фон Эсен, В.А. Алексеев, А.К. Гирс, А. И. Мязговский и многие другие. Только с 1893 по 1904 гг. греческий орден Спасителя был вручен двадцати двум капитанам 2-го ранга²⁹.

²⁷ А вот что писал о Зеленом его ученик, великий князь Александр Михайлович: «Мысль о поступлении во флот пришла мне в голову в 1878 году, когда, по счастливому недоразумению, в число наших наставников попал веселый и покладистый лейтенант — Николай Александрович Зеленый. Совершенно неспособный к роли преподавателя или воспитателя, он позволял нам делать с собой все что угодно, и мы проводили наши, обычно столь унылые, утренние часы, слушая рассказы Зеленого о привольной жизни, которую вели моряки русского военного флота. Если верить всем словам этого восторженного моряка, получалось впечатление, что флот Его Императорского Величества переходил от одного блестящего приключения к другому, и жизнь, полная неожиданностей, выпадала не долю каждого, кто был на борту русского военного корабля...» Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 66.

²⁸ ГАРФ. ф. 660. Оп. 2. Д. 212. № 31. Татой. 25 октября (6 ноября) 1884 г.

²⁹ Списки чинов флота и зачисленных по флоту. СПб, 1904.

Ольга всегда интересовалась судьбами знакомых моряков, радовалась за них, в частности, узнав о помолвке Шестакова, Щербатова и свадьбе А. Эбелинга. Женитьба для морских офицеров была делом непростым. В брак офицеры флота могли вступать только по разрешению начальства, но не ранее 23 лет, причем, в возрасте от 23 до 25 лет только при наличии недвижимого имущества, приносящего в год не менее 250 рублей чистого дохода. Кроме того, командование в обя-

Пирей, 1881 г.

зательном порядке рассматривало «пристойность» заключаемого брака. Иначе говоря, в Греции — это было событием!

К концу 1870-х годов население Греции достигло 1 млн 680 тыс. человек. По религиозному признаку оно представляло в целом однородную массу — подавляющее большинство греков принадлежали к православной церкви (Греческой автокефальной, подчинявшейся Константинопольскому патриарху); исключение составляли католики, проживавшие на островах, и небольшое число албанцев-мусульман³⁰. Внутриполитическая жизнь Греции на рубеже веков характеризовалась крайней неустойчивостью: с 1881 по 1910 гг. сменилось 39 правительств³¹. По выражению русского дип-

³⁰ Соколовская О.В. Греция на путях становления буржуазного государства // Балканы в конце XIX — начале XX века: Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 216.

³¹ Κοκκινιως Δ. Ιστορία της Ελλάδος. Αθήνα., 1970. Τ. 1. Σ. 678.

ломата Ю. Я. Соловьева, служившего в афинской миссии, король Георг I «ловко маневрировал между различными партиями, легко расставаясь со своими премьерами»³². Один из приближенных греческого короля датский историк В. Христинг писал, что в Греции «не существовало почти ни одного кабинета министров, который бы успел осуществить выдвинутую им программу развития страны»³³. Греческие правительства, сменявшие друг друга, не умели четко формулировать идеи панэллинизма («великой идеи»), которые они все разделяли, а диапазон мнений был чрезвычайно широк. Греческое общество того времени, особенно молодежь, было насквозь пронизано идеями эллинизма, компромисс с Османской империей воспринимался этой частью общества как отказ от исторических прав. Вместе с тем вся история греческого государства, начиная с революции 1821–1829 гг. и до Восточного кризиса 1870-х годов, должна была бы убедить греческих патриотов и националистов в слабости их позиции, в бесперспективности конфронтации с Оттоманской империей без серьезной внешней поддержки. Король и королева греческие искали ее как в западноевропейских странах, так и в России. Королевские связи по всей Европе давали им надежду на поддержку великих держав в нужный момент. Корабли Англии, Дании, России и др. европейских государств гарантировали спокойствие в этом регионе.

С осени 1884 г. в греческих водах постоянно находился Отряд судов в Средиземном море под командованием контр-адмирала Н.И. Казнакова, в который входили фрегаты «Владимир Мономах» и «Генерал-Адмирал», клиперы «Пластун» и «Стрелок», миноносец «Гагръ»; шхуна «Туапсе» (вернувшаяся с о. Тенедос, куда доставляла уголь для миноноски). На «Стрелке» внимание королевы особенно привлекал Н.И. Скрыдлов, который, как она считала, сильно

³² Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 119.

³³ Christmas W. Ring George I of Greece. L., 1914. P. 104.

переменился в лучшую сторону и «его любят везде». Офицер очень нравился и королю Георгу I, да и Скрыдлов был высокого мнения о короле³⁴.

В ноябре начальник Отряда судов Казнаков решил воспользоваться пребыванием в Греции двух молодых археологов из России (будущих выдающихся русских ученых) — А.В. Никитского³⁵ и Н.И. Новосадского³⁶, чтобы «доставить господам офицерам возможность познакомиться с греческими древностями». Адмирал хвалил археологов за их отзывчивость и обязательность, поскольку они не только прочли лекции на фрегате «Владимир Мономах», куда приглашались офицеры со всех судов отряда, но и провели замечательные экскурсии на Акрополь. Лекции Никитского были посвящены различным аспектам истории Афинского государства в XIII–VI вв. до н.э., а Новосадский посвятил свой цикл лекций истории самого Акрополя, его храмам и древним праздникам³⁷. Много времени уделялось на судах боевой подготовки, несмотря на очень холодную погоду осени 1884 г.

Конец 1884 г. был напряженным для королевской семьи в связи с тем, что в греческих водах, в связи с неспокойной международной обстановкой, связанной с Балканами, находилось большое число иностранных судов и всем надо было уделить внимание. Во дворце два раза в неделю давались обеды для русских, французских и датских моряков; пышно отпраздновали День рождения греческого короля, русская колония давала прощальный завтрак офицерам «Стрелка»; Георг и Ольга Константиновна неоднократно бывали на обедах, которые давались на «Гене-

³⁴ ГАРФ, ф. 660. Оп. 2. Д. 212. № 35. Афины. 24 ноября (6 декабря) 1884; там же. № 36. 1 (13) декабря 1884 г.

³⁵ Александр Васильевич Никитский (1859–1921), русский филолог, академик, декан историко-филологического факультета Московского университета в 1906–1908 годах, специалист мирового уровня по греческой эпиграфике.

³⁶ Николай Иванович Новосадский (1859–1941) — всемирно-известный российский и советский филолог-классик, палеограф и эпиграфист-эллинист. Доктор греческой словесности (1901). В 1884–1886 гг. находился в Греции, куда был командирован для подготовки к профессии.

³⁷ РГАВМФ, ф. 417. Оп. 1. Д. 54. Л. 22–33.

рал-адмирале», «Владимире Мономахе» и других кораблях, шла подготовка к празднованию Рождества. Но королева, как всегда писала в основном о русской эскадре. «Теперь в Пирее целая русская эскадра, вид которой радует мое сердце, — писала королева брату, — но, увы, недолго она здесь останется — завтра уходит “Туапсе”, и министерство решило, что черноморцев здесь больше не будет. Негодованию моему нет пределов. После Рождества уходит “Стрелок” на Мадейру и в Америку, а после Нового года уйдет и “Владимир Мономах”». Жалко! В будущий четверг Казнаков дает нам огромный официальный завтрак на “Мономахе”. Будут танцевать, я думаю, после завтрака у нас первый бал — большой — надеюсь, что будет весело. В среду праздновали (день рождения. — *О. С.*) моего мужа — программа обыкновенная: молебен, поздравления и большой обед; единственная вариация была присутствие датчан, для которых у нас была елка, точь-в-точь, как три года тому назад в твоём присутствии: сперва перед обедом для мальчиков, а после обеда для офицеров. Неделя проходит за неделей — просто страшно, с какой быстротой мелькают дни да часы, и половины не успеваешь сделать того, что следовало бы. Скоро будет елка; на следующей неделе надо будет углубиться в приготовления к ней»³⁸. Особенно запомнился королеве прием, устроенный адмиралом Казнаковым 20 декабря 1884 г. на «Владимире Мономахе». «Мы оставались там от часа до шести и веселились на славу. Милые моряки все так прелестно устроили и были так радушны и милы. Меня просто благодетельствовали, осыпали цветами и любезностями, — вспоминала королева. — К нашему общему горю, эскадра наша разошлась и остался только клипер “Пластун”. Мы были на “Фемистокле”, когда суда наши уходили; они остановились перед павильоном, отсалютовали, прокричали “Ура!” и тихо уплыли вдаль»³⁹.

³⁸ ГАРФ, ф. 660. Оп. 2. Д. 212. № 38. Афины. 15 (27) декабря 1884 г.

³⁹ Там же.

На многих русских кораблях имелись небольшие оркестры («музыка»), но не всегда хорошие. Играли в них часто сами моряки. В основном морские офицеры, но таланты искали и среди матросов. Довольно часто разыгрывались пьесы, написанные самодеятельными авторами. Так в феврале 1885 г. русские моряки приняли участие в пьесе, написанной секретарем российской дипломатической миссии в Афинах Ю.П. Бахметевым, которую разыгрывали у Бюцовых⁴⁰. Играли: прапорщик Корпуса флотских штурманов П.Г. Степанов⁴¹, лейтенант В.Н. Фридрихс⁴², старший офицер с клипера «Пластуна», лейтенант К.Л. Ергомышев⁴³ с «Генерал-адмирала», маленький князь, мичман Н.С. Путятин («он такой милый и играл отлично»), гувернантка Бюцовых, две дочери адмирала Казнакова. Маленький Бюцов изображал арапчика «Фунтика». «Все играли великолепно, мы катались со смеху с начала до конца — это был настоящий фейерверк остроумия, — вспоминала королева, — в воскресенье мы с Пицем (Павлом Александровичем. — О.С.) отправились к обеду на «Генерал-адмирал». Ты можешь представить себе, как я была довольна. Обедня была такая хорошая, я молилась хорошо; потом мы завтракали у адмирала — фрегат этот родной брат «Эдинбургского», так симпатично. Потом снимали группу и нас — не знаю удалось ли, после этого мы спустились в кают-компанию, где пили за мое здоровье с «Ура!» — я конфузилась и краснела — один офицер сыграл очень хорошо на виолончели, другие играли на фортепьяно, один офицер показывал фокусы [...] было очень

⁴⁰ Бюцов Евгений Карлович (1837–1904) — русский дипломат, посланник в Афинах (февраль 1884 — ноябрь 1889).

⁴¹ Степанов Павел Гаврилович (1863–?), капитан 1 ранга в отставке. Начальник Бакинского училища дальнего плавания (с 1906), Архангельского торгово-мореходного училища (1909–1915).

⁴² Фридрихс Василий Николаевич (1852–1898), капитан 1 ранга (1893), старший офицер клипера «Пластун» (1884–1886), командир шхуны «Славянка» (1888), императорских яхт «Царевна» (1888–1894) и «Штандарт» (1894–1898).

⁴³ Ергомышев Константин Львович (1856–1916) — генерал-лейтенант флота в отставке (1914). Окончил Морское училище (1878). Участвовал во многих заграничных плаваниях, в качестве командира транспорта «Иртыш» принял участие в Цусимском сражении (1905). Начальник Военно-исправительной тюрьмы морского ведомства в Санкт-Петербурге (1907–1914).

мило. С фрегата мы поехали на “Пластун”, где пили чай. Там было тоже очень симпатично — у них собака, которая приняла меня очень любезно и, пока я обходила команду, прыгала и хватала меня за юбку. В тот же вечер был у нас опять детский бал, продолжавшийся конечно только до полуночи. Было очень оживленно и весело, котильон я танцевала с Фридрихом. Кроме командиров и старших офицеров было еще по два офицера с каждого судна: Ергамышев и

Н.И. Казнаков

Огильви⁴⁴ с фрегата, Путятин и Петров с “Пластуна”. Дети плясали без остановки почти, и были очень довольны... На другое утро начались службы, земные поклоны, да пост⁴⁵.

Не так просто было иметь дело с такой, всегда праздничной, обстановкой в Афинах начальнику Отряда судов в Средиземном море адмиралу Н.И. Казнакову, который однажды даже пожаловался (в своем рапорте) в очень осторожной форме руководителю морского ведомства генерал-адмиралу, великому князю Алексею Александровичу на свое щекотливое положение. Он, конечно, знал, что великий князь не одобрял слишком частые визиты королевы со свитой на русские военные суда и ее близкие отношения с моряками. Н.И. Казнаков писал: «Как нелегко для адмирала в Пирее, так как меня бранят королевские величества, что я не стою

⁴⁴ Огильви Владимир Георгиевич, окончил Морское училище (1881), в 1884–1885 гг. в чине мичмана служил на фрегате «Генерал-адмирал», лейтенант (1889), скончался в ноябре 1889 г. Сведения не точны.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 7. Афины. 2 (14) февраля 1885 г.

у них. Мне все равно, но иной посмотрит на дело иначе и будет прав»⁴⁶.

2 марта 1885 г. ушел клипер «Пластун», получив приказ о возвращении в Россию, хотя он был здесь оставлен в распоряжении великого князя Павла Александровича. «Пирей опустел, и это весьма больно отзывается в моем сердце, — жаловалась королева брату. — Для меня просто тоска, когда нет здесь наших моряков; я их, конечно, редко вижу, но одно чувство, что они тут, так отрадно действует на меня»⁴⁷. В июне адмирал Казнаков сообщил королеве, что «Пластун», где командиром был капитан 2 ранга Н.Н. Ломен⁴⁸, возвращается в греческие воды, и в августе он действительно вернулся, чему королева Ольга была очень рада, а сам Казнаков вскоре пришел на «Дмитрии Донском». «Генерал-адмирал» возвращался в Россию⁴⁹.

Ольга Константиновна неоднократно приглашала моряков в летнюю королевскую резиденцию Татой, расположенную недалеко от Афин. «Третьего дня состоялся наш пикник, — писала она брату. — К сожалению, мои любимцы, Фридрихс и Перелишин⁵⁰ были больны и не приехали; так как я пригласила 6 человек, то привезли, кроме командира, князя Путятина, который бывает каждый раз, и мичмана Петрова) трех малознакомых офицеров, лейтенанта, доктора, и маленького, белобрысенького механика — молокососа; однако он скоро значительно выиграл в моей оценке, когда я нечаянно узнала от него, во время разговора, что он мой

⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 54. Л. 174 об.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 12. Афины. 9 (21) марта 1885 г.

⁴⁸ Ломен Николай Николаевич (1843–1909), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., удущий адмирал (1909). С 1 января 1887 г. — на фрегате «Память Азова» с производством в чин капитана I-го ранга, с 1888 г. — командующий (с 1 января 1889 г. — командир) фрегата «Генерал-адмирал», с 1 января 1890 г. — фрегата «Память Азова». На этом фрегате совершил кругосветное плавание наследник цесаревич Николай Александрович и греческий принц Георг. В ходе плавания Ломен был награжден японским орденом Восходящего солнца II степени со звездой. Флаг-капитан императора (1893–1905).

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 23. Татой. 8 (20) июня 1885 г.

⁵⁰ Правильно: Перелешин Александр Васильевич (1856–1910), из потомственных моряков. Королева пишет, что еще воспитанником МКК в 1875 г. он плывал в греческих водах.

земляк. Павловский уроженец! Зовут его Антонов⁵¹, и семья его живет недалеко от вокзала. Эти офицеры принадлежат к разряду морячков-дикарей, которые избегают общества; судьба занесла их в Татой и как=будто этим их слегка испугала; однако это недолго продолжалось, во время пикника они отошли и стали разговорчивы, испуская даже звуки на иностранных языках. Им стало весело, как всем, и видно было, что они от души забавлялись. [...] Затем спустились пешком на знакомую тебе площадку, где эвзоны⁵² прелестно украсили беседку зеленью. Посидев немножко, мы затеяли игры, сперва спокойные, потом же, после заката солнца, — беготню: почту и горелки; не могу описать тебе всеобщего оживленья и веселья, стар и млад, всё бегало, всё возилось, кряхтело и потело. Набегавшись до десятых потиков, мы уселись за ужин, а луна лила на нас все свои лучи. Дети и молодые офицеры болтали и смеялись, было уютно, просто, дружно и хорошо. На гору мы поднялись пешком и там уже уселись в экипажи; со мной ехали командир и два офицера; на козлах — матросик, вестовой Путятин, которого они привезли с собой; вид его спины доставлял мне своего рода патриотическое удовольствие; он каждое утро будит Путятин словами «спите скорее!» Это прелесть!! Вернувшись сюда, я напоила моих офицериков еще чаем, а потом мы распростились. Они, кажется, остались вполне довольны проведенным с нами днем. Дети были в восторге, и я тоже; у меня талант забавляться столько же, как и они»⁵³.

Постепенно стало традицией, что русские моряки принимали участие в праздновании дня рождения греческой королевы Ольги — 23 августа. В 1885 г. Ольга писала: «Вот и еще прибавился год к моим почтенным летам (Ольге исполнилось 34 года. — О. С.); хотя от этого я не чувствую себя

⁵¹ Антонов Федор Сергеевич (1861–?), выпускник Технического училища морского ведомства (1883), в 1885 г. — прапорщик корпуса инженер-механиков. Генерал-майор с увольнением в отставку (приказ А.В. Колчака от 07.03.1919).

⁵² Эвзоны — элитное подразделение пехоты греческой армии, которое возникло как легкая пехота в годы Греческой войны за независимость в начале XIX в.

⁵³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 33. Татой. 10 (22) августа 1885 г.

ни старее, ни степеннее — напротив того душа и сердце остаются вечно юными... Я танцевала вчера котильон с Перелишиным (Александр Васильевич воспитанником плавал в 1875 г. с Митей и Славей (родными братьями королевы. — *О. С.*), и он именно такой, как я думала: с ним замечательно хорошо можно беседовать, и он в высшей степени симпатичный; вот уж настоящий русский человек; он тихий такой, скромный и милый»⁵⁴. «Около 6 начинаются танцы; мичман Петров 12-й»⁵⁵ (Александр. — *О. С.*) дирижирует (это его корреспонденции являются в “Кронштадтском Вестнике”). Когда начались сумерки, мы отправились гулять с музыкой, которая играла марши, чтоб дать время зажечь фонарики, которыми была украшена наша бальная зала, т.е. беседка [...] В первый раз мы отправились до дома Люддерса⁵⁶, в окна которого и кругом стояли солдаты, эвзоны с фальш-веерами; эти огни бросали таинственный, фантастический свет на наше веселое шествие и на красивые окрестности. Возвращаясь, мы издали уже увидели множество цветных фонариков, которые мерцали сквозь густую зелень; каждый шел под ручку со своей котильонной дамой, и, вернувшись и дав передохнуть музыке, мы пустились плясать и плясали чуть ли не до упаду; дети были в телячьем восторге, мы даже мазурку плясали, несмотря на неумение многих, и при этом Мессала⁵⁷ отличался; с его ногами произошло нечто странное, в них сделались судороги и он откалывал такие па, так носился взад и вперед, скакал и вертелся, что у нас чуть животики не разболелись от смеха. В последний раз котильон⁵⁸ начался с прогулки в лес; в этот вечер было

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 35. Татой. 23 августа (4 сентября) 1885 г.

⁵⁵ Петров Александр Васильевич (1860–?), генерал-майор флота (1913). Начальник Морской учебно-стрелковой команды в Ораниенбауме (1911–1917).

⁵⁶ Воспитатель сыновей греческого короля.

⁵⁷ Мессала — граф, камергер и греческий секретарь королевы Ольги.

⁵⁸ Котильон — танец, особое распространение получил в середине XIX в. в странах Европы и России. Котильон объединял несколько самостоятельных танцев (вальс, мазурка, полька). Исполнялся он всеми участниками в конце бала. Разнообразие котильона зависело от ведущей пары — кавалер-кондуктор давал сигнал оркестру, громко называя фигуры. Он же следил за согласованностью движения пар.

просто холодно и очень ветрено, несмотря на что, мы все так страшно забавлялись»⁵⁹.

В сентябре 1885 г. прибыл в Пальо Фалиро управляющий Морским министерством вице-адмирал И.А. Шестаков, который возвращался из Европы через Афины. Здесь ему предстояло обсудить важнейшие вопросы: Морское министерство сильно беспокоили слухи о возможности прорыва английской эскадры в Черное море и по этому поводу военный агент в Афинах полковник А.П. Протопопов предлагал организовать наблюдение за движением английского флота в Средиземном море. Он считал необходимым создать целую сеть наблюдательных пунктов в Архипелаге и, по его просьбе, афинская миссия запрашивала мнение русского консула на Цикладских островах, С.Л. Свиларича. Консул незамедлительно составил проект учреждения новых агентств на островах Милос, Зеа и Наксос. Но Шестаков посчитал идею неудачной, так как острова находились слишком близко к Дарданеллам и сообщения могли прийти позднее, чем англичане — в Черное море⁶⁰. Нахождение многочисленных кораблей Средиземноморской эскадры, постоянно совершавших рейды по всем портам Средиземноморья, сочли достаточным для наблюдения за английскими передвижениями.

В Афинах И.А. Шестакова тепло принимали во дворце, а королева пригласила его в Татой к молебну. Затем приехали еще адъютант управляющего Морским министерством лейтенант Р.М. де Рибас, командир фрегата «Минин» капитан 1 ранга Р.А. Гренквист и старший офицер капитан 2 ранга П.П. Молас, пять «пластунцев», русский посланник в Афинах Е.К. Бюцов и другие. «За обедом 30-го мне пришлось провозгласить тост за царя “За здоровье Государя Императора!”, и при этом у меня дрожали руки; мы торжественно стояли и внимали звукам “Боже, Царя храни!”

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 35. Татой. 23 августа (4 сентября) 1885 г.

⁶⁰ Кондратенко Р.В. Морская политика России. С. 203–204.

и, наверное, не одна теплая молитва вознеслась к Всевышнему за благоденствие Царя и России!!! — писала королева. — После обеда я катала моих гостей, чтоб дать им понятие о Татое. Скоро Бюцов и Шестаков уехали. Сейчас молодежь значительно повеселела и началось веселье, смех и танцы. Шестаков глядит ужасной букой, и его боятся не на шутку [...] Рано утром мы выехали из Татоя, в 10 пошли к обедне в Афинах, после чего переоделись и в 12 отправились на трамвае с паровозом в Фалир. Там меня принял сам Шестаков с де Рибасом и повез в катере между двумя рядами катеров с “Минина” и “Пластуна” с веслами на валец, к фрегату. Селедка, Ты видишь меня, с напускным апломбом входящую на палубу, выслушивающую рапорт и проходящую мимо команды? Внутренне я умирала, во время завтрака я малость отошла, но потом в кают-компании конфуз дошел до [предела] и меня чуть не отпели при шампанском и “Ура!” Я была страшно тронута, как меня приняли там; «Ура!» было нескончаемым, когда старший офицер вышел за мое здоровье; всегда моряки вас так принимают, знают ли они вас или нет, все равно. Старший офицер на “Минине” Мола⁶¹; его младшая дочка — моя крестница, и по фотографиям ужасно миленькая... С “Минина” мы поехали на “Пластун”, где вся корма была устлана коврами и превращена в страшно уютное местечко; тут я восседала и пила чай, болтая с офицерами; мне было очень весело, потому что я их теперь всех знаю; матросики пели прелестно, я блаженствовала. Около пяти я уехала, но, боюсь, злоупотребив терпением Шестакова, которому, конечно, не могло быть так приятно, как мне. В пятницу предполагается пикник с офицерами в Фалиро, если только погода позволит, и

⁶¹ Мола Петр Павлович (1847–?), выпускник Морского училища (1868), старший офицер клиперов «Гайдамак» (1881–1882), «Опричник» (1882–1885), фрегата «Минин» (1885–1886), командир минного крейсера «Казарский» (1890–1891), канонерской лодки «Уралец» (1891–1893), крейсеров I ранга «Адмирал Корнилов» (1895–1897) и «Аврора» (1897, 1898–1899), эскадренного броненосца «Севастополь» (1897–1898). Командующий Отдельным отрядом судов в Средиземном море (1903), Учебно-артиллерийским отрядом (1904). Вице-адмирал в отставке (1907). Член правления Балтийского и Адмиралтейского судостроительных заводов (1908–1911). Действительный тайный советник в отставке (1911).

кажется она будет великолепная, месяц и теперь уже светит весьма добросовестно, а к тому дню будет чудесен; в субботу мы там провели день с нашим обществом и завтракали в палатке, которая была поставлена как раз где открывается чудный вид, направо от дороги, на возвышенности.

Не могу забыть, как хорош был вид в то утро: горы будто утопали в лазури моря и неба [...] После завтрака мы ничего не делали, а лежали на густом слое лавровых миртовых и дубовых листьев и наслаждались видом и воздухом...»⁶².

Через несколько дней опять состоялся пикник с «пластунцами». «Я редко видела сбор таких милых людей, как эти офицеры; они всем нравятся; они такие скромные, благовоспитанные, просты и веселые; забавляются, смеются, бегают от души. Они приехали довольно рано; в 11 ½ мы уселись в экипажи; Аликс (принцесса Александра. — О.С.), Тино (принц Константин. — О.С.), Панадзидис (секретарь Ольги. — О.С.) и мичман Петров верхом; настроение было крайне веселое, доехали туда в три четверти часа и поднялись на возвышенность, чтоб полюбоваться видом; Ты знаешь как я люблю этот вид; закрыв глаза, кажется, что в них остался запас голубого света, так этот вид лазурен [...] Завтракать мы на этой возвышенности не могли, пот[ому что] было там слишком ветрено и большую нашу столовую палатку перенесли вниз в ущелье [...] Мы имели очень симпатичный разговор с ним и с Фридрихсом о наших писателях, я им показывала эти дивные стихи Лермонтова «Смерть», с которыми ты познакомил меня во время незабвенного пребывания в Венеции; конечно они были в восторге от них. После завтрака, так как было еще слишком жарко для беготни, мы затеяли игры сидя; надев на веревку кольцо, искали его, причем много смеялись; когда солнце спряталось за горы, золотя еще их верхушки, мы посидели, поболтали, а потом начали играть в горелки, пятнашки и еще какую-то новую ужасно веселую игру; бегали до изнеможения; в это время

⁶² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 36. Татой. 2 (14) сентября 1885 г.

звезды разыгрались на небесах и месяц тихо светил “в небесах торжественно и тихо”; ветер улегся, и было так великолепно хорошо, что Перелешин заметил: “Даже говоришь тише, так торжественно!”, “О, что за ночь то была!”, за ужином (также в палатке) было очень весело; Фридрихс сидел возле Аликс (они большие друзья), выучил ее говорить мне “матушка-голубушка”!» «Мы долго сидели за ужином, потому что было так хорошо, что жалко было встать. Мы потушили фонари и сидели при единственном освещении луны; дверь в маленькую церковь была отворена, и в ней теплилась лампадка; листья платана резко отделялись на серебристом небе, и весь овраг перед нами был залит серебром, даже ветер притих, как бы сознавая всю торжественность этой лунной ночи. Всем нам было немножко грустно, так как невольно думалось, что это последний пикник. Не знаю, захочет ли Вилли приглашать моих милых “пластунцев”, ведь ему это далеко не может доставлять того удовольствия, что мне! Кроме того, теперь и осень наступила и “листья, пожелтевшие, по ветру летят”»⁶³. «В темноте, при обманчивом свете луны, освещавшей наш довольно крутой и каменистый подъем, мы добрались до экипажей, уселись и отправились в обратный путь [...] Если б ты знал, как я наслаждаюсь (глубоко, глубоко), что я могу оказывать гостеприимство моим милым землякам-морякам и доставлять им удовольствие — а видно сейчас, что им хорошо здесь, и весело. и уютно. Позавтра рожденье Папа, и они опять будут здесь и, вероятно, в последний раз, не знаю, захочет ли Вилли их так часто приглашать, да кроме того, скоро придут сюда другие суда: “Дмитрий Донской”, “Забияка” да “Сивуч”, которые 2-го экипажа, так что поневоле нельзя будет видеть пластунцев так часто и в таком числе»⁶⁴. Даже через три дня после посещения Татоя, как писала Ольга, «они все еще о нем вспоминали, а потом их снова начинает тянуть в Татой!»⁶⁵ Это был,

⁶³ ГАРФ. Там же. № 37. Татой. 7 (19) сентября 1885 г.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. № 38. Татой. 13 (25) сентября 1885 г.

действительно, замечательный отдых для моряков! Члены экипажа «Пластуна» вскоре прислали греческой королеве в благодарность малиновый плюшевый альбом, с надписью «Пластун», а в альбоме — фотографии офицеров, группы их и матросов на фоне клипера. «Я была ужасно тронута таким милым вниманием; сейчас же послала им русскую депешу французскими буквами, да кроме того попросила Ломена и Фридрихса приехать ко мне вчера, когда я была в городе, чтоб поблагодарить их»⁶⁶. Ольга приняла во дворце также контр-адмирала Казнакова, командира фрегата «Дмитрий Донской» И.М. Дикова⁶⁷, капитана II-го ранга Ф.Н. Сильверсвана-2-го, командира крейсера «Забияка» в 1885–1888 гг., Н.Н. Ломена — все морские офицеры, составлявшие в настоящем или будущем славу русского флота. В конце октября Н.И. Казнаков ушел с «Дмитрием Донским» на десять дней на практические учения⁶⁸.

Международная обстановка на Балканах еще с весны 1885 г. была напряженной. Объединение Болгарии вызвало резонанс в Европе, поскольку аннексия болгарским княжеством Восточной Румелии возбудила националистические круги в Сербии и Греции, которые также посчитали момент подходящим для решения своих национальных задач. Турция, боясь военных действий в Македонии, привела свои войска и флот в боевую готовность. Произошла краткая болгаро-сербская война. Восточный вопрос опять нарушал существовавшее некоторое время спокойствие в этом регионе. Россия, готовившая Босфорскую операцию, стремилась, по словам Шестакова, «оттягивать решение вопроса на Балканском полуострове до нельзя»⁶⁹. Греки во главе с правительством националиста Делиянниса в очередной раз попытались разжечь восстание на Крите и объ-

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 39 Татой. 20 сентября (2 октября) 1885 г.

⁶⁷ Диков Иван Михайлович (1833–1914), капитан I-го ранга командир фрегата «Дмитрий Донской» (1885–1887), русский адмирал (1905), генерал-адъютант (1906), морской министр (1907–1909).

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 43. Татой. 19 октября (1 ноября) 1885 г.

⁶⁹ Кондратенко Р.В. Морская политика России. С. 205.

явили мобилизацию. Поэтому и Россия, и Великобритания держали свои эскадры в греческих водах, ожидая худшего. Европейские державы-покровительницы Греции потребовали отозвать мобилизацию, хотя единства в их рядах не было. Поскольку Т. Делияннис отверг ультиматум держав, объединенные эскадры европейских начали в апреле 1885 г. морскую блокаду Греции, которая в неполном виде продлилась почти год. Делияннис был вынужден уйти в отставку. 9 (21) мая к власти пришел Х. Трикупис, который прекратил начавшиеся на греко-турецкой границе стычки и произвел демобилизацию армии. Несмотря на совместное противодействие европейских держав, в том числе России, греческим планам по присоединению Крита, греческая королева продолжала посещать русские суда, стоявшие в Пирее, который не входил в зону блокады. Тем более. Что правительство России постоянно подчеркивало, что не собирается вступать в какие-либо военные действия, но желает лишь произвести успокаивающее воздействие на Грецию.

В ноябре 1885 г. королева со свитой побывала на канонерской лодке «Сивуч», которая была ее 2-го флотского экипажа, затем «на милой старой “Забияке”» и повсюду находила уже хорошо знакомых ей офицеров или их родственников-моряков. «Пластун» все еще не возвращался, но Фридрихс писал секретарю королевы Н.Н. Философову, что «их тянет в Пирей, как под родной кров». «Между прочим, Фридрихс говорит, что все пластунцы “кланяются мне низко, до самой до сырой земли” — это выражение мне ужасно понравилось; вообще я очень и очень избалована милыми моряками!!!» — сообщала Ольга брату⁷⁰.

В это время королева занималась подпиской на памятник умершим в Греции морякам, о чем речь пойдет ниже. Н.И. Казнаков и команда «Дмитрия Донского» очень сочувственно относилась к ее инициативе. «Утром был у меня Казнаков, сидел целый час и страшно интересно рассказывал

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 47. Афины. 16 (28) ноября 1885 г.

особенно про все, касающееся флота, что меня так занимает всегда». Он принес подписную книгу на памятник обратно, в которой было подписей гораздо больше, чем рассчитывала королева⁷¹.

В декабре 1885 г. в королевском дворце давался прощальный обед в честь офицеров с канонерской лодки «Сивуч»: сначала для одной половины офицеров, а потом — для другой, чтобы королева могла поговорить со всеми. «Они уходят сегодня или завтра, и я попросила Вилли отпустить меня со старушкой (фрейлиной греческой королевы Теохари. — *О.С.*) проститься с нами; Вилли сейчас же согласился и дал мне даже железные кресты для командира⁷² и старшего офицера⁷³, что меня страшно обрадовало. Я поехала в Пирей в коляске с Теохаркой; на пристани нас ожидали адмирал Сахинис (сын прославленного героя войны за независимость Георгиоса Сахиниса) и Н.Н. Философов (секретарь королевы — *О.С.*). Мы уселись в паровой катер и поехали — у меня немного сердце замирало, на катерах больше нет подушек, это отменено, и моряки немного этим конфузятся, но я уверяла их, что мне никаких подушек не нужно, и так очень хорошо. На вахте стоит племянник молодой Веры Васильевны (Бутаковой. — *О.С.*), Переслени⁷⁴; я поклонилась офицерам, поздоровалась с командой и спустилась к командиру; там я вручила ему образ Спасителя, привезенный мною в благословение лодке, которой предстоит такое дальнее плавание. Казнаков, увидев это, сказал: “Ах как жаль, что вы это раньше не сказали, а то можно было бы позвать настоятеля и отслужить молебен!” И в самом деле, как это было бы хорошо и какая я дура; я только ответила: “Вот что

⁷¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 48. Афины. 23 ноября (5 декабря) 1885 г.

⁷² Юрьев Петр Федорович (1844–1904), командовал канонерской лодкой «Сивуч» в 1884–1886 гг. Впоследствии — контр-адмирал (1894), председатель комитета Добровольного флота (1896–1904).

⁷³ Энквист Оскар Адольфович (1849–1912), старший офицер канонерской лодки «Сивуч» в 1884–1887 гг. Младший флагман 2-й эскадры флота Тихого океана (1904–1905). В ходе Цусимского сражения увел крейсеры «Олег», «Аврора» и «Жемчуг» на Филиппины. Вице-адмирал в отставке (1907).

⁷⁴ Переслени Михаил Владимирович (1856–1904), капитан 2 ранга (1895).

значит задний ум!”, я ведь им отличаюсь!!! После этого я вручила командиру крест от имени Вилли, он был видимо обрадован и произнес несколько прочувствованных слов [...] От командира я переместилась в кают-компанию, где меня потчевали чаем; потом я поднялась, простилась с каждым офицером отдельно, пожелала команде счастливого пути... и уехала». На «Сивуче», писала дальше Ольга, «также есть симпатичный лейтенантик Кульстрем⁷⁵ (товарищ Перелешина) я с ним раз только и разговаривала после обеда, но он из того сорта людей, которые мне нравятся и меня интересуют, которых бы хотелось ближе узнать; у него серьезное чистое лицо, с внимательными глазами»⁷⁶.

В конце декабря 1885 г. Ольга и король Георг I посетили рождественскую елку на «Пластуне», где королева раздавала подарки. Ольга Константиновна к этому времени уже очень плохо видела и в первые минуты даже в лорнетку мало что могла различить. Команда подарила Ольге мат, который сделали матросы с надписью «Пластун», а по углам его украсили якорями. На жилой палубе показывали «туманные картины», но было так тесно, что вряд ли часть публики могла разглядеть что-нибудь. Однако было весело, так как обладавший прекрасным чувством юмора король делал, по словам супруги, «невозможные замечания о картинах». Наверху были танцы — сперва вальс, а потом кадрили. «Я так болтала с Фридрихсом, что путала все фигуры самым непозволительным образом, к крайнему удивлению Палтова⁷⁷, который, наверное, в великосветских гостиных ничего подобного не видал — смеху не было конца». Любимец королевы Перелешин был такой бледный и худой, что многие считали, что у него чахотка. «Фридрихс рассказывал, что его все на клипере холят и лелеют, потому что он всеобщий

⁷⁵ Кульстрём Сергей Карлович (1859–1913), генерал-лейтенант флота (1913), который с 1909 по 1913 г. был градоначальником Севастополя. Другие сыновья Карла Федоровича Кульстрёма — Леонид и Федор — также были моряками.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 49. Афины. 29 ноября (11 декабря) 1885 г.

⁷⁷ Палтов Сергей Ильич (1844–1917) — флаг-капитан при начальнике отряда судов в Средиземном море в 1885 г.

любимец [...] Конечно, о тихих, хороших разговорах и речи не было — это время, вероятно, уже прошло безвозвратно; я глубоко тронута памятью, которую они все сохраняют о Татое!! После танцев мы посидели немного на юте, превращенном в прелестный салон, весь покрытый чудными коврами; в это время устанавливали столы для ужина, который вышел очень оживленный; никто из пластунцев не садился, а все они только заботились о своих гостях как истые русские хозяева; пили за наше здоровье и кричали «Ура!» без конца; потом Вилли провозгласил тост за Царя и Царицу и благоденствие России, тут даже и дамы загорланили, равно, как и когда пили за здоровье офицеров и команды милого клипера! К сожалению, настала минута сборов на поезд [...] Чудный был вечер! Я всю свою жизнь привязываюсь то к тем, то к другим, и из этого выходит своего рода страдание, потому что уже жизнь так устроена, что приходится расставаться и прощаться, и сожалеть о том, что прошло, о тех, которых, вероятно, больше никогда не увидишь; ...Только у меня навсегда остается теплое местечко в моем сердце для тех, которые мне раз были симпатичны и с которыми существовало душевное родство!» На Новый год король, понимая глубокое чувство королевы к русскому флоту, подарил ей бархатный футлярчик, в котором находилась маленькая брошь в виде русского морского флага из эмали. «Я даже заплакала от радости, — писала королева в Россию, — вот прелестное внимание, неправда ли?!»⁷⁸ Король, любя свою жену, разрешал ей посещать все русские военные суда и часто сопровождал ее. Ольга писала брату: «Что мне портит удовольствие на наших судах? Чувство, что Вилли не может наслаждаться как я, не зная языка, он не в состоянии понять духа наших моряков, разделить общее настроение и мою радость; пока я веселюсь, я чувствую, что он скучает; если разговор оживляется, то я начинаю конфузиться, зная, что он ничего не понимает — это своего рода извод, да пребольшой!»⁷⁹

⁷⁸ ГАРФ. ф. 660. Оп. 2. Д. 214. № 54. Афины. 27 декабря (8 января) 1886 г.

⁷⁹ Там же. № 1. Афины. 3 (15) января 1886 г.

Описывая события 1885–1886 годов в изучаемом регионе историк флота Кондратенко приводит ряд интересных документов, подтверждающих, что Россия не собиралась активно использовать свои морские силы против греков⁸⁰. Англия держала шесть броненосцев у берегов Греции, которые даже собирались зимовать на острове Корфу. С начала 1886 г. Средиземноморский отряд в связи с нараставшими на Крите приготовлениями к восстанию появился в бухте Суда, где уже находились корабли английский и итальянской эскадр. Шестаков распорядился поторопить возвращавшиеся с Тихого океана клипера «Разбойник» и «Наездник», и Н.И. Казнаков получил предписание «следить за движениями греческого флота», по его мнению, почти неисполнимое из-за отсутствия в большинстве портов Греции агентов. Более того, после нового предъявления Афинам 12(24) января 1886 г. коллективной ноты держав о разоружении и нового отказа премьера Т. Делияннисом одуматься, англичане готовились силой заставить греков отказаться от их территориальных притязаний и распустить войска. По совету русского посланника Е.К. Бюцова, считавшего появление нашего отряда у Крита несвоевременным, Н.И. Казнаков решил перейти в Смирну (Измир), где он мог получать телеграфные депеши⁸¹.

«Не веселую мы прожили неделю... — сообщала королева брату, — дело в том, что с прошлого воскресенья здесь было сильное возбуждение, вследствие дипломатической ноты держав, объявляющей, что если Греция не послушает совета Европы и начнет военные действия против Турции, то державы будут принуждены принять энергичные меры. Положим, что это понятно, и что давление держав может теперь явиться единственным средством, чтоб вывести Грецию из того затруднительного положения, в котором она очутилась, но обидно то, что в ноте этой сказано, что дер-

⁸⁰ Кондратенко Р.В. Морская политика России. С. 206–207.

⁸¹ Там же. С. 207–208.

жавы воспротивятся военным действиям на «воде», так как на море Греция может повредить Турции и всей европейской торговле [...] — Мы вам отрежем правую руку, а потом держитесь сколько вам угодно и, если вам придется плохо от турок, то нам до этого дела нет. Возникли слухи, что немедленно явится в Пирей английская эскадра для демонстрации и ее ждали со дня на день в лихорадочном возбуждении и с немалым негодованием; в это время «Пластуну» было велено сейчас-же уходить в Смирну что он и исполнил через два часа по получению приказа. В Смирне находится Кознаков на «Дмитрии Донском». Я было возликовала, видя в этом намерении не принимать участия в демонстрации Англии против нас, но порадовалась я-то слишком рано. Отчего «Пластуну» велено было уходить, я объяснить себе не могу [...] Теперь оказывается, что никакая английская эскадра сюда пока не идет, а что, по всей вероятности, в скором времени будет сделана морская демонстрация всеми великими державами [...]. Королева по-прежнему наивно надеялась, «что настала минута собирания всех православных народов вокруг одного центра — но видно время еще не пришло — но я хочу верить, что оно настанет когда-нибудь!»⁸² И в другом письме она спрашивала брата: «Костя, как Ты думаешь — суждено ли видеть мне исполнение моей заветной мечты — что весь православный восток, без различия племен, соединится под одним православным знаменем, поднятым нашим русским Царем»⁸³

Однако в российском МИД решили действовать в Критском вопросе сообща с Англией и вновь направить корабли в Суду, где Н.И. Кознаков должен был войти в сношение с адмиралами других держав, уклоняясь при этом от совместных акций⁸⁴. Н.М. Чихачев, исполняющий обязанности управляющего Морским министерством, сообщал Кознакову, что «правительство наше не имеет по настоящее время на-

⁸² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 214. № 3. Афины. 17 (29) января 1886 г.

⁸³ Там же. № 8. Афины. 15 (27) февраля 1886 г.

⁸⁴ Кондратенко Р.В. Морская политика России. С. 208.

мерения вступать в какие бы то ни было военные действия, а желает лишь произвести нравственное давление на греческий народ, чтобы оградить его от увлечений и от опасности, угрожающей ему со стороны европейских морских держав и Турции». Н.И. Казнаков должен был выбрать «район весьма ограниченный, не удаляясь от Афин» и находиться в готовности «по первому приказанию перейти с фрегатом в Пирей». Последнее требование вызывалось опасениями за жизнь греческой королевской семьи в случае беспорядков в Афинах⁸⁵.

7 февраля 1886 г. отряд судов во главе с Казнаковым («Дмитрий Донской», «Пластун») вошли в Судскую бухту, где «застал английскую эскадру адмирала, лорда Джона Хея, итальянскую эскадру вице-адмирала Мартини и австрийскую коммодора барона Шпауна». Кроме того, в бухте стояли четыре турецких корабля адмирала Хусейна-паши. После установленных визитов адмиралам и генерал-губернатору Савассу-паше, Н.И. Казнаков узнал от Л.А. Няги, что часть жителей Крита ожидала его прихода «чтобы возмутители спокойствия не имели возможности указывать на отсутствие русских в этой демонстрации как на глухую... поддержку греков в их затеях на острове, сами же коноводы ждали нашего прибытия для того, чтобы явиться ко всем адмиралам с депутацией, которая намеревалась поднести письменную петицию о присоединении острова к Греции». В ответ, командующий отрядом «просил его объявить, что я... не приму никакой депутации и никаких заявлений» и оставил за собой свободу действий. 12 февраля Н.К. Гирс уведомил И.А. Шестакова, что Александр III «выразил желание, чтобы контр-адмирал Казнаков вошел в сношения с командирами иностранных эскадр, но чтобы при этом он не становился под начальство кого-либо из них»⁸⁶. Российскому

⁸⁵ Кондратенко Р.В. Морская политика России. С. 209.

⁸⁶ Составленную в ГМШ на основании письма Н.К. Гирса инструкцию Н.М. Чихачев 14 февраля препроводил в Министерство иностранных дел для передачи Н.И. Казнакову через Бюцова // Кондратенко Р.В. Морская политика России. С. 209.

контр-адмиралу оставалось лишь маневрировать, но коллективное давление Европы на Россию оказалось сильнее и 13 апреля 1886 г. поверенный в делах в Афинах Г.П. Бахметев передал Н.И. Казнакову, что российское правительство присоединилось к державам⁸⁷ и, по прибытии в Пирей иностранных броненосных фрегатов «Нептун», «Фридрих Карл», «Кайзер Макс» и «Анкона», к ним вынужден был присоединиться находившийся там «Пластун». 20 февраля российский посланник Бюцов сообщил королю Георгу I, что и русские суда примут участие в морской демонстрации...»⁸⁸. Ольга писала брату: «Возбуждение между моряками греческими. — О. С.), от первого до последнего — велико и, конечно, они судов своих даром не отдадут, если только кто-нибудь попробует до них прикоснуться! Есть минуты, когда следуешь своим побуждениям, не думая о последствиях. Англичане и глупые немцы, наверное, не поцеремонятся с нашими, т.е. греческими судами, но наши, т.е. русские, наверное, их не тронут и, если они и примут участие в общей европейской мере, то это только пот[ому что] Россия никак не может отделиться в данную минуту от остальной Европы — вот как я объясняю себе это дело и чем я немного утешаю себя! Наверное, и милым моим друзьям-пластунцам не весело принимать участие в этом деле! Они недалеко отсюда: утром пришли в Сиру, где они грузят уголь и снова отправляются в Кандию, в Суду; сегодня или завтра там ожидается Альфред, кот[орый] сменяет Лорда Джона Хея и принимает командование Средиземноморской английской эскадры на два года. [...] Чем все это кончится? И к чему этот Делиянис затеял всю эту историю, заварил эту глупую кашу, кот[орую], конечно, не он будет расхлебывать»⁸⁹. Королеву утешало, что по словам капитана II-го ранга, командира «Пластуна» Н.Н. Ломена, только что вернувшегося

⁸⁷ Кондратенко Р.В. Морская политика России. С. 211.

⁸⁸ ГАРФ, ф. 660. Оп. 2. Д. 214. № 9. Афины. 20 февраля (4 марта) 1886 г.

⁸⁹ Там же.

из Суды, и приехавшего к ней во дворец, «что инструкции Кознакова: “Ни в коем случае не принимать деятельного участия против нас”. Это было очень утешительно и отрадно слышать»⁹⁰.

Вскоре явился слабый луч надежды, что все обойдется мирно. Греческий король сумел убедить премьер-министра Делиянниса в необходимости созыва парламента. Королева негодовала: «Это после шести месяцев он в первый раз исполняет желание Вилли, свинья старая! Пусть теперь представители народа сами решат, быть войне или нет. Авось, хватит у них благоразумия не начинать безумной войны и ставить все на карту. Все, более или менее убедились, что лучше оставаться в покое и выждать другого, более удобного случая, для борьбы с Турцией. Но пока мало кто смеет громко высказывать свое убеждение»⁹¹. Под воздействием парламентариев, как сообщала королева 14 (26) Апреля 1886 г.: «Делияннис вчера вечером решил разоружиться и войны не будет!» Большую роль в этом сыграл и французский посланник. Это произошло, когда все остальные державы собирались предъявить новый ультиматум Греции, а четыре больших фрегата, как писала Ольга, -английский, немецкий, австрийский и итальянский показались между Пиреем и Эгиной». «Надо отдать справедливость Делияннису, писала Ольга брату, — это хороший поступок, и он этим восполняет свой священный долг. Раз он ввел свое отечество в такое страшное положение, ему одному было не вывести его из него. Но когда я думаю, что перенесла бедная Греция за эти 7 месяцев, сколько сил потрачено даром [...], то у меня сердце больно сжимается и не доброе в нем шевелится чувство против виновника всего этого — но Бог ему судья!»⁹² Однако Делияннис не торопился выполнять обещания, и только 27 апреля (9 мая) подал в отставку. Королева возмущалась,

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 214. № 10. Афины. 27 февраля (11 марта) 1886 г.

⁹¹ Там же. № 13. Афины. 15 (27) марта 1886 г.

⁹² Там же. № 19. Афины. 14 (26) апреля 1886 г.

что «заварив кашу, он предоставляет другому ее расхлебывать. Вот уже право каналья»⁹³.

По истечении срока ультиматума посланники держав выехали из Афин; блокада же из-за плохой погоды началась позже — 28 апреля. Покинув Судскую бухту эскадры растянулись вдоль побережья Греции и приступили к захвату торговых судов. Н.И. Казнаков запросил было разрешения идти в Фалерскую бухту, но получил отказ, смысл которого поясняет замечание И.А. Шестакова, писавшего, что «порывы Казнакова подчиниться Эдинбургскому, в чаянии, вероятно, аксельбантов, и прорваться к глупой жене, мешающейся чрез добрую королеву в политику ... пока устранены». МИД предписывал вновь Казнакову ни под чье командование не становиться, чаще находиться в Суде, а «Пластуну» — в Пирее на случай эвакуации королевской семьи⁹⁴. Н.И. Казнаков на «Дмитрии Донском» ушел в Суду, где, по совету Бюцова, ожидал исчезновения оснований для блокады. Это было разумным решением. 15(27) мая блокада была снята, а новое правительство Х. Трикуписа приступило к демобилизации войск⁹⁵.

Королева писала брату в эти дни: «Горе мое в эту минуту состоит в том, что я не могу ехать на «Пластун» ... Вилли находит, что это не годится, так как Россия подписала блокаду одинаково с другими державами; я настаиваю на том, что моряки не имеют ничего общего с дипломатами [...]. Результат — потоки слез [...] и головная боль!»⁹⁶ Вскоре ситуация в Греции стабилизировалась, и дружба между королевой и моряками была восстановлена.

В январе 1887 г. Ольга получила известие из Петербурга, которое огорчило ее до слез: Фридрихс писал Философову, что принято решение о том, что в Греции русские суда больше не будут стоять долго, поскольку увеличивалась их

⁹³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 214. № 21. Афины. 27 апреля (9 мая) 1886 г.

⁹⁴ Кондратенко Р.В. Морская политика России. С. 211.

⁹⁵ Там же. С. 212.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 214. № 24. Афины. 17 (29) мая 1886 г.

группировка в Тихом океане (там будут два адмирала, а в Греции ни одного). Однако, желая сделать приятное королеве Ольге, Шестаков всеми силами пытался устроить так, чтобы русские суда по дороге в Тихий океан или на обратном пути останавливались на некоторое время в Пирее. Ольга писала: «Присутствие наших моряков здесь вот уже столько лет было моим утешением в разлуке с родиной, и я с тоской думаю, что это будет без них?!»⁹⁷ И в том же месяце королева могла радоваться приходу в Пирей фрегата «Дмитрий Донской», на котором служил ее хороший знакомый Н.А. Римский-Корсаков⁹⁸. Ольга писала: «Вчера мы завтракали у них, и я, конечно, наслаждалась; была лотерея для матросов, и я раздавала выигрыши, что было особенно весело, потому что тут проходили все матросики, и я могла порадоваться на их милые, добрые, честные лица! В прошлую пятницу был праздник, устроенный “Стрелком” и “Бобром” — сперва елка, а потом танцы; все дети были с нами, и мы веселились и плясали на славу! Никто лучше милых моряков не умеет устроить праздника»⁹⁹. В январе есть запись о том, что во дворце обедал Н.А. Римский-Корсаков, причем, внизу, за семейным обедом. «Он замечательно симпатичен и мил. — писала королева. — Я с ним долго беседовала после обеда, и мне стало так приятно». И в другом месте: «Так отрадно было видеть нашего, домашнего человека»¹⁰⁰.

Бывала Ольга и в Саламине, где завтракали у контр-адмирала Н.И. Скрыдлова и праздновали день рождения великого князя Алексея Александровича. «Было очень холодно, и с тех пор холод все увеличивался, и теперь идет снег, хотя глупый и мокрый»¹⁰¹. Посетила королева и фре-

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 215. № 2. Афины. 8 (20) января 1887 г.

⁹⁸ Римский-Корсаков Николай Александрович (1852–1907), адъютант великого князя Константина Николаевича (1880–1888), в 1886–1887 гг. — старший офицер фрегата «Дмитрий Донской». Впоследствии — вице-адмирал (1906), директор Морского кадетского корпуса и начальник Николаевской морской академии (1904–1906), товарищ морского министра (1906–1907).

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Афины. 3 (15) января 1887 г.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 215. № 2. Афины. 8 (20) января 1887 г.

¹⁰¹ Там же.

гат «Дмитрий Донской». «Я, конечно, ужасно наслаждалась на фрегате, — писала она брату, — и мне грустно было уезжать. После завтрака опять была лотерея, и я опять раздавала выигрыши и при этом надела очки, чтоб в этот раз вполне насладиться, глядя на добрые, честные физиономии милых матросиков; некоторые из них опять целовали мою руку, а двое сделали земные поклоны к моему немалому ужасу! Мы были тоже в кают-компании, где пили шампанское, кричали “Ура!” и распивали чай; просили мою большую мордофизию, которую я им сейчас же послала с подобающей надписью. Офицеры нас пригласили на фрегат в воскресенье, сперва завтракать, а потом танцевать — дети в ужасной ажитации, т.е. особенно Аликс, которой страх как хочется туда ехать, и Вилли объявил, что он поедет только, если погода позволит, а погода пока совсем скверная. Офицеры на “Донском» делают особенно приятное впечатление»¹⁰².

Королева Ольга, чтя память погибших русских моряков в Наваринском сражении 1827 г., в июне предложила морякам с крейсера «Крейсер», ее 2-го экипажа, совершить поездку на о. Наварин (Пилос). Она писала: «Я была в неопишемом восторге быть с ним в этом славном месте; мы отслужили панихиду на могиле наших героев — это было так хорошо, что просто и описать не сумею! Давно я желала попасть в Наварин, но никогда не мечтала, что мне придется встретиться там с представителями 2-го экипажа, так отличившегося в этом славном бою!» Это письмо отцу Ольга закончила словами: «Ты не можешь себе представить, милейший мой Папа, как ты меня обрадовал, “согрел мою душеньку”, написав мне, что моряки меня любят — а я-то как их люблю!!!»¹⁰³

Ольга в этот год разрешила своей камер-фрау (горничной) Марии Николаевне Баулиной приглашать матросов во дворец на чай в горничную¹⁰⁴, и сама частенько приходила

¹⁰² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 215. № 3. Афины. 13 (25) января. 1887 г.

¹⁰³ Там же. Ф. 722. Д. 810. Татой. 27 мая (8 июня) 1887 г.

¹⁰⁴ Служебное помещение горничной.

с ними поболтать. Она писала брату: «Я тебе рассказывала, как мы 9 дней тому назад воскресенье провели у датчан¹⁰⁵ — в этот день сюда приходило много матросиков, и я, увы, прозевала их; не могу я искренне с этим мириться; я попросила, чтобы мне в будни присылали по два матросика [...] Эти ангелы стали ходить теперь почти каждый день к весьма великой нашей с (Маришкиной) радости [...] Привыкаю с ними болтать, и многое идет теперь как по маслу [...] В Новый год их собралось 17 человек, пока что Мариша (Мария Николаевна Баулина. — О. С.) с некоторым усилием собрала достаточно стульев-мальшек на всю эту компанию, я сначала слегка потрудилась, но потом разговор пошел отлично — я каждому, как ты знаешь, дала Евангелие и карточки государей, а теперь приходится мне многим давать крестики, но они их теряют, купаясь, или на работе. Вчера мы были на “Фемистокле”, и я опять их не застала, пока что сегодня ко мне пришло 4 человека»¹⁰⁶. «Матросики продолжали ходить каждый день и приветливо улыбаться, — продолжала Ольга, — русский матрос воплощение доброжелательства; раздавая кресты, я им говорю, если вы их потеряете на работе, то приходите снова, у меня всегда будет запас для вас, миленькие мои»¹⁰⁷. Во дворце королева встречалась у своей горничной с матросами, среди которых были эстонцы, латыши, финны, которым она также вручала Евангелие. «Повар Мысль, «чухонец», пожелал даже, чтобы я ему подарила крест», и Ольга немедленно исполнила его просьбу, заметив, «что крест для всех христиан одинаковый». «Раздавая кресты, я сперва перекрещусь, поцелую крест, потом отдаю, так ли оно?»¹⁰⁸. В следующем письме Ольга сообщала, что «в воскресенье приходило много матросиков; один из них говорил Маришафише (так Ольга звала свою камер-

¹⁰⁵ Георг I был датчанином и с удовольствием посещал заходившие в Пирей датские суда вместе с королевой Ольгой, которая прекрасно говорила по-датски.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 215. № 2. Афины. 13 (25) января 1887 г.

¹⁰⁷ Там же. Д. 216. № 3. Афины. 19 (31) января 1888 г.

¹⁰⁸ Там же. № 1. Афины. 4 (16) января 1889 г.

фрау. — *О. С.*), что они ужасно благодарны, что их принимают в дворце, потому что они таким образом хорошо проводят время и нет им случая напиваться; это весьма утешительно слышать от них же самих; они продолжают дарить мне свои фотографии, голубчики!!»¹⁰⁹

В январе 1889 г. Ольга провожала в дальнейшее плавание канонерскую лодку «Манджур». «Вчера я в три часа одна, с Md Theochari (мадам Теохари. — *О. С.*), Философовым и Messala (Н.Н. Философов и Мессала — секретари королевы. — *О. С.*) ездила на “Манджур” проститься, писала брату Ольга, — Сегодня утром они ушли в Александрию и в Тихий океан. Поздоровавшись с командой и поздравив ее с Новым годом (запретят ли мне это делать?), я вернулась на шканцы, и командир спросил меня, не позволю ли я команде выпить за мое здоровье; матросики собрались, мне дали стакан шампанского, командир взял чарку и сказал маленькую речь, от которой я чуть не провалилась от стыда. Не помню, как он именно говорил, но что-то вроде того, что он не сомневается, что верно выразит чувства каждого из них, если выпьет за мое здоровье, что сердце мое за них чувствует на чужбине, “чья душа болит за нас” (вот эти-то слова я запомнила), и что-то еще очень ласковое и милое»¹¹⁰. На

Г.П. Чухнин

¹⁰⁹ ГАРФ, ф. 660. Оп. 2. Д. 216. № 2. Афины. 10 (22) января 1889 г.

¹¹⁰ Там же. № 1. Афины. 4 (16) января 1889 г.

прощанье Г.П. Чухнин¹¹¹, командир «Манджура», написал в ее книге: «Рыбак рыбака видит издалека!»¹¹²

Но не меньше, чем встречи и проводы российских кораблей, Ольгу радовало, что все больше матросов посещают дворец (они приходили партиями по два, по три человека), и она старалась их приобщить к религии — раздавала Евангелия. Надевала крестики и говорила о Боге. «Можешь ты себе представить, что в прошлое воскресенье у Мариши собралось 21 матрос», — писала Ольга брату. М.Н. Баулина рассказывала королеве, как «потешно было видеть их удивление при виде товарищей; они видно, потихоньку приходят, не предупреждая товарищей, думая, что если те услышат, то и они захотят прийти, и что их тогда окажется слишком много, но выходит наоборот, что именно таким образом их набирается тут такое число; они даже конфузились и трое ушли из деликатности, уверяя, что они придут в другой раз». Ольга продолжала: «Сперва я поговорила с тремя, потом уже, готовая к прогулке, еще с четверьмя, а когда вернулась, то с целой компанией, и оно идет отлично и матросики меня не дичатся и разговаривают и рассказывают, но я все-таки больше люблю, когда их меньше, пот[ому что] легче болтать и расспрашивать; после такого посещения Мариша вся сияет от восторга. Отсюда они обыкновенно отправляются к сестре (русская сестра милосердия в греческой госпитале «Занеон» Ксения. — О. С.) в Пирей — и скажи, не лучше ли это, чем шляться по кабакам? Обыкновенно сестра после обедни приходит (одна, или с каким-нибудь выздоравливающим матросиком) и сидит у Мариши и помогает ей угощать гостей — к чаю у нас есть теперь род кулича, который им очень нравится; бедные матросики, по крайней мере, это разнообразие для них, которые все едят одно и то же. В последний раз бедная сестра была больна и не приехала; один

¹¹¹ Чухнин Григорий Павлович (1848–1906) — русский военно-морской деятель, вице-адмирал (6 апреля 1903 г.), командующий Черноморским флотом.

¹¹² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 217. № 4. Афины. 17 (29) января 1889 г.

комендор прямо отсюда поехал к сестре, всячески утешал ее, тряся здоровую руку без конца: “Поправляйтесь, сестрица, пожалуйста, поправляйтесь!” И кончил тем, что поцеловал ее руку; они ее ужасно все любят, зная, что она готова душу свою положить за них. Ну вот, я умудрилась почти 4 страницы наполнить рассказами о матросах!»¹¹³ Чуть позже Ольга с волнением писала брату: «Я что-то побаиваюсь, что вдруг начнут говорить, что сюда каждый день ходят матросы; раз в одной подлой газете было сказано, что я потребовала от русского командира, чтоб он присылал ко мне каждый день 6 человек матросов [...] А с другой стороны, представь себе мой восторг — когда на железной дороге эти 6 человек, чистенькие, щеголеватые идут покупать билеты, их спрашивают: “Koroleva?”, и они отвечают: “Королева”, то их провозят в Афины и назад бесплатно! Это, по-моему, замечательно трогательно! Все матросики рвутся сюда, и я надеюсь, что они все успеют перебывать у меня»¹¹⁴. Каково же было разочарование Ольги, когда выяснилось, что российский консул распорядился выдавать морякам билеты бесплатно, оплачивая их в конце каждого месяца.

Королева не только лечила моряков в морском госпитале, о чем речь пойдет ниже, но и возила их к стоматологам, если это было необходимо. Однако королевская семья стала реже отпускать королеву на русские корабли, чтобы ее визиты не навредили престижу династии.

В январе 1889 г. в Греции сделали остановки фрегат «Дмитрий Донской», уходивший на Дальний Восток, и корветы «Витязь» и «Рында», возвращавшиеся после трехлетней службы на Тихом океане, сделали остановку в Греции. «Все они, — писала отцу королева, — оставались по несколько недель, моряки высказали нам опять столько внимания и радушия — нет, как я их люблю — а матросы, это какие-то совсем особенные люди!»¹¹⁵ Ольга познакомилась с новым команди-

¹¹³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 217. № 4. Афины. 17 (29) января 1889 г.

¹¹⁴ Там же. Д. 218. № 5. Афины. 22 января (5 февраля) 1890 г.

¹¹⁵ Там же. Ф. 722. Д. 810. Афины. 5 (17) мая 1889 г.

ром «Забияки», капитаном 2-го ранга С.Н. Давыдовым, который ей показался с первого взгляда очень симпатичным.

На корвете «Рында» находился 22-летний кузен Ольги Константиновны, великий князь Александр Михайлович (Сандро)¹¹⁶, который более двух недель гостил у сестры. В чудесной «Книге воспоминаний» Александра Михайловича есть очень краткая запись о его посещении Греции: «Весной “Рында” возвратилась в Европу через Суэцкий канал и Египет. После продолжительной остановки в Греции, где я, к моей большой радости, имел

*Великий князь
Александр Михайлович
(Сандро)*

свидание с моей кузиной — великой княгиней Ольгой Константиновной, королевой эллинов, — затем в Монте-Карло, где я видел моих родителей, брата Георгия и сестру Анастасию, — мы взяли курс к берегам Великобритании»¹¹⁷. Ольга писала отцу: «Я наслаждалась его присутствием и очень его полюбила — он совсем милый мальчик. Командир и офицеры в один голос хвалили его как отличного офицера и любящего свое дело, так и хорошего товарища»¹¹⁸.

Брату Константину королева признавалась, что ей так хотелось поскорее увидеть кузена и других знакомых моря-

¹¹⁶ Александр Михайлович (Сандро) (1866–1933) — великий князь, внук Николая I, генерал-адъютант (1909), адмирал (1915), в отставке (1917).

¹¹⁷ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М., 1991. С.93.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Афины. 5 (17) марта 1889 г.

ков, что она устроила даже некоторый переполох на корабле, явившись туда без предварительного предупреждения. Королева рассказывала: «В субботу, пока я еще одевалась, пришла депеша от Сандро, когда он может приехать; я умолила Вилли поехать за ним на “Рынду”; он сперва не хотел, говоря, что они только что пришли, и что будет общий переполох, если мы приедем, однако я его уговорила, и мы поехали (узнали потом, что в самом деле вышел переполох), командир¹¹⁹ пришел в некоторый ужас и т.д. Я страшно была рада видеть Сандро и старых знакомых, твоих милых товарищей — там масса офицеров, которых я не знаю, но несмотря на это, я каждому дала руку. Мы оставались, конечно, не долго, но входили в каюту Сандро — он был страшно доволен после двух с половиной лет увидеть опять родных, быть среди семьи. Болтовни и смеху не было конца; он совсем милый и мы конечно быстро сдружимся»¹²⁰. Радость от свидания с кузенком была велика! «Какое наслаждение иметь опять русского двоюродного брата под нашими кровом, — писала Ольга. — Он очень откровенен со мной; [...] Несмотря на несогласие в иных взглядах, я нахожу, что Сандро — прелестный мальчик, в нем много мягкого, сердечного»¹²¹. Они говорили часами обо всем, и Ольга удивлялась, что несмотря на его молодость, с ним было очень хорошо разговаривать и о христианстве, и о буддизме. «Могу сказать, что мы с ним очень подружились, — заключала Ольга, — но мы очень часто бываем совершенно разных мнений, что дружбе не мешает, как ты знаешь»¹²². 31 января Ольга писала брату: «Хотелось бы, чтоб ты подслушал наши разговоры с Сандро! Мы так углубляемся в философию, что болтаем иногда до полуночи и любим это гораздо больше, чем ездить в театр. Я его очень полюбила, он такой симпатичный — я в

¹¹⁹ Авелан Федор Карлович (1839–1916), в 1889 г. — капитан 1 ранга, командир корвета «Рында» (1884–1885, 1886–1890), впоследствии — начальник Главного морского штаба (1896–1903), управляющий Морским министерством (1903–1905), адмирал (1905).

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 217. № 5. Афины. 23 января (4 февраля) 1889 г.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же. № 6. Афины 30 января (11 февраля) 1889 г.

нем особенно люблю сердечность и ласковое обращение. Он очень откровенен со мной; вот третий брат, с которым я скорее познакомилась и невольно вывожу заключение об их воспитании. Представь себе, что раз вечером Сандро вдруг говорит мне: «Знаешь ли, я иногда сожалею, что ты не моя мать!» «Но умоляю тебя, — продолжала Ольга, — не показывай никогда пред ним вида, что ты это знаешь, это вышло бы как будто я хвастаюсь! Но ты можешь представить себе, как это меня тронуло!» Большой компанией они ездили в Татой. «Мы ехали до Кифиссии по чугунке и потом в экипажах: Вилли, Аликс и командир; Сандро, Нилов¹²³, я, Тино с Эбелингом¹²⁴ и Толстым¹²⁵. Мы так разговорились о буддизме, о нирване, о всякой штуке, что я даже не заметила, как мы приехали в Татой. Мы сперва показали им дом, потом завтракали, потом они записывались в нашей книге, где расписывались уже несколько раз; потом мы пошли гулять»¹²⁶. Не мудрено, что 15-летняя греческая принцесса Мария (Минулина)¹²⁷ страстно влюбилась в красавца Сандро, и стоило больших родительских усилий, чтобы охладить ее пыл, убеждая, что он уже просватан к дочери императора Александра III Ксении. На «Рынде» пили чай в кают-компании, а доктор Бурцев¹²⁸ снимал группу офицеров с пред-

¹²³ Нилов Константин Дмитриевич (1856–1919), адмирал (1912) в отставке (1917), генерал-адъютант (1908). Окончил Морское училище (1875). В 1889 г. — лейтенант, вахтенный начальник корвета «Рында». Выдвинулся благодаря долгой службе адъютантом при генерал-адмирале великом князе Алексее Александровиче (1890–1899). Старший офицер яхт «Стрельна» (1890–1891), «Стрела» (1891–1894). Командир яхты «Стрела» (1894–1899), крейсера 1 ранга «Светлана» (1899–1903), Гвардейского экипажа (1903–1908). Флаг-капитан его императорского величества (1905–1917). Скончался в Царском Селе.

¹²⁴ Эбелинг Александр Александрович (1854–1896), капитан 2 ранга (1892). Вахтенный начальник корвета «Рында» во время плавания 1886–1889 гг. Яркую его характеристику поместил в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович.

¹²⁵ Толстой Николай Михайлович, граф (1857–1915), контр-адмирал Свиты (1909). Вахтенный начальник корвета «Рында» во время плавания 1886–1889 гг. В дальнейшем — командир ряда кораблей, в т.ч. императорской яхты «Полярная звезда (1901–1908), командир Гвардейского экипажа (1908–1915).

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Мария (Минулина) (1876–1940) — греческая принцесса, затем великая княгиня Мария Георгиевна.

¹²⁸ Бурцев Павел Александрович (1854–?), в 1888 г. — надворный советник, судовой врач корвета «Рында», в течение ряда лет служивший в Гвардейском экипаже младшим, а затем старшим судовым врачом.

ставителями королевской семьи. «Прелестные офицеры на «Рынде!»» — писала королева. Эбелинг, который заведовал делами Сандро, также почти все время жил во дворце. Перед уходом Сандро давал бал на «Рынде». «И чего он только не придумал, чтоб все было красиво, хорошо, чтоб везде и всем было оказано внимание, — писала Ольга. — Подумай, при входе и у лестницы, заменившей трап, ведущий на полуют, где была большая зала, стояли самые красивые матросы, одетые в чудный костюм рынд; это было удивительно красиво, настоящее загляденье!!!»¹²⁹ А князь Путятин¹³⁰ («брат пластунского князька») нарисовал огромные картины (декорации) для украшения стен. На память о теплом приеме, оказанном команде в Греции, Ольге был подарен альбом японской работы с фотографиями всех морских офицеров, в том числе мичмана А.М. Романова, А.Г. Бутакова, Н.И. Скрыдлова (будущего адмирала), сделанными в Йокогаме.

1889 г. заканчивался для греческой королевы особенно радостным событием — пребыванием под ее кровом в октябре–ноябре цесаревича Николая, будущего российского императора Николая II, пришедшего на крейсере «Адмирал Корнилов».

«У нас как раз с воскресенья начался кавардак и началась самым отрядным образом, приездом милейшего Ники, — писала Ольга. — Тебе легко представить себе мою радость и умиление иметь нашего дорогого цесаревича под нашим кровом — так хорошо, что из всех гостей он первый приехал; мы завтракали на “Фемистокле”, чтоб не прозевать прибытия “Адмирала Корнилова” — было так красиво видеть, как он величественно входил на рейд под брейд-вымпелом цесаревича, и как ему салютовали суда и батарея. Мы за ним поехали на крейсер и привезли его сюда; встреча была блистательная, почетные караулы в Пирее и здесь, и во дворце;

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 217. № 7. Афины. 8 (20) февраля 1889 г.

¹³⁰ Путятин Михаил Сергеевич, князь (1861–1938). Вахтенный начальник корвета «Рында» во время плавания 1886–1889 гг. Впоследствии оставил службу во флоте, перейдя в Министерство императорского двора. С 1911 по 1917 г. — генерал-майор, начальник Царскосельского дворцового управления.

*Офицеры и матросы
с крейсера 1-го ранга «Адмирал Корнилов»,
в центре — наследник престола Николай Александрович*

народу была масса и местами усиленно кричали “Зито!” (по-гречески: «Да здравствует!» — *О. С.*). Ники целый день с детьми, рано утром он ездил с Тино купаться, а теперь к ним присоединится и Georgy (принц Георг. — *О. С.*), который сегодня прибыл с королем и с королевой датскими, за которыми он ходил в Бриндизи»¹³¹. И сразу после отъезда цесаревича 29 ноября 1889 г.: «Грустно было расставаться с нашим дорогим Ники-цесаревичем; уезжая, он мне сказал, что он был у нас как дома, что меня несказанно тронуло; мы с ним отправились вдвоем к обедне на “Корнилов” — к завтраку приехали все другие на “Фемистокле», а после завтрака, мы на “Dagmar”¹³² отвезли Ники на крейсер — милый

¹³¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 217. № 26. Афины. 10 (22) октября 1889 г.

¹³² «Dagmar» — датская яхта.

мальчик, — прощаясь, у него было особенное глубокое, грустно-ласковое выражение в его милых глазах — Ты знаешь взгляд, который смотрит не в глаза, а в душу? [...] Его посещение останется на всегда дорогим воспоминанием!»¹³³.

Другим знаменательным событием конца 1880-х годов стал спуск на воду (20 мая 1888 г.) фрегата (по классификации 1891 г. — крейсера I ранга) российского военно-морского флота «Память Азова»¹³⁴, названного так в честь героического парусного линейного корабля «Азов», прославившегося в Наваринском морском сражении. На нем должен был ходить «флотский экипаж ее королевского величества королевы элинов Ольги». Греческая королева присутствовала еще на его закладке, состоявшейся 12 июля 1886 г. на Балтийском заводе, и стояла рядом с императором Александром III и императрицей Марией Федоровной. Через несколько лет фрегат также посетит Грецию.

¹³³ ГАРФ. Там же. № 30. Афины. 10 (22) ноября 1889 г.

¹³⁴ Экипаж «Памяти Азова» составлял от 550 до 640 человек. На фрегате имелся кормовой Георгиевский флаг, фрегат имел особо красочное носовое украшение, какого не было ни на одном корабле императорского флота: орден Святого Георгия в обрамлении георгиевских лент с бантами, императорской короной, лаврового венка и пальмовых ветвей. Эскиз был разработан выдающимся российским художником-маринистом академиком А.П. Боголюбовым.

Глава 4.

Создание нового русского кладбища и памятника морякам в Пирее

Став в юные годы королевой эллинов Ольга Константиновна почти сразу занялась филантропической деятельностью, что отвечало традициям воспитания членов Дома Романовых и духу времени. Еще в 1873 г. она писала отцу, великому князю Константину Николаевичу, о своих первых шагах в благотворительности: «Я устроила маленький приют для бедных маленьких детей; М. Theochary с дочерью и бедная М. Funch мне помогают. Это так приятно, иметь свою собственную школу и самой о ней заботиться»¹. Позже, говоря о своих жизненных принципах, она подчеркивала: «Я на политику никогда влияния не имела, не сумела бы иметь и не хочу, у женщины — другие задачи в жизни»².

По инициативе королевы были приведены в порядок памятники и кладбища в Греции. Глубоко верующая, она часто сидя у постели умирающих, задумалась об устройстве кладбища для погребения греческих солдат, чтобы их бедные матери «смогли бы найти своего сыночка и поплакать на его могиле»³. Вскоре королева осуществила свое желание: посередине греческого солдатского кладбища был поставлен большой беломраморный крест, а над каждой солдатской могилой — маленькие кресты и сделаны надписи. Она сообщала брату Константину: «Кладбище для солдат устроено — я сама это потребовала от мэра. С военным министром я говорила о непристойном погребении солдат — и это дело улажено, и их хоронят теперь как следует. Я даже

¹ ГАРФ. ф. 722. Д. 809. Афины. 30 декабря (11 января) 1878 г.

² Там же. ф. 686. Оп. 1. Д. 94. Письмо Ольги Константиновны М.С. Рощаковскому. 11 октября 1917 г.

³ Karolou I.N. Ολγα, η Βασίλισσα των Ελλήνων. Αθηνα., 1934. Σ. С. 94.

не знаю, что об этом думают, одобряют ли мои старания, или нет, быть может, находят, что это совсем не мое дело, я положительно не знаю; прежде я все боялась вмешиваться не в мое дело, но видя, что никто своего дела не делает, то я вмешалась и весьма легко добилась, чего хотела. Офицеры и солдаты очень довольны — всегда отрадно чувствовать, что кто-нибудь о вас заботится»⁴.

Греческая королева часто навещала больных и умирающих русских моряков, лежавших в небольшом греческом военном госпитале в Пирее «Занеон». Особенно после смерти в младенчестве своей дочери в 1880 г., королева стала задумываться о том, где найдут упокоение русские моряки, которые скончались в Греции. Так, в ноябре 1882 г. она писала брату Константину: «Сегодня скончался бедный офицер (черноморский) в госпитале; я его видела в понедельник; довольно старый, но такой симпатичный [...] Он оставляет жену и двух маленьких сыновей, Господи, как это грустно! На той неделе скончался матросик с “Джигита” от тифа, а теперь предвидится смерть другого матросика с “Азии” [...] от скоротечной чахотки. Я с ним долго болтала; бедный, у него жена дома и сын маленький. Знаешь ли, все эти больные, умирающие в чужбине матросики — “муки детищ родной стороны” — это все сюжеты для некрасовских стихов. Одно хорошо, что они умирают в православной стране. Вообрази, их приобщает даже греческий священник, хотя они могут послать и за русским. Этот чахоточный матросик называл меня матушкой, и сам он, голубчик, не знает, как он меня этим обрадовал»⁵.

Королеве не нравились порядки, которые установил мэр Пирея — как в самом греческом госпитале, так и на кладбище. Он постоянно, менял, не посоветовавшись с Ольгой Константиновной, обслуживающий персонал русской части кладбища. «Разве может благотворительное заведение существовать при таких условиях?! — возмущалась она. — Я

⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 229. № 9. Татой. 9 (21) февраля 1899 г.

⁵ Там же. Д. 210. № 30. Афины. 30 ноября (12 декабря) 1882 г.

нахожу, что это всеобщая все захватывающая деморализация — сами принципы такие! Например, на кладбище, где участок уступлен городом для русского кладбища, которое все более и более принимает благообразный вид, есть сторож с семьей; этого совсем простого человека тоже сменили, как он ни просил и ни плакал. Мэр, нисколько не стесняясь, ответил на ходатайство секретаря королевы графа Мессала: «Вы знаете наши порядки. Я уже давно обещал это место другому, а на каждое место есть 10 кандидатов. Впрочем, этот сторож пользовался этим местом уже несколько времени, пусть поживится и другой!»⁶. Постепенно Ольга Константиновна твердо решила создать в Пирее новое кладбище для русских моряков, а позже построила в Пирее новый русский военно-морской госпиталь. Окончательное решение о создании русского кладбища созрело, когда в военном госпитале умер любившийся королеве «матросик Сычѳв». Королева писала младшему брату: «Только что вернулась из моего госпиталя, откуда уносили бедного, скончавшегося матросика, о котором я писала тебе в последнем письме. Отпевать его будут на кладбище в Пирее, здесь была только лития, и то счастье, что я попала туда (мне дали знать слишком поздно, и я на всякий случай поехала туда), в надежде увидеть еще и проститься в последний раз с моим матросиком [...] Это был совершенный скелет, вся жизнь казалось сосредоточилась в глазах и в кроткой улыбке. В глазах был как будто отблеск того небесного сияния, к которому приближалась его душа. Ужасно трудно говорить с умирающими больными [...], особенно при свидетелях [...] Сказав ему несколько ничего не значащих слов и пожав его руку (а он мою руку опять так ласково и нежно поцеловал несколько раз)? я нагнулась и сказала ему: “Я всякий день молюсь за тебя, чтоб тебе стало легче” и отошла. Вдруг я вижу, что он хочет мне что-то сказать, подойдя и нагнувшись, я услышала: “Вы за меня молитесь всякий день, а я за вас десять раз

⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 210. № 30. Афины. 30 ноября (12 декабря) 1882 г.

в день молюсь”. Представь себе сам, что я почувствовала — это трудно описать!!! Голубчик, милый мой Сычѐв!!! Когда я ушла, он сказал Ксеньѐ (сестре милосердия. — *О.С.*): “Ну, теперь хоть и умереть — я ее видел” [...]. В три часа ночи он тихо скончался. Ксеньѐ все сидела подле него и держала его руку; вечером у него сидели один за другим матросики; они ведь все такие добрые и ласковые между собою; он в бреду говорил: “Пришли мне на смену” [...] да, сменили его, голубчика, и успокоили и утешили на веки веков. Один его приятель говорил Маришафише, что он 6 лет с ним служил и никогда ни единого дурного слова от него не слышал. Доктор тоже говорил мне, что он никогда жалобы от него не слышал, а только один, неизменный ответ: “Хорошо”. [...] Приехав в госпиталь я вбежала в калитку сбоку, ко мне навстречу идут Николай Николаевич (Философов. — *О.С.*), адмирал (контр-адмирал Н.И. Казнаков. — *О.С.*) — они, к счастью, подождали меня, узнав, что я буду. На дворе госпиталя в левом углу покойницкая с двумя комнатами: одна для покойников, а другая для вскрытия тел. Тут томилось много сестер, а направо стояли офицеры, матросы и их музыка. Я вошла в покойницкую; Сычѐв лежал во гробе с венчиком, окруженный цветами, вокруг него горели свечи — тут стояли адмиральша, командир и другие. Я встала недалеко от священника против покойника, и началась лития; я дрожала от волнения, слезы душили меня, — пропели “вечная память” мы все опустили на колени [...], потом я подошла к покойнику, сделала земной поклон и поцеловала его в лоб около венчика и положила ему еще маленький букетик из фиалок и роз. Милый мой Сычѐв! Он мне совсем близкий человек — выражение его лица было так спокойно, так трогательно. Ты не поверишь, как мне захотелось взять его на руки и прижать к груди, как ребенка... Он болел и умер на чужбине, далеко от родины, от жены, от родных... зашевелились во мне все Достоевские чувства!!! Слезы так и лились, не могла я их удерживать [...] Земляк его, унтер-офицер Афанасьев стоял насупившись и тоже плакал [...]

Многие приложились, потом матросики подняли гроб и поставили на носилки. Покойника покрыли флагом и понесли. Тут подошли адмирал и офицеры и понесли гроб, потом снова взяли его матросы; я проводила вдоль стены госпиталя, потом уехала — сестра Ксения проводила до кладбища в Пирее». Этот пронзительный рассказ о смерти и упокоении матроса Ольга в письме завершила решительным: «Мы откроем подписку для памятника всем скончавшимся здесь матросам. Через год все Пирейское кладбище будет перенесено на другое, более отдаленное место, а теперь им занимаемое место будет выкопано для увеличения рейда. На новом кладбище будет отведено место исключительно для наших моряков и там поставлен памятник. Вели мне нарисовать проект кем-нибудь, не разглашая, однако, еще моего намерения. Я думала, что всего лучше была бы необтесанная скала, а на ней восьмиконечный крест, а у подножия его — якорь...»⁷, а в скале доска с именами скончавшихся здесь матросов⁸. С этого времени королева активно занялась устроением нового русского кладбища.

Письма Ольги Константиновны к брату за 1885 г. показывают ее неравнодушие к судьбам больных, их душах и упокоении, дают представление о том, как создавалось новое русское кладбище, ставшее позже Пирейским некрополем⁹. Ей удалось выхлопотать у городского управления Пирея довольно большой участок земли на новом Пирейском кладбище, где русские моряки (Ольга вначале писала «матрось»), скончавшиеся в Греции, нашли бы свое упокоение, т.е. «особое место для русских матросов». «А мы уже обнесем его решеткой, — писала Ольга. — Среди этого места, обнесенного решеткой, надо поставить памятник». В России, а затем на

⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 6. Афины. 31 января (12 февраля) 1885 г.

⁸ Там же. Д. 229. № 10. Афины. 20 февраля (4 марта) 1885 г.

⁹ «Дом русского зарубежья» в 2013 г. издал книгу И. Жалниной-Василькиоти «Русский некрополь в Греции», где собраны имена многих захороненных там людей. К сожалению, данная книга пестрит ошибками, как языкового, так и исторического характера, и не дает представления о роли не только греческой королевы, но и, что еще важнее, русских моряков в создании некрополя.

военных кораблях, находившихся в греческих водах и заходивших в Пирей, начался сбор средств на памятник всем скончавшимся в Греции морякам¹⁰. Великий князь Константин Константинович, по просьбе сестры-королевы, заказал «подписную книгу», и началась подписка на памятник. По совету личного секретаря королевы Н.Н. Философова переплет книги был сделан так, чтобы его не испортили — толстым и прочным, так как книга эта должна была переходить из рук в руки. На ней напечатали золотыми буквами: «Подписка на памятник в Греции умершим матросам» и стоял крест. Ольга просила брата: «Пока эта книга не будет готова, ты ничего не говори, а когда ты ее получишь, то ступай к папа и попроси его начать подписку... Не знаю, захочет ли мама в ней принять участие». Ольга просила обратиться также к их кузену, великому князю Алексею Александровичу, связанному с флотом, и к другим, но просила «не вмешивать в это дело таких, которые ничего не имеют общего с флотом и, главное, с эскадрами, находящимися и находившимися в греческих водах». Ольга писала: «Я думала дать 300 франков, но, может быть, это много, так как многие примут в этом участие, денег соберется достаточно [...] Здесь уж, наверное, каждый матросик примет в этом участие и принесет свою посильную лепту [...] И, даст Бог, деньги соберутся, памятник и решетка будут заказаны и готовы к тому времени, когда все кладбище перенесется на новое место. Не могу сказать тебе, до чего я буду тебе благодарна за помощь в этом деле, которое обратилось в любимую мечту»¹¹. Ольга вновь писала брату Константину: «Очень, очень благодарна тебе, что ты взялся помочь мне в деле подписки на памятник [...] с вашей легкой руки дело пойдет на славу»¹². И в том же письме: «Я в восторге и страшно благодарна тебе, что ты так энергично проводишь подписку на памятник, —

¹⁰ ГАРФ. ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 10. Афины. 20 февраля (4 марта) 1885 г.

¹¹ Там же. Д. 213. № 10. Афины. 20 февраля (4 марта) 1885 г.; Там же. № 14. Афины. 16 (28) марта 1885 г.

¹² Там же. № 16. Афины. 30 марта (11 апреля) 1885 г.

деньги ты оставь пока у себя и пришли только книгу, хотя теперь моряков здесь нет и вряд ли скоро будут»¹³. Одновременно Ольга занималась памятником¹⁴. Она раздумывала, делать ли памятник мраморным (тогда заказать в Греции) или бронзовым («тогда, конечно, в Питере»).

В июне 1885 г. великий князь переслал книгу подписки в Грецию, и королеве пришлось даже упрекнуть брата за его легкомысленность. Она писала: «Получила книгу подписки на памятник. Да я тебя уж много раз и письменно, и изустно благодарила за помощь в этом деле, но, но, но [...] Ты, кроме Шестачка и Зеленого, никому из моряков, побывавших здесь, книги этой не показал, а я уверена, что многие приняли бы участие в этом деле, начиная с В.В. Бутковой и Гвардейского экипажа [...] но я тебе очень и очень благодарна и за это начало, — можно считать, что собрано 1000 руб., если прибавить Павла¹⁵, который не откажется, и меня грешную. Это, во всяком случае, хороший фундамент; но теперь надо чтоб все здешние русские и масса моряков приняли бы участие, хотя только по несколько копеек, чтоб это было общее морское дело. Я так, так рада этому началу!»¹⁶ В середине сентября Ольга Константиновна сообщила брату Константину: «Подписка на памятник пущена в ход, с Вашей легкой руки [...] Так как явился Шестаков, да фрегат “Минин”, то я не хотела пропустить этот случай и дала книгу Шестакову; мне ее отдали вчера с двумя исписанными страницами, но это все были только офицеры. Тогда я попросила старшего офицера объяснить дело и дать эту книжку матросам, чтоб каждый из них дал бы одну или две лепты, не более, но чтоб каждый написал свое имя, а неграмотные поставили бы крестики. Три судна примут участие

¹³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 16. Афины. 30 марта (11 апреля) 1885 г.

¹⁴ Там же. № 6. Афины. 31 января (6 февраля) 1885 г.; там же. № 10. Афины. 20 февраля (4 марта) 1885 г.

¹⁵ Великий князь Павел Александрович (1860–1919) — будущий супруг греческой принцессы Александры — шестой сын императора Александра II и его супруги императрицы Марии Александровны; генерал-адъютант, генерал от кавалерии.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 229. № 23. Татой. 8 (20) июня 1885 г.

в этом деле: “Минин”, “Пластун” и “Сивуч”. Пожалуй, наберется даже больше денег, чем нужно... Старший офицер на “Минине” — Молас; когда он здесь был, и другие записывались в мою книжку»¹⁷. Вскоре Ольга с радостью сообщала брату: «Подумай, вышло, как я ожидала: наши чудные матросики так сочувственно отнеслись к надписи, что многие, несмотря на то, что им говорили давать только по несколько лепт, подписались на все свое жалованье последних месяцев — вот наш народ! [...] Хочу сказать спасибо вам, русские люди!»¹⁸

Ни один из задуманных Ольгой Константиновной проектов не оставался неосуществленным. Так и с русским кладбищем. Подписка на памятник шла очень бодро — кто же мог отказать королеве! Да еще в таком благородном деле. В конце 1885 г. Ольга писала брату: «Утром был у меня Казнаков [...] Он принес мне книгу обратно, которую я дала ему чуть ли не два месяца тому назад для подписки на памятник. Он говорил мне, что сам удивился, до чего сочувственно команда “Дмитрия Донского” отнеслась к этому делу, так как “Дмитрий Донской” в первый раз приходит сюда и даже еще не заходил в Пирей, а останавливался в Саламине. Теперь в этой книге записаны, кроме членов нашей семьи да здешней русской колонии, офицеры и команды пяти судов — “Минин”, “Пластун”, “Дмитрий Донской”, “Забияка” и “Сивуч”; денег набралось порядочно; не знаю, сколько именно, но, наверное, около 4000 фр., если не больше; на такую сумму можно поставить хороший памятник, окруженный железной решеткой [...] Я только буду настаивать на том, чтоб где-нибудь на этом памятнике приспособили сломанный якорь и, чтоб надпись была хорошая и короткая, например, “Русским матросам от земляков”»¹⁹.

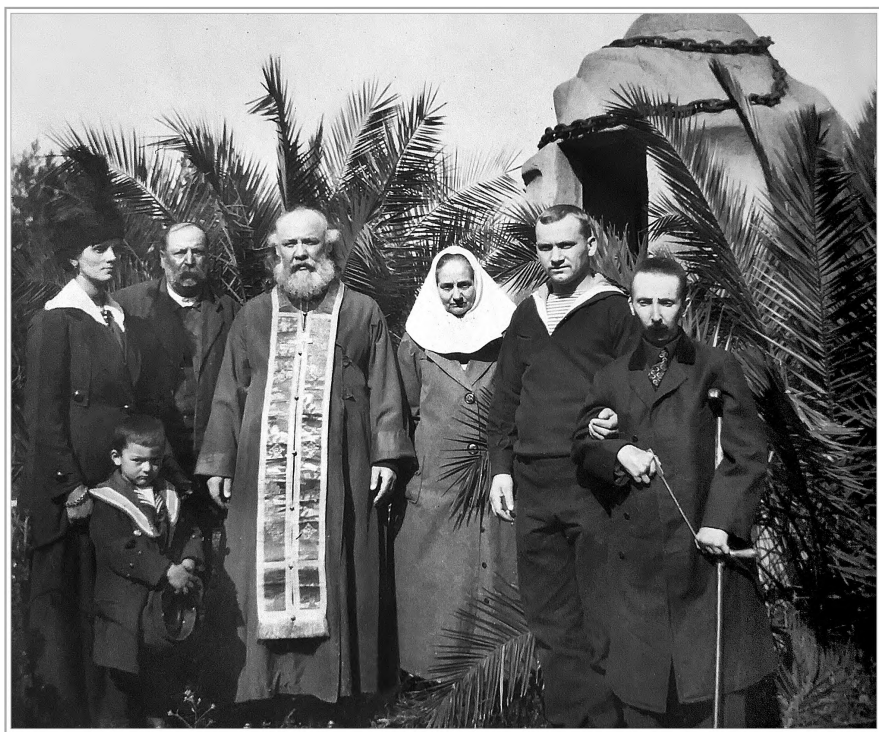
Ольга Константиновна следила за порядком на кладбище и на свои средства ставила на всех новых могилах

¹⁷ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 229. № 36. Татой. 2 (14) сентября 1885 г.

¹⁸ Там же. № 37. Татой. 7 (19) сентября 1885 г.

¹⁹ Там же. Д. 213. № 48. Афины. 23 ноября (5 декабря) 1885 г.

мраморные плиты и кресты. В январе 1895 г. она сообщила брату: «На днях была на русском кладбище, чтоб удостовериться, так ли оно устроено, как следует; нашла, что довольно хорошо»²⁰. В январе 1899 г. Ольга Константиновна с удовлетворением писала: «Вчера я была на нашем русском кладбище в Пирее, которое производит самое отрадное впечатление — надо, чтоб любовь и забота провожала людей до их последнего жилища. Чугунная ограда кругом на мраморной стенке, над каждым матросиком мраморная плита, там и сям над какой-нибудь могилкой стоячий крест, а в середине памятник с надписью “Русским морякам от земляков”;

Русское кладбище с памятником морякам

²⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 213. № 48. Афины. 23 ноября (5 декабря) 1885 г.

так мирно, просто, хорошо и даже приветливо, если можно так выразиться о кладбище; к тому еще было безоблачное небо и солнце все золотило»²¹.

12 (25) декабря 1900 г. Ольга писала брату: «Завтра своеобразная будет церемония: гробы лейтенанта Полевого, мичмана Волкова, одного судового священника и здешнего певчего будут выкопаны из земли матросами и перевезены на новое кладбище в Пирее; а послезавтра, 14-го, они будут похоронены на русском кладбище вместе с найденным там на старом кладбище морским офицером, умершим до моего рождения. Все это будет происходить с большой торжественностью и всеми почестями со стороны эскадры; будет послана музыка, команда будет палить и т.д. Очень хотелось бы присутствовать, но благоразумие воспрещает. Хотелся всех русских моряков и вообще всех русских соединить на одном кладбище»²². Прах моряков был перенесен со старых, Пирейского и Афинского, кладбищ. Матери Полевого и Волкова дали свое согласие на эту церемонию. Кроме этих двух офицеров перенесли еще одного судового священника и певчего здешней церкви. Королева сама не присутствовала там, чтоб не давать повода к пересудам. Ей позже докладывали, что все произошло в высшей степени торжественно; присутствовал контр-адмирал А.А. Бирилёв, масса офицеров, целый батальон из матросов эскадры и много посторонних. «Все косточки были переложены в новые беленькие гробы, которые несли матросики на руках; погода была дивная и вообще зрелище было замечательно красиво, как мне рассказывали, и трогательно. Для меня офицеры снимали массу фотографий, которые будут посланы»²³. За это деяние русские моряки называли королеву Ольгу «неусыпной печальницей и радетьельницей».

Многие члены экипажей русских кораблей посещали новое кладбище, где служились панихиды по умершим в Гре-

²¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 229. № 3. Афины. 12 (24) января 1899 г.

²² Там же. Д. 230. № 30. Афины. 12 (25) декабря 1900 г.

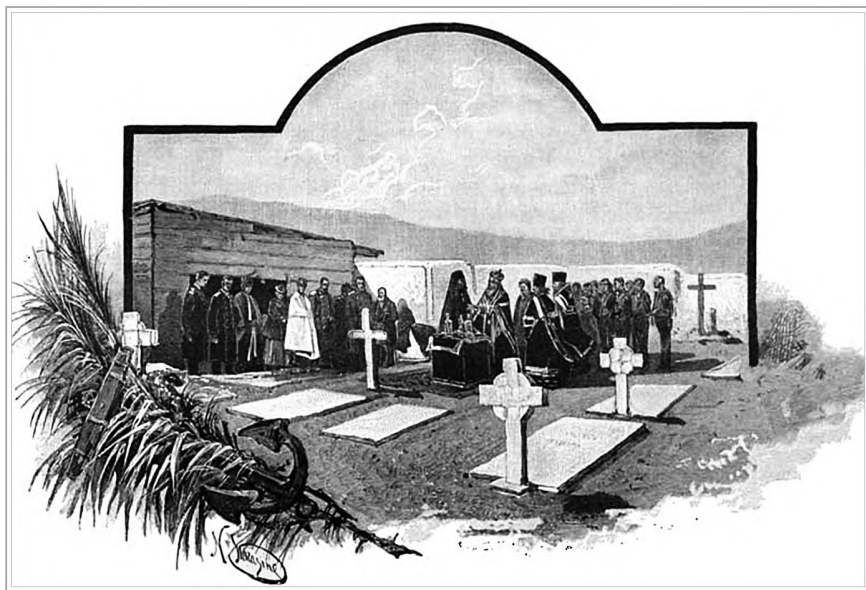
²³ Там же. № 31. Афины. 19 декабря (1 января) 1900.

ции морякам. Известен факт посещения кладбища российским цесаревичем Николаем Александровичем, будущим императором Николаем II, и членами русской эскадры, находившейся в Греции перед ее знаменитым плаванием на Дальний Восток в 1890–1891 гг. В последний день пребывания эскадры рано утром Ольга Константиновна поехала с великими князьями на новое русское кладбище для моряков («куда перенесли все наши русские могилки, памятник еще не поставлен, но все плиты перенесены — оно имеет вид весьма нарядный»). Сюда же заблаговременно, как писал Э.Э. Ухтомский, автор «Путешествия на Восток», прибыли вице-адмирал В.Г. Басаргин²⁴, архимандрит российской миссии Михаил, командиры русских судов, отцы-иеромонахи с «Памяти Азова» и «Владимира Мономаха» и другие приглашенные лица. «Почти пустое, просто огороженное место, отведенное усопшим, открыто ветру, который при совершении панихиды крепчает и злится. Звуки моления наполовину невнятны [...], но служба продолжается при благоговейном настроении тех, кто собрался для поминовения безвестных матросиков-соотечественников, — пишет Э.Э. Ухтомский. — Спите мирным сном в чужой земле! За ваши души набожно осеняют себя крестом сыновья батюшки-царя. За ваше безгрешное успокоение умиленно молится ваша неусыпная печальница и радетьельница — августейшая дочь вашего старого адмирала»²⁵. Ольга вспоминала: «Отслужили панихиду — назвали каждое имя отдельно — сколько горьких воспоминаний пронеслось мимо меня — сколько страдальцев, с которыми и я страдала [...] Наконец моя мечта сбылась, и они все лежали вместе, на одном кладбище, окруженные заботами... Чувствовали ли они, что наш цесаревич сам приехал, чтоб почтить их память?»²⁶.

²⁴ Басаргин Владимир Григорьевич (1838–1893) — вице-адмирал, русский флотоводец, географ.

²⁵ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891. Т. 1. С. 56.

²⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 218. № 29. Афины. 9 (21) ноября 1890 г.

Цесаревич на панихиде, 1890 г.

27 февраля 1892 г. по приказанию начальника Отдельного отряда судов в Средиземном море контр-адмирала Де-Ливрона все командиры судов отряда, свободные от службы офицеры, а также судовые священнослужители собрались на Новом пирейском кладбище для участия в его торжественном освящении. Туда же были высланы по 20 человек команды с крейсеров, а с канонерских лодок — по 10 человек команды²⁷. На русском кладбище вначале хоронили матросов и младших офицеров. Известно о захоронении в 1895 г. унтер-офицера Ивана Мазина с «Джигита», причем, панихида была проведена русским архимандритом из Афин. Играл военный оркестр и были отданы все подобающие почести. Высшие чины флота удостоивались отправки их праха в Россию для последующего захоронения по воле семьи, но были исключения. Так, в 1891 г. здесь был

²⁷ РГАВМФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.

Панихида по усопшему в госпитале. Крахмалёв

погребен старший офицер крейсера «Адмирал Корнилов» капитан II-го ранга В.Ф. фон Шульц.

25 июня (8 июля) 1902 г. королева писала: «Сегодня хоронили первого умершего в русской больнице матросика; он умер от чахотки, он был такой симпатичный, из окрестности Рамони — он там работал, бывало, на фабрике! Хоронили его очень торжественно [...] Как торжествен был момент, когда при пении “со святыми упокой” и “вечная память” вся команда стояла на коленях. Я думаю, что Нахимов, так любивший матросов, должен был радоваться с небес»²⁸. В 1903 г. умер в русской больнице и похоронен в Пирее заме-

²⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 232. № 25. Татой. 25 июня (8 июля) 1902 г.

чательный морской офицер Л.И. Комаров²⁹. В марте 1903 г. «хоронили троих матросов за раз, — сообщила Ольга брату, — это было ужасно грустно; все умерли от чахотки, так как один от туберкулезного менингита; сперва 14-го вечером умер матросик, оставленный крейсером “Диана”, 15-го утром боцман гвардейского экипажа георгиевский кавалер, оставленный крейсером “Адмирал Нахимов”, а в тот же день под вечер — квартирмейстер с броненосца “Император Николай I”; Ты можешь себе представить, как это было тяжело. Как всегда, их похоронили весьма торжественно! И кладбище такое миленькое»³⁰.

Среди похороненных там в январе 1911 г. был командир морской канонерской лодки «Черноморец» капитан I-го ранга Дмитрий Ксенофонович Селезнёв (умер в Русском госпитале в Пирее). На панихиду пришли не только официальные лица — российский посланник в Греции, русский генеральный консул, советник премьер-министра Греции Метаксас, но и русские и греческие офицеры и матросы с военного корабля «Псара», и австрийские — с «Игетвара». Церемония прощания была пышной и о ней даже написали греческие газеты. Стоявшие на рейде недалеко от русского госпиталя в Пирее корабли «Аврора» и «Черноморец» залпами орудий проводили в последний путь командира корабля. Постепенно там стали хоронить сотрудников российских дипломатических представительств, военных, знакомых королевы. Еще в 1894 г. согласно его воле был погребен военный агент России в Греции генерал-лейтенант, князь Михаил Алексеевич Кантакузин, греческого происхождения. В 1904 г. там были похоронены подруга королевы Ольга графиня Бальмен, скоропостижно скончавшаяся

²⁹ Комаров Леонид Иванович (1853–1903) — гардемарин с 1874 г., мичман с 1875 г., лейтенант с 1880 г., старший офицер монитора «Колдун» (1890–1890), старший офицер крейсера I-го ранга «Витязь» (1890–1893), капитан II-го ранга (1891), командир транспорта «Сектант» (1894–1895), командир броненосца береговой обороны «Вещун» (1895–1898), командир крейсера 2 ранга «Забияка» (1898–1899), командир крейсера II-го ранга «Разбойник» (1899–1901), капитан I-го ранга (1901), командир эскадренного броненосца «Император Николай I» (1902–1903).

³⁰ ГАРФ. Ф.660. Оп. 2. Д. 233. № 11. Афины. 17 (30) марта 1903 г.

в Афинах, генерал-лейтенант Н.А. Ризенкампф, живший у дочери Марии Николаевны Рифаат, жены турецкого посланника в Афинах Рифаат-бея, генеральный консул в Пирее Александр Степанович Трояновский (1905 г.) и другие. Всего до 1917 г. на русском кладбище в Пирее были погребены 100 человек. После революции 1917 г. в России на этом кладбище хоронили русских иммигрантов из армии генерала Врангеля, казаков и других³¹, которые оказались в Греции не по своей воле. Пирейское русское кладбище с могилами моряков, замечательным памятником, поставленным русским морякам греческой королевой Ольгой и скромной часовней существует и поныне, хотя и находится в плачевном состоянии.

Памятник сегодня

³¹ Гаршин М.Ю. Королева эллинов Ольга Константиновна // Русская морская зарубежная библиотека. Прага, 1937. С. 25, 39.